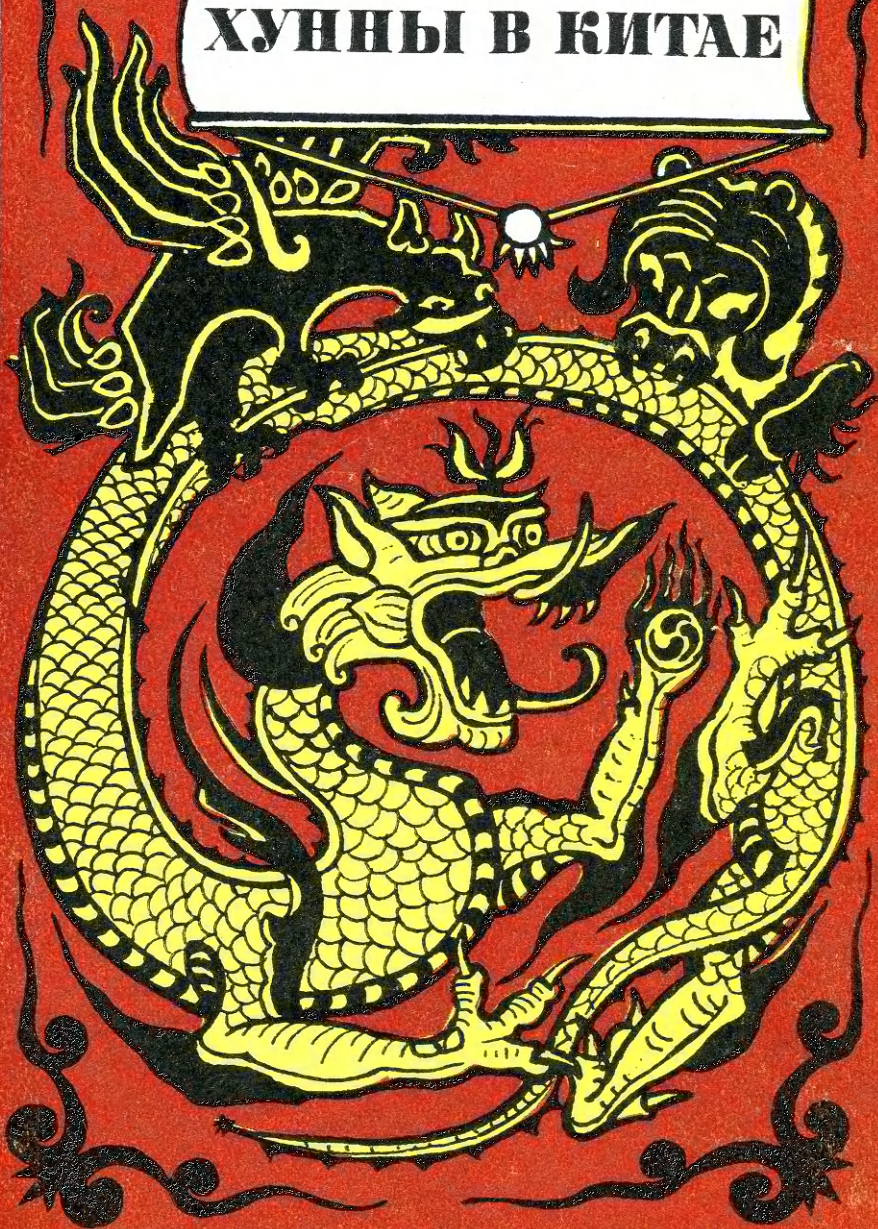

Л. Н. ГУМИЛЕВ

ХУННЫ В КИТАЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Л. Н. ГУМИЛЕВ

ХУННЫ В КИТАЕ

Три века войны Китая
со степными народами
III—VI вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974

9 (М) 03
Г 93

Ответственный редактор
Л. П. ДЕЛЮСИН

Книга посвящена сложному и малоисследованному периоду в истории Китая и кочевых народов Азии. Автор рассматривает в неразрывной связи исторические и этнографические процессы, подчеркивая важную роль, которую сыграли кочевые народы, противодействовавшие китайской экспансии.

Г $\frac{10603-048}{013(01)-74}$ 129—73

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1974.

О Т А В Т О Р А

Книга «Хунны в Китае» представляет собой первую часть «Степной трилогии», второй частью которой является книга «Древние тюрки» (М., 1967), а третьей — «Поиски вымышленного царства» (М., 1970). Несмотря на то что три книги несколько отличаются друг от друга стилем и характером изложения, что зависело не столько от воли автора, сколько от степени изученности и особенностей источников, они составляют целостное описание средневековой степной культуры, значение которой для всемирной истории заключается в том, что она остановила ханьскую и танскую агрессию, обеспечив тем самым оригинальное развитие всех культур Евразийского континента.

Однако необходимость свести в единую систему крайне разнообразный материал, лежащий не только в сфере истории, но также в области географии и антропологии, потребовала от автора разработки некоторых частных вопросов теоретической этнографии или этнологии. Географические аспекты этнологии здесь опущены, так как соответствующий материал опубликован в журнале «Вестник Ленинградского университета» (с 1964 по 1973 г.) в виде статей под общим названием «Ландшафт и этнос» (всего 14 статей), а также в «Докладах Географического общества Союза ССР», посвященных этнографии (№ 3, № 15), сводная статья «Этнос и ландшафт» помещена в «Известиях Географического общества», 1968, № 3.

Ограниченный объемом книги, автор в ряде случаев, чтобы не повторять аргументацию, дает сноски на свои опубликованные ранее статьи, в которых подробно освещены различные проблемы настоящего исследования.

Автор трилогии — историк, и поэтому, будучи вынужден касаться смежных областей науки, он прибегал к советам специалистов. Ныне автор пользуется возможностью принести искреннюю благодарность коллегам-географам: С. В. Калеснику, М. П. Петрову, О. А. Дроздову и Б. Н. Семевскому.

ПРОЛОГ

СТЕПЬ И КИТАЙ

Сама природа разделила Восточную Азию на две части: теплую, влажную и обильную, с многочисленным оседлым населением — Китай, и холодную, сухую, пустынную, с редким кочевым населением; ее мы будем называть Великая степь. На рубеже нашей эры ее населяли хунны.

Четыре века стремились династии Хань доставить Китаю господство над Азией. Подобно тому как в Средиземноморье возникла Pax Romana, на Дальнем Востоке чуть было не была создана Pax Sinica. Свободу народов Великой степи отстаивали только хунны. Они сражались в соотношении 1 : 20, против них были двинуты не только армии, но и дипломатия, и экономика, и обошественная культура.

В I в. н. э. внутренние процессы раскололи державу хуннов. Часть их подчинилась Китаю, другая часть отступила с боями на запад, где, смешавшись с уграми и сарматами, превратилась в гуннов¹.

Зафиксирован только один переход хуннов в 155—158 гг.² Кучка разбитых хуннов, теряя обозы и женщин, оторвалась от преследователя и добралась до Волгоуральского междуречья. На адаптацию потребовалось около 200 лет, после чего гунны (так их принято называть в отличие от азиатских хуннов) действительно превратились в грозную силу, но ведь это произошло уже на местной основе и роль миграции здесь ничтожна.

---

¹ Л. Н. Гумилев, Некоторые вопросы истории хуннов, — Вестник древней истории, 1960, № 4.

² Л. Н. Гумилев, Хунну, М., 1960, стр. 237.

Переходы других племен из степей Западного Казахстана не могли иметь значения, ибо находящиеся там суглинистые степи бесплоднее песчаных и густого населения там не было никогда, тогда как в Причерноморье степи обильны, воды много и народы воинственны. Скорее можно было бы ожидать вторжений с Дона на Иргиз, если бы западные кочевники сочли восточные степи достойными завоевания. Следовательно, причины смены народов надо искать на месте и, поскольку историческая наука удовлетворительных решений не предлагает, обратиться к смежным наукам — географии и палеоэтнографии.

Полоса степей между Днестром и Уралом, ограниченная с севера полосой лиственного леса, с юга Черным и Каспийским морями, с запада Карпатами и с востока полупустыней, всегда рассматривалась как целостность и в смысле природных условий, и в аспекте культуры народов, ее населявших. Однако наряду со степным ландшафтом там имеет место аazonальный ландшафт речных долин: Дона, Терека, Волги. В новых географических условиях хунны превратились в новый этнос — гуннов. Но в Азии победителями хуннов стали не сами китайцы, а народ, ныне несуществующий, известный только под китайским названием «сяньби». Это название звучало в древности как *Sārbi, Sirbi, Sirvi*³.

Однако название «сяньбийцы» вошло в обиход научной литературы как условный этноним.

Сяньбийцы во второй половине II в. остановили китайскую агрессию и оттеснили китайцев за линию Великой стены. С этого времени начался упадок древнего Китая, ставший причиной событий, о которых рассказано в этой книге. И тут меняется традиционное отношение к подбору сведений. Если в рассказах о степных кочевниках китайские историки обычно сухи и немногословны, то, когда дело идет об их собственной стране, приводится огромное количество эпизодов, деталей, а главное — имен, что не помогает, а мешает восприятию. Получается не стройное повествование, а калейдоскоп без тени системы. Запомнить все приводимые сведения невозможно, да и не нужно, потому что большая часть этих фактов на ход

---

³ P. Pelliot, *Tokharien et Koutcheen*, — *Journal Asiatique*, 1934, I, стр. 35.

событий не влияла. Следовательно, нужно делать отбор фактов, имеющих историческое значение, и давать обобщения. Впрочем, сами китайцы при составлении истории IV в., пользуясь принципом этнологической классификации, объединили 29 племен в 5 племенных групп: хунны, цзелу (кулы), сяньби, тангуты (ди) и тибетцы-цян (кян).

Но для нашего читателя этого обобщения недостаточно. Названия племенных групп, привычные китайскому уху, для европейца экзотичны и не вызывают ассоциаций. Значит, надо сопоставить трагедию, разыгравшуюся в Северном Китае в IV—V вв., с событиями всемирной истории, дабы обнаружить соответствия между локальным и глобальным процессами. Это не сложно, ибо разгадка лежит на поверхности. Основное содержание событий можно сформулировать так: великое переселение народов в Восточной Азии⁴.

Хотя описываемые события развертывались на территории нынешнего Китая, да и почти все источники написаны на китайском языке, относить историю «пяти племен и шестнадцати царств» только к синологии нельзя. Если бы нас интересовала проблема крушения древнекитайского общества или утраты и возвращения Китаем Срединной равнины, как в те времена именовался бассейн Хуанхэ, то наша проблема была бы только китаеведческой. Но ведь в поле нашего зрения лежит вопрос о смене хуннов, коренного населения восточной части Великой степи в течение минувшего тысячелетия, табгачами и тюрками, а также о приобретении кочевниками новой родины на берегах Мутножелтой (Яшиль-огюз)⁵ реки. В таком ракурсе весь огромный Китай для нашей проблемы только фон, и мы остаемся в рамках номадистики.

Существовало мнение, что кочевая и китайская культуры несоизмеримы, что кочевники были дикарями, вторгавшимися в цивилизованный Китай, что Великая степь — китайская периферия, а «проблема хуннов — это проблема Китая»⁶. Против этого мнения говорит все доподлинно известное об истории Центральной Азии, и

---

⁴ См.: R. Grousset, *L'Empire des steppes*, Paris, 1960, стр. 96. (далее — R. Grousset, *L'Empire..*).

⁵ Тюркское название Хуанхэ. См.: Л. Н. Гумилев, *Древние тюрки*, М., 1967, стр. 288, прим. II. Приведена литература вопроса.

⁶ См., например: *Вестник древней истории*, 1962, № 3.

все-таки такое мнение существовало и не всегда встречало возражения. Почему?

Девятнадцатый век оставил нам в наследство концепцию, согласно которой только оседлые народы создали прогрессивную цивилизацию, а в Центральной Азии будто бы царили либо застой, либо варварство и дикость. Самое плохое в этой концепции было не то, что она неправильна, а то, что она предлагалась как достижение науки, не подлежащее критике. В этом опасность любого предвзятого мнения.

Чтобы заставить рутинеров задуматься, нужен был аргумент сильный, бесспорный и наглядный. Таким оказались предметы искусства из алтайских⁷ и монгольских⁸ курганов. Все попытки усмотреть в них вариации китайского, иранского или эллинского искусства оказались тщетными. Культура кочевников I тысячелетия до н. э. была самобытна⁹. И более того, она была высока, гораздо выше, чем культура кочевников XVIII—XIX вв., изученная многими этнографами досконально. А это значит, что самобытная степная культура кочевников, подобно европейской, индийской или китайской, переживала подъемы и упадки, т. е. находилась в развитии, а не в застое, как молчаливо предполагали некоторые европейские ученые¹⁰.

Несмотря на устойчивый уровень техники и форм бытия, кочевническое хозяйство весьма изменчиво вследствие постоянного взаимодействия с природой¹¹.

---

⁷ С. И. Руденко, Культура населения горного Алтая в скифское время, М., 1953.

⁸ С. И. Руденко, Культура хуннов и ноинулинские курганы, М.—Л., 1962.

⁹ С. И. Руденко принял мнение о принадлежности больших алтайских курганов (Пазырык) юечжам (Культура Центрального Алтая в скифское время, М.—Л., 1960, стр. 175—176), самоназвание коих было *sgwied-di*, или *Sogdoi* — согдийцы (B. Laufer, *The Language of the Jue-chi or Indo-Scythians*, Chicago, 1917). Алтай, Джунгария и Хэси были завоеваны ими в IV в. до н. э., когда туранцы, почитавшие Митру, боролись с иранцами, принявшими учение Заратустры (см.: Л. Н. Гумилев, С. И. Руденко и современная этногеография аридной зоны Евразийского континента, — сб.: «Этнография народов СССР», Л., 1971, стр. 11—12).

¹⁰ O. Pritsak, *Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker*, — *Ural-altaische Jahrbücher*, 1952, Bd 24, H. 1—2.

¹¹ Л. Н. Гумилев, Кочевой быт: от расцвета к исчезновению, — *Азия и Африка сегодня*, 1968, № 2.

Природная же среда изучаемого региона весьма разнообразна. Она зависит от рельефа, степени увлажнения и не в меньшей мере от окружения. Так, в Монголии, в зоне устойчивого антициклона, при наличии лесистых хребтов Хангая и Хэнтея целесообразно круглогодичное кочевание на подножном корму, а в Джунгарии и Тарбагатае, куда зимние циклоны приносят обильные осадки, создающие глубокий снежный покров, и в те времена необходима была заготовка сена и перекочевки совершались по вертикали — из степи на альпийские луга (джейляу). В экстрааридных районах Приаралья, лишенных горных хребтов, шло круглогодичное кочевание, но в ослабленном сравнительно с Монголией ритме¹². Не меньшее влияние на развитие кочевников оказывало соседство то более или менее активного Китая, неоднократно пытавшегося завоевать степь, то слабого Ирана или раздробленного Согда, ограничивавшихся обороной от кочевых соседей. Разные условия существования заставили кочевников избирать разные формы адаптации, что и определило известную самобытность разных народов Великой степи.

РЕКА

А теперь, прежде чем приступить к историческому повествованию, включающему описание, анализ и синтетическую интерпретацию событий, разорвавших историю Срединной и Восточной Азии на два несхожих между собой периода, бросим, хотя бы беглый, взгляд на природу страны, где произошел этот надлом. На переднем плане нашей историко-географической панорамы лежит бассейн реки Хуанхэ; все остальное — только фон.

Истоки Хуанхэ находятся в Тибете. Первые 200 км река спокойно течет в широкой долине, окаймленной горами, почти лишенными растительности. Затем она врезается в горные отроги Куньлуня и превращается в бурный поток, несущийся в теснине глубиной до 500 м. Здесь ширина реки колеблется между 10 и 50 м, но, и вырвавшись из ущелий, она остается, по нашим представлени-

---

¹² Л. Н. Гумилев, Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период, — Доклады на ежегодных чтениях памяти Л. С. Берга, VIII—XIV, 1960—1966, Л., 1968, стр. 118—134.

ям, узкой: преимущественно 50—70 м, и только местами — до 300 м.

Однако быстрое течение делает Хуанхэ труднопреодолимым водным рубежом. Особенно сложны переправы через реку во время паводков, когда влекомые течением песок и ил составляют 46% объема речного потока. Поэтому великая излучина Хуанхэ, окружающая с трех сторон Ордос, делает его островом среди прилегающих пустынь. Но в середине зимы река замерзает. Тогда Ордос открыт для набегов и вторжений со стороны Великой степи.

В низовьях Хуанхэ намыла высокую дамбу и оказалась как бы «висящей» над окружающей ее равниной. У Кайфына дно реки на 5 м выше окружающей местности, и частые наводнения держат население в обеспокоенном страхе¹³.

Реки редко бывают пограничными рубежами, так как почти всегда легче пересечь реку, нежели, например, горный хребет или полосу пустыни. Поэтому в древности границей Китая и Центральной Азии была Китайская стена. На западе, в Ганьсу, она прикрывала цепочку оазисов, расположенных у подножий Наньшаня; восточнее поворота Хуанхэ к северу — отделяла степной и пустынный Ордос от аллювиальных равнин Шэньси, затем снова пересекала реку, разграничивая лесовую равнину Шаньси от степей современной Внутренней Монголии, и, наконец, ограждала древний земледельческий Хэбэй от набегов кочевых и охотничьих народов бассейна верхнего Ляохэ. Итак, подлинной границей двух огромных этнокультурных регионов была комбинация из природных и антропогенных элементов рельефа; ландшафтная же граница колебалась в зависимости от изменений климата, что особенно ощущалось в изучаемую нами эпоху.

В III в. н. э. усыхание степной зоны Евразии достигло кульминации. Поэтому полоса пустынь и сухих степей переместилась на юг, в северные окраины Шэньси и Шаньси. На месте бывших пашен стали появляться барханы, а вслед за ними — кочевники со стадами, потому что с севера их теснила пустыня. Китайская стена пере-

---

¹³ Н. Т. Кузнецов, Воды Центральной Азии, М., 1968, стр. 106—107; Ф. Я. Нестерук, Водное хозяйство Китая, — в кн.: Из истории науки и техники Китая, М., 1955, стр. 6—8.

стала служить целям обороны. Она приняла примерно такой же вид, как в конце XIX в., когда местами превратилась в простой сглаженный вал и разрозненные руины башен, окруженных барханами¹⁴. Четкая граница стерлась; на месте ее возникла зона этнического контакта, где китайцы и хунны жили попеременно.

Зато Южный Китай был надежно прикрыт от кочевников. Поросший густым лесом хребет Циньлин, отделяющий Шэньси от Сычуани, преграждал дорогу любой коннице. Впрочем, столь же непреодолима была голубая река Янцзы, ширина которой достигает 5 км. Достаточно было завести на Янцзы небольшую гребную эскадру, чтобы обеспечить безопасность Южного Китая. Но, забегаая вперед, скажем, что и болотистая область центральных озер — Аньхой и Хубэй — лишь в исключительных случаях становилась театром военных действий между кочевниками и китайцами. Влажные леса останавливали хуннов и табгачей лучше, нежели длинные алебарды китайской пехоты.

Но на западе враги Китая чувствовали себя в горных лесах как дома. Потомки древних жунов, помнившие кровавые расправы над своими предками, племена ди, цзун и др. создавали на западной окраине Китая такое же напряжение, какое существовало на севере, но здесь ландшафт не стал защитой Китая. И здесь не было никакого переселения народов, потому что защищали родную землю аборигены, устоявшие против насильственной китаизации. От их несравненного мужества и ярости Китая спасло только исключительное сочетание обстоятельств — то самое, о котором пойдет речь далее.

ВОДА

Не меньшее значение имели колебания степени увлажнения степной зоны¹⁵, которая иногда превращалась в раскаленную пустыню¹⁶.

¹⁴ В. А. Обручев, От Кяхты до Кульджи, М., 1956, стр. 89.

¹⁵ Л. Н. Гумилев, Опыт классификации общественно-политических систем древних кочевников Евразии, — Studien zur Geschichte und philosophie der Alterums, Budapest, 1968.

¹⁶ Л. Н. Гумилев, Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии (Опыт историко-географического синтеза), — Народы Азии и Африки, 1966, №4.

Палеонтологическими исследованиями в Центральной Азии установлено, что процесс усыхания степей был прерван периодом увлажнения в сравнительно недавнее время¹⁷. Историческая наука не только подтверждает этот вывод, но и позволяет уточнить дату указанного увлажнения.

Путешественниками отмечено, что монгольская степь заселена предельно густо. Это надо понимать в том смысле, что наличие пресной воды лимитирует развитие скотоводства, т. е. скота там столько, сколько можно напоить из имеющихся родников. Где только есть лужа воды — там стоит юрта и пасутся овцы. Если источник иссяк — скотовод должен либо умереть, либо покинуть родную страну, ибо в те времена переход на искусственное орошение был технически неосуществим¹⁸.

Следовательно, эпохе усыхания должно соответствовать выселение кочевников из середины степи к ее окраинам.

Это явление наблюдается во II—III вв. н. э. Хунны не вернулись на родину; табгачи с берегов Керулена перекочевали на берега Хуанхэ; оазисы Западного края (Сиюй) захирели; сяньбийцы, овладев степью до Тарбагатая, не заселяли ее, а распространялись по южной окраине Гоби до самого оз. Эбинор. Можно подыскать объяснения для каждого из этих фактов в отдельности, но не для их совокупности, хронологического совпадения и неповторимости ситуации. Если даже все это случайности, то сумма их — уже закономерность.

Мало этого, начиная с I в. до н. э. в хрониках постоянно отмечаются очень холодные зимы и засухи, выходящие за пределы обычных.

Заведенное хуннами земледелие погибло. Очевидно, процесс перехода к аридному климату в этот период зашел уже настолько далеко, что стал решающим фактором в примитивном хозяйстве, как оседлом, так и кочевом. Таким образом, мы можем объяснить обезлюдение северных степей в III в. н. э. сокращением пастбищных

---

¹⁷ Э. М. Мурзаев, Народная Республика Монголия, М., 1959, стр. 189.

¹⁸ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период, — Известия Всесоюзного географического общества (Далее — ВГО), 1933, т. 65, вып. 5.

угодий и считать III век н. э. кульминацией процесса усыхания.

Наряду с этнической мозаичностью Великой степи в ней наблюдаются общие черты, свойственные всем евразийским кочевникам. Они прослеживаются прежде всего в хозяйстве и быте¹⁹, основанном на бережном отношении к богатствам природы, что ограничивало прирост населения, ибо стимулировалась детская смертность и межплеменные войны.

Современному европейцу и то и другое кажется дикой жестокостью, но в ней есть своя логика и строгая целесообразность. При присвояющем натуральном хозяйстве определенная территория может прокормить определенное количество людей, входящих в геобиоценоз как верхнее, завершающее звено. Чрезмерный прирост населения ведет к истощению природных ресурсов, а попытки расселения — к жестоким войнам, так как свободных угодий нет. Переселение же в далекие страны с иными природными условиями тем более сложно потому, что скоту трудно, а то и невозможно там адаптироваться²⁰. Следовательно, остается только самоограничение прироста населения, а это легче всего делать с новорожденными.

Зимой ребенка бросали в снег, а затем кутали в тулуп. Если он оставался жив — выросал богатырем; а если умирал — то через год появлялся новый сын. Когда он становился юношей — его посылали в набег на соседей. Если его убьют — ладно, новый вырастет, а если он привезет добычу — значит, он герой. Поэтому редкий мужчина доживал до старости, и смена поколений шла быстро, а развитие производственных отношений — медленно.

Девочкам было труднее. Уход за ними в детстве был еще хуже, а потом кроме смерти их подстерегала неволя. Зато, став матерью, женщина царила в доме, а овдовев — становилась женой деверя, который должен был обеспечить ей почет и покой, даже если брак был фикцией.

Не вдаваясь в оценку этих форм быта, отметим, что равновесие населения с кормящей природой не наруша-

---

¹⁹ С. И. Руденко, К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках, — Материалы по этнографии ВГО, Л., 1961.

²⁰ Подробнее см.: Л. Н. Гумилев, Изменения климата и миграции кочевников, — Природа, 1972, № 4, стр. 44—52

лось, боеспособность кочевых племен была высокой и культурные достижения соседей перенимались с тем отбором, который позволял кочевникам сохранить свое лицо, вернее, остаться самими собою. Последнее было существенно необходимо, ибо рядом со степью находился воинственный Китай.

Численность военно-демократических обществ легко рассчитывается по числу воинов, обычно составляющих около 20 % населения. В III в. до н. э. в Монголии было приблизительно 60 тыс. хуннских всадников²¹, а в 304 г. н. э. — 50 тыс. воинов только южных хуннов, живших в Ордосе и Шаньси. Это значит, что число ушедших на запад было немедленно восполнено естественным приростом в пределах, допускаемых кочевым хозяйством и природными условиями ареала. Иными словами, численность населения была стабильной, благодаря чему природные ресурсы степей сохранились. Это отнюдь не неполноценность народов, будто бы неспособных к прогрессу, а оригинальный способ этнического существования, непохожий на привычные нам, но отвечающий потребностям самих кочевников.

Устойчивость взаимоотношений кочевников с ландшафтами Великой степи прослеживается и в духовной культуре²². Несмотря на восприимчивость степняков к эстетическим и религиозным канонам соседей, они сохраняли общую демонографию и культ Митры, охранителя клятв, карающего обман и ложь. Его проповедовали в Центральной Азии согдийцы-юечжи в IV в. до н. э.²³. Этот культ прослеживается с глубокой древности до XVI в., когда восточная часть степи была обращена в буддизм, а западная — в ислам. Но и тогда народные верования продолжали существовать. Итак, в древности этнографическая карта Центральной Азии была несравненно мозаичнее современной. С XVII в. там имеются две группы населения: тюркская и монгольская.

---

²¹ G. Haloun, Zur Uetsi-Frage, — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1937, стр. 306.

²² Л. Н. Гумилев, И. Эрдейи, Единство и разнообразие кочевой культуры Евразии в Средние века, — Народы Азии и Африки, 1969, № 3.

²³ Л. Н. Гумилев, Б. И. Кузнецов, Бон, — Доклады отделений и комиссий ВГО, Л., 1970, вып. 15, стр. 72—90; См. также: Л. Н. Гумилев, С. И. Руденко и современная этногеография аридной зоны Евразийского континента, стр. 12.

Этническое разнообразие при различии хозяйственных систем и форм материальной культуры способствовало созданию оригинальных локальных культур. Начиная с глубокой древности во всей степной зоне различные варианты межплеменных археологических культур фиксируют те или иные этнические взаимоотношения и дают, таким образом, ответ на вопрос, поставленный выше: каким образом шло интенсивное развитие при относительно стабильном уровне техники и малом числе вариантов социальных структур? Полученные данные позволяют сделать вывод, что ведущими противоречиями в кочевой культуре Евразии были противоречия между отдельными племенами, отличающимися друг от друга хозяйственными навыками и способами адаптации к ландшафту. За трехтысячелетнюю историю кочевой культуры племена то объединялись в разных комбинациях, то дробились на реликтовые этносы, то исчезали полностью, причем составляющие их люди входили в состав других племен²⁴. В первом случае подчиненное племя принимало на себя функции податного сословия; во втором — возникло состояние социального застоя, что в аспекте географии определяется как этноландшафтное равновесие; в третьем случае инкорпорация иноплеменников вела к социальной перестройке принявшего их племени в союз племен или орду, т. е. специфическую форму военной демократии в кочевом обществе. Социальная история и этнография в историческом синтезе не подменяют одна другую, а освещают предмет в разных аспектах.

Установив этот принцип, вернемся к хуннам.

Для того чтобы уяснить себе положение и возможности восточной ветви хуннского народа, сделаем небольшой экскурс в древнюю историю, подробно изложенную в книге «Хунну». Достаточно только окинуть прошлое взглядом, чтобы спокойно двигаться дальше, но обойтись без этого нельзя.

Сложение хуннских родов в державу произошло, по видимому, в III в. до н. э., когда все кочевые народы Евразии испытали мощный подъем жизнедеятельности. Но

²⁴ См. работы Л. Н. Гумилева: Поиски вымышленного царства, М., 1970; Древние тюрки, М., 1967; Хунну, М., 1960

разложения рода и образования классов у хуннов не наблюдалось. Энергичные и алчные родовичи оставались в системе рода, так как хуннское этническое мироощущение и связанный с ним отработанный стереотип поведения были таковы, что выход из рода рассматривался как самое большое несчастье. Поэтому имущественного расслоения быть не могло: род продолжал оставаться хозяином всех средств производства и только обладание предметами личного потребления отличало хуннов между собой. Однако это не препятствовало отдельным родовичам стремиться к умножению богатств, т. е. военной добычи, так как пропорционально подвигам вырастало их влияние внутри рода, а гордость и тщеславие не менее сильный импульс к деятельности, чем алчность. Таким образом составила внутривидовая элита, с помощью которой шаньюи подчинили себе степи от Хингана до Тяньшаня. Это была фаза исторического становления.

До тех пор пока военные действия развивались успешно, родовая элита множилась и сила Хунну росла, но когда Китай затеял жестокую войну, тянувшуюся со 133 г. по 97 г. до н. э., хунны начали нести сильные потери убитыми, ранеными и нервно-надломленными. В процентном отношении активная часть населения страдала больше, чем масса, так как в силу присущей ей ответственности она сражалась в первых рядах и в самых опасных местах. В конце концов хуннские удальцы отстаивали свободу своего народа, но два поколения надорвались на войне, и восстановить растроченные силы не удалось. А массы в это самое время размножились на бескрайних пастбищах Халхи, вдали от набегов китайской конницы.

Как видно из политической истории, фаза исторического существования хуннского этноса была относительно короткой. Но это произошло не за счет пресловутой неполноценности кочевого быта, а вследствие необходимости отстаивать свою жизнь и свободу от китайской агрессии. Поэтому, и только поэтому фаза исторического упадка хуннов наступила быстрее, чем у народов, находившихся в более благоприятных условиях.

В I в. до н. э. благодаря борьбе партий, казням, эмиграции и т. п. падало сознание хуннского единства. Единство было нужно воинам для «господства над народами»,

а спокойные кочевники могли пасти свой скот порознь. Конечно, для массы сильная власть тоже была полезна, так как обеспечивала безопасность, однако мы не вправе требовать от неграмотных пастухов и их жен сознания государственных задач и перспектив. Рядовые хунны помогали своему правительству в меру своих способностей — не их вина, что способностей у них было мало.

Соперник Хунну — Китай находился в совершенно иных условиях. Во-первых, сил у него было гораздо больше, во-вторых, китайцы не тратили пассионарный запас на пополнение рядового состава армии. Туда шли «молодые негодяи», т. е. преступники, от которых страна должна была так или иначе избавиться. Потеря одной армии для Китая была потерей материальной, и за 30 лет регулярного поступления налогов ущерб был возмещен.

А что было бы, если бы хуннское общество продолжало развиваться, если бы шелк китайских дипломатов и стрелы сяньбийских всадников не сокрушили империю Хунну и не раскололи ее на части?

Такой вопрос обычно не ставится в исторических сочинениях, и сама постановка его может быть сочтена ненаучной, но этнолог обязан случайности военного успеха отличать от закономерности развития (хотя часто случайности ломают закономерность). Этнос в своем развитии проходит определенные фазы, но он взаимодействует при этом с соседними этносами, и часто влияние соседей оказывается роковым: тогда закономерность развития нарушается и возникают формы, уродливые и неполноценные, обычно недолговечные, но всегда бросающиеся в глаза историку. Подчас это настолько искажает закономерность, что вводит в заблуждение исследователя. Попробуем внести ясность, пользуясь этнологией как критерием.

Постоянное влияние сильного и агрессивного Китая все время, исподволь деформировало хуннский этнос, но до временного подчинения Китаю в I в. до н. э. это влияние компенсировалось и затухало, не давая результатов. Однако шестидесятилетнее соседство и взаимодействие с Китаем оставили глубокий след на быте и психологии хуннов. При этом нельзя забывать, что китайцы и кочевники — люди предельно разных этнических доминант, и поэтому китаизация кочевников всегда была связана с жестокой психической ломкой.

Восстановление державы Хунну в I в. н. э. показало, что хуннская культура выдержала испытание, но уже в 48 г. сказались последствия привычки подчиняться врагу — часть хуннов добровольно поддалась Китаю. Это было началом смещения этнической доминанты, закончилось оно в 93 г. сянбийской военной победой. После этого самостоятельная история Хунну прекратилась, но этногенез продолжался: хунны делили судьбу тех культур и народов, к которым они волею истории прибились. Эта эпоха требует специального изучения, но раньше мы вправе спросить: а не могла ли хуннская культура развиваться дальше? По нашему мнению, могла.

Единственной опасностью для Хунну была ханьская агрессия. Следовательно, если бы империя Хань развалилась на 200 лет раньше, что могло бы быть, если бы толковые китайцы не прикончили узурпатора Ван Мана вовремя, в степи оформилась бы хуннская культура и развивалась бы хуннская цивилизация или фаза исторического существования²⁵. Именно эта фаза является наиболее продуктивной. При становлении оригинальной культуры, когда кипят страсти, создается определенный стиль жизни, способ взаимоотношений, ритм мироощущения и специфическое понимание идейных ценностей — красоты, истины, справедливости и т. п. В период «существования», когда страсти остывают, начинают выкристаллизовываться формы искусства, философии, законности и даже комфорта. Именно от этой стадии остаются следы для археолога и антиквара. Этой стадии хунны не прошли, она заменилась для них стадией обскурации — постепенного забвения традиций и бессмысленной борьбы за прозябание.

А ведь в степи могли бы создаться поэмы—патетичнее Илиады, мифы — фантастичнее Эдды, рассказы — не хуже 1001 ночи. Если по условиям климата не могла развиваться архитектура — развились бы ювелирное искусство и аппликации. Нет никакого основания думать, что письменность не может распространяться среди кочевников: грамотность была уже в VIII—IX вв. широко распространена среди тюркютов, уйгуров и кыргызов; хунны не составили бы исключения. Могла бы развиваться фи-

---

²⁵ См. Л. Н. Гумилев, Этногенез и этносфера, — Природа, 1970, № 2, стр. 43—46

лософия, народились бы естествознание и история, если бы не кровавый разгром, погубивший гениев в утробах матерей.

У хуннов были все предпосылки для перехода к мирной жизни: китайские эмигранты насадили в степи земледелие, согдийские — искусства и ремесла, турфанцы — торговлю.

Разумеется, для того чтобы посеянные семена дали всходы, нужно было время, а его-то не оказалось у хуннов.

Итак, если быть справедливыми, мы должны оплакать тот час, когда последний хуннский шаньюй упал, израненный, с боевого коня и, подхваченный верными сподвижниками, умчался в никуда. Он сражался за неосуществившуюся цивилизацию с предателями (южными хуннами), захватчиками (китайцами) и жадными дикарями (сяньбийцами). И нет никаких оснований по одичавшим западным хуннам IV в. судить об их рыцарственных предках.

Трехсотлетняя обскурация в Восточной Азии наступила не благодаря, а вопреки деятельности хуннов.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Несмотря на очевидность того, что культуру любого народа нелепо оценивать с позиций его противника, обаяние аутентичного источника держало многих историков в тисках китайских представлений и характеристик. Отсутствие у хуннов и других кочевников письменности повело к тому, что китайским летописям нечего было противопоставить. Однако в руках историка, вооруженного этнологической методикой, имеется мощное противоядие тенденциозным трактовкам, прошедшим сквозь века, — логика событий и понятие о структуре этногенетических процессов. Избыточная энергия живого вещества в замкнутой системе, в нашем случае — этносе, ищет выхода. Она ломает установившиеся социальные перегородки, заставляет этнос вступать в контакты с соседями, расширяться и, наконец, израсходовавшись на свершения, приходит в равновесие со средой, вследствие чего сама система исчезает. Этот процесс становления дер-

жавы Хунну был прослежен нами в деталях²⁶, а интерпретация его была сделана на основе принципов, которые сформулированы только десять лет спустя²⁷. Любопытно, что книга выдержала жестокую критику со стороны китаистов, но полемика велась лишь по частным вопросам техники пользования переводами²⁸. Основная же, синтетическая часть работы не вызвала у многочисленных рецензентов сомнения²⁹.

Для этнолога история хуннов интересна как пример невоплощенных возможностей и как вариант нарушенного процесса этногенеза, когда вместо цивилизации возникает либо обскурация, либо этническая (не всегда физическая и тотальная) экстерминация.

В эпоху, избранную нами для изучения, тема исторического развития осложнена проблемой этнических контактов. В Северном Китае хунны представляли этническое меньшинство, да еще разбавленное инкорпорированными разноплеменными кулами. Сталкиваться же им приходилось не только с китайцами, но и с тибетцами, сяньбийцами, табгачами и аборигенами Северо-Западного Китая, более древними, нежели сами китайцы. Все эти народы весьма разнились между собою и к хуннам относились по-разному. Насколько важна эта проблема, будет видно из описания хода событий и их последствий.

Первичные сведения получены из переводов китайских хроник, но, хотя переводы сделаны добросовестно, сами хроники — источник сверхсложный. По поводу китайской исторической литературы В. П. Васильев вполне основательно написал: «С первого взгляда на полное собрание китайской истории можно подумать, что в ней уже все сделано и что знающему китайский язык стоит только читать многотомные сочинения и извлекать из них машинально сведения, но на деле оказывается совсем не то; кроме странного расположения, которое заставляет занимающихся перебирать все сочинения для того, чтобы получить полное понятие об одном каком-нибудь отдель-

---

²⁶ Л. Н. Гумилев, Хунну.

²⁷ Л. Н. Гумилев, Этногенез и этносфера, — Природа, 1970, № 1, 2.

²⁸ Вестник древней истории (далее — ВДИ), 1962, № 3, стр. 202—210

²⁹ С. И. Руденко, К вопросу об историческом синтезе, — Доклады по этнографии, вып. 1 (4), Л., 1965, стр. 59—65.

ном событии, кроме утомительного труда, кроме постоянного критического напряжения, которое, однако ж, может открыть истину только при полном изучении предмета, историку, сверх того, постоянно представляются вопросы, которым он напрасно ищет разрешения, постоянно встречает он искажения, пропуски...»³⁰.

Именно с такой литературой вопроса мы столкнемся ниже, добавив к тому, что сказал В. П. Васильев, что трудности историко-географического, палеоэтнографического и социально-исторического характера превосходят перечисленные им выше. Конечно, китайские авторы не могли беспристрастно отзываться о врагах своего народа и своей страны, хотя, надо воздать им должное, они к этому стремились. Но у нас-то нет никаких поводов быть несправедливыми. Мы должны отчленивать причины и уловить следствия того грандиозного явления, которое китайцы называли «эпохой пяти варварских этносов (У-ху)», а французы — «великим переселением народов в Азии». И главную трудность — калейдоскопичность событий и многословие описаний — мы попытаемся преодолеть путем применения несколько необычного аспекта — этнологического.

КРУШЕНИЕ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

В отличие от державы Хунну ханьский Китай был неязвим для внешних врагов. Население его к концу II в. исчислялось в 50 млн. трудолюбивых крестьян. Четырехсотлетняя культурная традиция поддерживалась поколениями конфуцианских грамотеев. Ремесла совершенствовались, торговля увеличивала обороты, армия укомплектовывалась «молодыми негодьями», т. е. преступниками, не находившими себе места в отрегулированной системе, и пополнялась инородческой конницей: хуннами, кянами, сяньбийцами, служившими за плату. «Срединная империя» на востоке континента казалась столь же незыблемой, как «Вечный город» на западе. И как обманчиво оказалось все это!

---

³⁰ В. П. Васильев, Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин, — Годичный акт С.-Петербургского университета за 1858 год, стр. 97

Что, собственно, произошло на рубеже II и III вв.? Да как-то все сразу, а этого вынести никто не может. Сначала члены правительства — внухи поссорились с учеными конфуцианцами и, конечно, победили их, а заодно всех их родных и знакомых. Уцелевшие даосисты возглавили крестьянское восстание «желтых повязок» в 184 г., которое было разгромлено и потоплено в крови регулярными войсками и ополчениями латифундиалов в 189 г. Затем солдаты перебили канцеляристов-евнухов, но против их буйств выступило земское ополчение, блокировавшее непобедимую армию в Чанъани. Там армия разложилась, и солдаты, перебив своих командиров, потерпели поражение в 196 г. Не погибшие в бою были казнены.

Со 191 г. началась нескончаемая борьба аристократов, захвативших власть в провинциях, между собою. Большая часть их была беспринципными честолюбцами. Эти погибли раньше других, ибо им приходилось покупать себе друзей, что всегда ненадежно: деньги они берут, дела не делают и охотно предают хозяина, если его соперник предложит больше. К 210 г. этот период завершился образованием трех царств, каждое из которых имело свое лицо и особую структуру.

На северо-востоке Китая усилился талантливый и беспринципный аристократ Цао Цао, захвативший в свои руки последнего императора династии Хань и правившего от его имени. Девиз его царства именовался «Время и Небо», т. е. судьба. Это значило, что отважные и бесовестные люди могли сделать быструю карьеру и разбогатеть. Так как наступившая за истекшие годы демократизация увеличивала число авантюристов, то армия Цао Цао все время пополнялась и усиливалась. В 220 г. сын Цао Цао, Цао Пэй, узурпировал власть и нарек свою династию Цао-Вэй.

На юго-востоке полководец Сунь Цюань создал царство У, принципом которого стали «Земля и Удобство», т. е. выгодное географическое положение страны, прикрытой великой рекой Янцзы. Сунь Цюань и его преемники приглашали к себе на службу ученых конфуцианцев, но, как всякая консервативная система, эта политика была обречена. Как только к власти пришли временщики, что было неизбежно, начались придворные интриги и выжимание из народа средств на роскошь.

Третье царство — Шу-Хань образовалось в Сычуани

самым неожиданным образом. Вожди разгромленного движения «желтых» даосы, твердо зная, что победа Цао Цао и Сунь Цюаня означает для них мучительную смерть, договорились с кондотьером Лю Бэем и его отрядом о борьбе с Цао Цао. Вначале они базировались на междуречье рек Хань и Янцзы, но были разбиты и ушли в Сычуань, представлявшую собой естественную крепость, окруженную горами. Там они провозгласили царем Лю Бэя, ставшего марионеткой в руках мудреца Чжугэ Ляна. Принцип структуры был провозглашен гуманистический: «Человек и Дружба», но он не получил своего воплощения. Население Сычуани, по большей части некитайское, подчинялось власти даосов и кондотьеров, но не проявляло к их целям и задачам никакого интереса. А это было трагично, ибо война между тремя царствами продолжалась до 264 г., когда, уже после смерти Чжугэ Ляна, войска царства Цао-Вэй оккупировали Сычуань.

Царство Цао-Вэй возвысили две социальные группы: землевладельческая знать, из которой вышел основатель династии, и профессиональные военные, примкнувшие к нему ради личной выгоды. Пока шли постоянные войны, они уживались друг с другом, но после победы над Шу разразился конфликт, в котором войска победили аристократов. В 265 г. вождь армии Сыма Янь, внук и сын победоносных полководцев, низложил последнего царя династии Цао-Вэй и стал типичным солдатским императором, подобным тем, которые захватили в Риме власть у сената. Новая династия приняла название Цзинь. Она завершила объединение Китая, покорив без больших боев разложившееся царство У в 280 г.

Цзинь была солдатской империей. «Молодые негодяи» эпохи Хань стали опытными мерзавцами и достигли власти. К концу III в. потенция древнего Китая оказалась исчерпанной. Все пассионарные люди за время Троецарствия проявили себя и погибли. Одни — за «желтое небо справедливости», другие — за красную империю Хань, третьи — ради верности вождю, четвертые — стремясь к славе в потомстве. После страшного катаклизма Китай превратился в пепелище, скопление усталых людей, которым могло управлять самое бездарное правительство. Достаточно сказать, что численность населения со 180 к 220 г. упала с 50 млн. человек до 7,5 млн.

За полстолетие мира оно поднялось до 16 млн. чел., но это были уже не те люди, что в эпоху Хань. В Китае наступила фаза обскурации, что показывает история последующих событий, к изложению которых пора перейти³¹.

И ведь нельзя сказать, что династия Цзинь ничего не сделала для укрепления своего режима и страны. Сразу вслед за покорением царства У, в 280 г., Сыма Янь издал указ, согласно которому все земли империи стали собственностью государства, а население превратилось в держателей наделов. Крестьянин обрабатывал около двух третей надела для себя и вносил за это налог, а на одной трети трудился в пользу казны. Реформа имела целью стимуляцию развития сельского хозяйства и переход контроля над ним от латифундиалов непосредственно к правительству. Естественно, владельцы «сильных домов» стали отстаивать свои преимущества и добились права получать за службу в государственном аппарате земли с крестьянами в зависимости от ранга: от 15 крестьянских дворов до одного. Эти пожалования можно рассматривать как феодальный институт — бенефиций.

Но из затей Сыма Яня ничего не получилось. Мало иметь оплачиваемых чиновников, нужно еще, чтобы они отработали свою плату. А этого они делать не умели, да и не хотели, ибо патриотические традиции древней культуры эпохи Хань были забыты и стимулом поведения стал близорукий, но безудержный эгоизм. Реформа просуществовала всего десять лет, после чего вспыхнула такая междоусобица, которая по размаху не уступала самым жестоким годам Троецарствия. И тогда законы потеряли всякое значение, потому что силу права заменило право силы.

---

³¹ Описание механизма перехода от фазы к фазе и последовательность событий изложена нами в ст.: «Троецарствие в Китае», — Доклады ВГО, вып. 5, Л., 1968. Подробнее см.: Ло Гуаньчжун, Троецарствие, т. 1—2, М., 1954—1955; ср.: История стран зарубежной Азии в средние века, М., 1970, стр. 44—50.

Т Л Е Н И Е

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОГО КОНТАКТА

Когда астрономы наблюдают близкое прохождение большой планеты и малого метеора, то их не удивляет, что последний, подчиняясь силе тяжести, либо падает на планету, либо становится ее спутником. И ни планета, ни метеор, ни законы тяготения не виноваты, потому что в природе нет места понятию вины. Но когда соприкасаются разные по быту и культуре этнические и суперэтнические целостности, разве может быть иначе? Воля и настроенность отдельных людей растворяются в статистических закономерностях этногенеза, отличающихся от законов природы только меньшей изученностью. Столкновение кочевников с земледельцами всегда создает острые коллизии, в которых ни те, ни другие не виноваты. Именно такая ситуация существовала в Северном Китае III—V вв. Виноватых не было, а несчастных было слишком много. Но могли ли хунны и табгачи, теснимые засухой, пожирившей их родные степи, не ютиться по окраинам растущей пустыни, там, где еще была вода и трава? И могли ли тангуты, потомки жунов и ди, не отстаивать родные горы от наплыва китайцев? А китайцы!.. да как-то им было видеть, как в их страну вползают «варвары» и норовят пасти свой скот на полях, годных для земледелия? Китайцы были уверены в своей правоте и силе; ведь их было около 16 млн.¹, объединенных одной властью и одной целью — не допустить дикарей в Поднебесную. А против них стояло около 400 тыс. разрозненных кочевников: хуннов, сяньбийцев и ухуаней². А пол-

---

¹ Ша и Ю э, Очерки истории Китая, М., 1959, стр. 128 (далее — Очерки...)

² Там же, стр. 134.

миллиона тибетоязычных горцев, локализованных на западной границе Китая, были равно враждебны и чужды и китайцам и кочевникам. Но и внутри этих трех больших групп не было единения. Китайцев раздирали классовые противоречия: богатые землевладельцы давили на крестьян, профессиональные солдаты грабили опальных помещиков, но от этого сами не богатели; вельможи гибли во время дворцовых интриг. Горцы делились на племена: ди, жяны и цзун, взаимно враждебные друг другу. Хунны имели в качестве союзников кулов (цзелу), чуждых им по быту и психическому складу. Сяньбийцы, муюны и табгачи, родственные по происхождению и языку, соперничали друг с другом и не допускали даже мысли об объединении. Историческая судьба этой эпохи выступила в образе Великой Обиды и сделала неизбежной войну, в которой никто не был ни прав, ни виноват. Ибо в то время помириться с противником можно было только одним способом — дать себя убить.

Вначале кочевники, оседавшие на границе Китая, хотели только мира. Но вельможи и помещики хватили их и продавали в рабство в далекий Шаньдун, для издевательства сковывая попарно хунна и кула. Ожесточение сердец росло, и сами современники отмечали это. Сановник Цзян Тун в трактате «О переселении жунов» писал, что племена, переселившиеся в Китай, «пропитаны духом ненависти до мозга костей»³. И это было одной из причин, погубивших древний Китай и его блестящую культуру. Однако ни китайцы, ни хунны, ни табгачи не могли не быть самими собой. Следовательно, изучая эту эпоху, мы сталкиваемся с проблемой этнического контакта, который не всегда ведет к благоденствию и прогрессу. Но он был, на беду, неизбежен, ибо в степи в III в. произошли грандиозные перемены.

ВОСТОЧНЫЕ ХУННЫ

В предыдущей книге мы довели историю Великой степи до начала III в., когда закончился поединок между соперничавшими степными народами: хуннами и сяньбийцами⁴. Сяньбийцы победили, но уже к 235 г. их дер-

³ Там же, стр. 135.

⁴ Л. Н. Гумилев, Хунну, стр. 240—241.

жава развалилась на части. Хунны были побеждены и образовали четыре ветви, каждая из которых имела свою судьбу. Одна из них, наиболее неукротимая, отошла через степи современного Казахстана в междуречье Урала и Волги в поисках новой родины⁵. Вторая — «малосильные хунны». — осела в Тарбагатае и овладела Семиречьем, после чего не раз удивила Азию своими подвигами⁶. Третья, наиболее инертная, осталась на родине и смешалась с победителями, вследствие чего в сяньбийском языке оказалось огромное количество тюркских слов. Наконец, четвертая ветвь осела по обе стороны Великой стены, в Шаньси, Ордосе и Алашане. Именно эта ветвь хуннов взяла на себя инициативу восстановления былой хуннской славы, несмотря на то что ее положение было наиболее тяжелым. От родной степи они были отрезаны сяньбийцами и находились в руках китайского правительства, отнюдь к ним не расположенного. Лишь падение династии Хань дало хуннам шанс на освобождение, да и то не сразу.

Во время кровавых десятилетий Троецарствия хунны ничем себя не проявили. В волнениях, обуревавших китайский народ, они участвовали так, как будто это были их волнения. Сначала массы хуннов примкнули к «желтому» движению, потом, когда оно пошло на спад, явились к Цао Цао с изъявлением покорности и снабдили его степными конями для ремонта кавалерии (203)⁷. Это спасло их от истребления. Правительство Цао-Вэй разделило хуннские кочевья на 5 отделов, поставив во главе каждого потомка хуннских князей. Однако эти князья были подчинены специально назначенным чиновникам-наблюдателям. Общее количество хуннов в то время исчислялось в 30 тыс. семейств, т. е. около 150 тыс. человек; но расселены они были на очень большой территории и жили среди китайцев, не смешиваясь с ними. В 265 г. прикочевали хунны, «ранее убежавшие в степь — всего 20 тыс. семейств и просили принять их в подданство. Их поселили в Хэси». В конце III в. зафиксировано только два возмущения: в северной ставке хун-

---

⁵ Л. Н. Гумилев, Некоторые вопросы истории хуннов, — ВДИ, 1961, № 4.

⁶ См.: Л. Н. Гумилев, Древние тюрки.

⁷ Ло Гуаньчжун, Троецарствие, т. I, стр. 419.

нов в 271 г. «взбунтовался шаньюй Мэн»⁸. Он был убит подосланным убийцей. В 291 г. восстал хуннский Хаосань, но был схвачен своими же старейшинами, и восстание погасло. Хунны жили в покое и накапливали силу. Это было затишье перед бурей.

Другим большим племенем были цзелу, обитавшие на берегах р. Хэйшуй. Это племя образовалось из хуннских «рабов», освободившихся при распаде хуннского общества (25—85 гг.). Основными занятиями их были скотоводство и охота. «Они не тождественны племенам запада, которые принадлежали к Вэйби (сяньби). Они не одной расы: среди них имеются танху, и динлин и кяны (тибетцы), которые живут вместе с ними. И это потому, что первоначально они были рабами хунну»⁹.

Слово «цзелу» произносилось в древности «qul», что на современных тюркских языках означает «раб». Однако еще в VI—VIII вв. это слово имело совсем другое значение: иноплеменник, или подчиняющийся чужому государю¹⁰. Собственно говоря, описание «Вэй люе» соответствует именно древнему значению, без оттенка личной неволи. Хунны во времена своего могущества принимали к себе эмигрантов из Ханьской империи, в том числе и китайцев¹¹. Эти пришельцы жили среди хуннов, но не становились членами родов, что было, с точки зрения хуннов, необходимо, чтобы быть полноправным членом их общества. Общность социального положения и исторической судьбы спаяла разноплеменных эмигрантов в монолитный коллектив не менее прочно, чем это бывает при единстве происхождения. Кулы объяснялись друг с другом по-хуннски и по этнолингвистическому признаку должны были быть причислены к хуннам. Однако ни хунны не считали их своими, ни кулы не претендовали на то, чтобы войти, хотя бы путем браков, в хуннские роды. Им и без того жилось неплохо, наверное, даже свободнее, чем

⁸ А. Н. Бернштам, Очерки истории гуннов, Л., 1950, стр. 220. Так как шаньюев у хуннов в это время не было, видимо, Мэн провозгласил себя шаньюем. Сведения взяты из «Цзинь шу», гл. 97; Ср. P. Woodberg, Two Notes on the History of the chinese frontier,—Harvard Journal of Asiatic Studies, 1936, vol. I, стр. 293 (далее — P. Woodberg, Two Notes ..).

⁹ E. Chavannes, Les pays d'Occident d'après Wei-liao, T'oung Pao, ser. 2, vol. 7, 1905, стр. 522—526.

¹⁰ Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, стр. 54—55.

¹¹ Л. Н. Гумилев, Хунну, стр. 55.

природным хуннам. В политическом отношении кулы были вполне лояльны хуннским шаньюям (титул вождей), потому что отнюдь не стремились попасть обратно в Китай. Совместные походы и соседство роднили их с хуннами, а дети беглецов, пережившие между собою, составили целостность, которую китайцы III в. приравнивали к этнической. Думается, что они были правы. Каждый этнос есть целостность, исторически сложившаяся из различных субстратов. Каким бы монолитом ни представлялся нам тот или иной изолированный народ, когда-то и он был в стадии становления, т. е. в стадии спайки различных, до него существовавших народов. Какие же основания отказывать в названии этноса хуннским кулам, если они кристаллизовались в нечто целое¹². А что касается названия, то нарицательные имена как этнонимы известны и в Европе: франки — свободные, свевы — бродяги, маркоманны — пограничники, алеманны — сброд и т. п. Другое дело, что продолжительность существования этноса хуннских кулов была мала, но зато роль их в событиях IV в. оказалась большой.

Иными словами, здесь мы наблюдаем интереснейший вариант этногенеза от начала до конца, который следует плодотворно анализировать, что мы и сделаем, после того как будут изложены все его перипетии.

У ПОДНОЖИЯ ТИБЕТА

На западной окраине Китая, в современных провинциях Шэньси и Ганьсу, жили бок о бок два разных народа: монголоидные пастухи кяны, народ тибетской группы, и земледельцы *ди*¹³. Это были два разных народа¹⁴, в древности говорившие на разных языках тибето-бирманской группы. Они распались на несколько племен, из которых наибольшее значение для истории имели тан-

¹² Л. Н. Гумилев, О термине «этнос», — Доклады ВГО, вып. 3, Л., 1967.

¹³ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Материалы по этнологии Амдо и области Куку-нора, СПб., 1903, стр. 3 (далее — Материалы по этнологии...); Л. Н. Гумилев, Величие и падение древнего Тибета, — Страны и народы Востока, VIII, М., 1969, стр. 153—155.

¹⁴ Terrien de Lacouperie, Les langues de la Chine avant les chinois, — Le Museon, 1888, VII, стр. 28—29.

чаны, дансяны, ди-бома в Сычуани и байлан. Впоследствии эти племена жундического происхождения, слившись, образовали средневековых тангутов¹⁵. Несмотря на продолжительное общение с китайцами, они сохранили еще в III в. своих князей и свой быт. Хотя большинство их знало китайский язык, но у себя дома они пользовались языком ди. Наряды и обряды их были похожи и на китайские, и на тибетские. Китайцы иногда фигурально называли их «динлинами», но это не этноним, а метафора, подчеркивающая европеоидность как отличительную черту. Настоящие динлины были другим народом и жили не в Китае, а в Сибири.

Коротко поясним читателю изложенное выше: в древности в Восточной Азии существовали две европеоидные расы 2-го порядка: динлины и ди. Долихокранные динлины издавна жили в Южной Сибири и принадлежали к «кроманьонскому» типу в широком смысле слова¹⁶. Китайцы в древности называли Саянские горы — Динлин, подчеркивая этим локализацию странного для них народа¹⁷.

Ди и родственные им жуны обитали на территории современного Китая от оазиса Хами до Хингана и в Сычуани¹⁸. Они были также европеоиды, но брахикранные, близкие к памироферганской расе. Потомки ди, смешавшиеся с монголоидными тибетцами, встречаются среди амдосских кочевников, ныне неправильно называемых тангутами¹⁹.

Необходимо отметить, что этноним «тангут» — это средневековое монгольское название минягов, одного из племен ди. Теперь оно благодаря ошибочным и легкомысленным отождествлениям XIX в. перенесено на кочевых тибетцев Амдо и Кама, т. е. на совсем другой народ²⁰.

¹⁵ Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Материалы по этнологии...*, стр. 41 и 43.

¹⁶ Г. Ф. Дебец, *Палеоантропология СССР*, М., 1948, стр. 65.

¹⁷ См. работы Л. Н. Гумилева: Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло как историк Центральной Азии, — *Материалы по этнографии ВГО*, Л., 1961, № I; Динлинская проблема, — *Известия ВГО*, 1959, № 1.

¹⁸ O. Lattimore, *Inner Asian frontier of China*, N. Y., 1940, стр. 340—349.

¹⁹ Эту ошибку выяснил и исправил Г. Е. Грумм-Гржимайло. См.: *Материалы по этнологии...*

²⁰ Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. II, Л., 1926, стр. 26.

Однако этноним «тангут» употребляется правильно в цитируемой нами научной литературе, и потому мы вынуждены его сохранить и использовать.

СЯНЬБИ

Воинственные роды сяньби, захватив Халху, рассеялись в ней и в III в. потеряли те зачатки государственности, которые у них были во II в. У себя на родине, в южноманьчжурской степи, они сохранили жизнеспособность, но, подобно южным хуннам, подверглись влиянию китайской культуры. Это влияние сказалось на сяньби даже больше, чем на хуннах, так как последние имели развитую традицию кочевой культуры, а сяньби — примитивную. Богатства Китая сильно тянули к себе кочевников, и в III в. сяньбийский владетельный князь Мохоба перекочевал во Внутренний Китай и поселился около Пекина. В подражание китайским вельможам он нарек свой род фамилией Муюн, и под этим названием его государство вошло в историю. В 281 г. Муюн Шегуй получил от императора титул великого шаньюя, но вскоре отношения испортились, и сяньби начали набеги на Китай. Однако главным противником Шегуя был не громадный бессильный Китай, а маленькое крепкое княжество Юйвэнь, союзное с империей Цзинь. Наследник Шегуя, Муюн Хой, с 285 по 289 г. вел активную войну против Китая и заключил мир, лишь получив признание себя главой всех сяньби. Из-за этого он поссорился со своим северным соседом — державой Юйвэнь, но заключил союз с державой Дуань, скрепленный браком (см. ниже).

В 302 г. юйвэньский шаньюй Мохой осадил Муюна Хой в Ги-чен (в Маньчжурии), но был разбит²¹. В 307 г. Муюн Хой объявил себя великим шаньюем сяньби; хотя этот титул отражал лишь его претензии, а не реальное положение, но можно считать 307 год датой основания южносяньбийской державы. Три года спустя 700 сянь-

---

²¹ Н. Я Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М. — Л., 1950, т. I, стр. 160, 209. (далее — Собрание сведений...) Жибер считает, что нападающей стороной был сам Муюн Хой, — L. Gibert, Dictionnaire historique et géographique de la Mandchourie, Hong Kong, 1934, стр. 629 (далее — L. Gibert)

бийских семей откочевали на запад и добрались до плоскогорья Цайдам, где на берегах оз. Кукунор основали царство Тогон, или Тууюхунь. Название народа восходит к имени его первого вождя, брата Муюна — Хоя.

Описание быта и нравов населения Тогона может быть распространено и на южноманьчжурские племена сяньбийцев, тем более что близость их подчеркивает сам автор источника²².

Южные сяньби были убежденными кочевниками, причем даже получаемые товары, продукты, сведения в китайской словесности и наличие городов не могли помешать им жить в юртах и палатках. Самым тяжелым преступлением считалось конокрадство; за это полагалась смертная казнь. Осужденному обертывали голову куском холста и побивали камнями. За прочие преступления налагали денежную пеню или били палками. Административные единицы были не родовые, а военно-территориальные, во главе единиц стояли сотники, тысячники, предводители. Не было постоянных налогов, но в случае необходимости в средствах по разверстке собирали с зажиточных семейств нужные суммы.

Одежда их состояла из дохи, длинной сбористой юбки и войлочной шляпы. Женщины заплетали волосы в косы и украшали их жемчугом и золотыми поделками. Тогонцы очень ценили оружие. На вооружении у них состояли лук, палаш, щит и панцирь. Копье не упомянуто, это показывает, что тактика ударного боя еще не вошла в употребление.

Брачные обычаи не отличались от хуннских, очевидно, они общи для всех азиатских кочевников. В состав тогонцев кроме муюнов вошло племя «белые» сяньби.

Говоря о сяньбийцах, необходимо заметить, что к их этническим подразделениям совершенно неприменима принятая в этнографии номенклатура: род, племя, народ, а отсюда и такие социально-политические определения, как, например, племенной союз, государство и т. п. Роды и племена у них были, но либо они возникали и распадались с невероятной быстротой, либо впитывали в себя осколки распавшихся племен, или даже принимали к се-

---

²² Н. Я. Бичурин, История Тибета и Хуанора, СПб, 1833, т. I, стр. 97 (далее — История Тибета...); В. Успенский, Страна Кукунор или Цин-хай, СПб, 1880, стр. 57—58

бе отдельных людей, и тем самым меняли свое этническое лицо. Язык отличал их от хуннов; язык и культура — от китайцев; язык и обычаи — от тибетцев; и все время возникали то хунно-сяньбийские, то тибето-сяньбийские, то более или менее окитаенные сяньбийские образования. При этом сяньбийские этносы (только так их и можно назвать) делились, как мы видели на примере Тогона, и начисто забывали о своем родстве. Вместе с тем инкорпорация иноплеменников была не повсеместна. Иногда их почему-то не принимали в свою среду, а предпочитали перебить или продать в Китай, где цены на невольников были высокими. И при такой этнической текучести среди сяньбийцев наблюдается жертвенный патриотизм, принимающий совершенно странные для нас формы. Например, опальные принцы дома Муюн, принужденные эмигрировать, предавали приютивших их соседей ради своего царя, который их после победы казнил. Видимо, у сяньбийцев были какие-то принципы поведения, хорошо им известные и строго соблюдаемые, но для нас непонятные.

Равным образом к сяньбийским владениям неприменимо ни одно из европейских определений. Это не государства, потому что сяньбийцы находились на стадии военной демократии первобытнообщинной формации и классов у них еще не было. Но это и не родо-племенные союзы, так как существовал институт сильной и наследственной власти, опиравшейся на народ-войско, по отношению к которому все покоренные инородцы, как кочевые, так и оседлые, являлись податным сословием.

Эта оригинальная система общественного устройства базировалась на кочевом быте и взаимопомощи. Сяньбиец не мог обеднеть. Если он терял свой скот из-за падежа или угона врагами, соседи давали ему по овце, и через два-три года он восстанавливал свое хозяйство. Помимо этого, он сам шел в набег и либо возвращался богатым, либо не возвращался вовсе. Сяньбийцу нужно было не богатство, остававшееся в руках его жены или матери, а вес и положение в той системе, в которой он находился. Смысл его жизни составляли почести и власть, ради которых он не щадил ни чужой, ни своей жизни.

При всем этом сяньбийцы были очень способным и переимчивым народом. Они легко усваивали и китайскую грамоту, и хуннские аристократические традиции, и тун-

гусские моды вроде ношения кос, и способы изготовления яда для стрел, известные только приамурским охотникам — предкам нивхов. В сяньбийских ордах²³ всегда наблюдалось смешение собственных обычаев с какими-нибудь чужими, что дает основание называть их «химерными этносами». Но во всех них было что-то, что давало древнекитайским историкам право объединять их в одну группу. Это не языковая общность, потому что, хотя сяньбийцы пользовались монгольским языком, но диалекты его сильно различались и заимствования из тюркского и китайского языков это различие усугубляли. Большую роль в этногенезе играла историческая судьба, но и это не исчерпывает проблемы. Видимо, к этому вопросу придется вернуться в конце книги, когда хунно-сяньбийская история прояснится. А пока рассмотрим остальные сяньбийские этносы.

Юйвэнь

Воинственное племя татабов, ранее подчинявшихся державе Хунну, в III в. н. э. заняло горную область к востоку от верхнего течения Ляохэ до Сунгари. Там они жили обособленно, управляясь хуннскими старейшинами. Старейшины их были выборные, но из определенного «шаньюева» рода Юйвэнь. «Язык их весьма отличался от сяньбийского»²⁴, и они все время враждовали с муянами. В 302 г. глава их принял титул шаньюй. Китайское правительство признало Юйвэнь и имело с ним родственную связь — дочь императора Пин Вэньди²⁵ была выдана замуж за юйвэньского вождя. Очевидно, Китай хотел создать из Юйвэни противовес против напавших с севера сяньбийцев. Из всех южных сяньбийцев Юйвэнь была китаизирована меньше всех. Это видно из того, что они не заимствовали китайского обычая носить волосы, а проникновение чужой культуры немыслимо без стремления к подражанию. Юйвэнь была хунно-сяньбийской химерой.

---

²³ Орда — букв. ставка. О значении этого слова как социального термина см.: Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, стр. 56—63.

²⁴ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 209. Очевидно, это был диалект сяньбийского языка.

²⁵ Цао Пэй из династии Вэй (220—226).

ДУАНЬ

На берегах Ляодунского залива возникло государство (20) Дуань. Основатель его, Жилугюань, был невольником, но человеком необыкновенной силы воли и выдержки. В голодное время он был послан своим хозяином, знатным вельможей, в Ляоси, чтобы изыскать средства для прокорма людей. Жилугюань собрал «беглых и изменников» и «сделался сильным»²⁶. Жилугюаню наследовали его брат, племянник — Умучэнь, который получил от династии Цзинь титул гун — князь и печать шаньюя. Собранное из разных родов, а то и вовсе из безродных бродяг, население Дуани состояло из 30 тыс. семейств. Это было княжество небольшое, крепкое. Культура преобладала сяньбийская. Сначала Дуань была союзником Цзинь и враждовала с хуннами и сяньби, но потом заключила союз с Муюном Хоем. Дуань была сяньбийско-китайской химерой.

КОРЕЯ

Древнейшее известное истории северокорейское царство Чаосянь (кит.), или Цзосион (кор.), было завоевано ханьским императором У-ди в 107 г. до н. э. Китай удерживал территорию Южной Маньчжурии и Северной Кореи до 169 г. н. э., когда племя когурё отвоевало земли древнего Цзосиона, т. е. Ляодун и Корею к северу от реки Тадонган до реки Туманьган²⁷. Это была конфедерация пяти племен, управлявшаяся старейшинами, под общим предводительством одного из племен, однако организация этого племенного союза была уже столь совершенна, что для ведения дел, например для приема послов, были установлены особые чиновные должности. Существовало и рабство, причем рабами становились родственники казненных преступников. Суд вершил совет высших чиновников.

Источник специально отмечает военное искусство и телесную силу когурёзцев. Оружие их также не уступало

²⁶ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 210—211.

²⁷ Описание Кореи, СПб., 1900, ч. I, стр. 5. В китайских источниках Когурё называется Гаогюйли (см.: Н. Я. Бичурин, Собрание сведений, т. II, стр. 24, 37) и Гаоли (там же, стр. 50, 81).

китайскому или хуннскому: на вооружении состояли луки, мечи, копья, броня и шлем. Малорослые лошади были приспособлены к горной езде.

Одежда была особенно богата — шелк, затканый золотом и серебром. Высоко стояла каменная архитектура, а могилы, заложённые камнями, обсаживались хвойными деревьями²⁸.

Итак, по облику культуры, дошедшему до нас в чрезвычайно кратком изложении, Когурё стояло выше сяньби, уступая одному лишь Китаю.

Ослабление Китая в эпоху Троецарствия создало условия для роста политического могущества Когурё. Воспользовавшись ослаблением Китая, когурёзский царь перенес свою столицу в город Ваньду, на правом берегу Ялу, и начал живо интересоваться положением в Китае. Сперва когурёзцы завязали сношения с царством У, надеясь стеснить царство Вэй, но когда прибыл вэйский посол, то они решили не ссориться с сильным соседом и обезглавили посла из У. При подавлении восстания лядунского губернатора Гунсунь Юаня в 238 г. когурёзцы оказали помощь вэйским войскам. Несколько позже мир был нарушен когурёзцами, которые произвели набег на Ляодун. В ответ на это сильная китайская армия вторглась в когурёзские земли и после короткой осады в 242 г. взяла Ваньду²⁹. Но китайцы не закрепились на когурёзской территории, и положение осталось без изменений по 265 г., когда в Западной Маньчжурии началось усиление племен южных сяньби, объединённых династией Муюнов.

Лишенные возможности расширять свои владения на запад, когурёзцы устремились на юг, в глубь Корейского полуострова, где группы родов к началу IV в. образовали два государства — Пакчже и Силла (кит. — Боцзи и Синьло). Оба этих государства включали в себя немалое число эмигрантов из Китая, и влияние китайской культуры сказалось на них более, чем на Когурё. Западное царство, Пакчже, было более культурным благодаря знакомству с китайской литературой и философией. В IV в. туда проник буддизм. Пакчже обладало флотом, что дало ему возможность на время ов-

---

²⁸ См.: М. В. Воробьев, Древняя Корея, М., 1961.

²⁹ L. Gibert..., стр. 404.

ладеть областью Ляоси³⁰ и даже Тайванем³¹. Силла уже в I в. н. э. сносилась с Японией³².

Соседство с Когурё было серьезным испытанием для Пакчже. Две длительные войны в середине V в. и в начале VI в. пришлось вынести этому государству, чтобы отстоять свою самостоятельность. Это объясняет также, почему роль Когурё в общеазиатской политической истории так мала. Все силы уходили на борьбу с Пакчже, и у сяньбийцев оказались развязанными руки. Но тем не менее Когурё сумело отстоять от сяньбийцев свои границы и даже пережить своих соперников.

Фуюй

Менее счастливой была судьба северного соседа Когурё, единоплеменного ему Фуюй, расположенного между хребтом Чаньбошань и средним течением Сунгари. Дата его основания не установлена, но в I в. н. э. Фуюй занимало почти всю Восточную Маньчжурию, от Кайюаня — на юге до Цицикара — на севере. Фуюйские земли были покрыты нивами и пастбищами. Защитой поселений служил частокол. Китайские летописцы отмечают в Фуюйе дворцы и тюрьмы, что указывает на наличие классового расслоения. Законы Фуюй были строги и включали жестокий обычай коллективной ответственности за преступления: семью казненного продавали в рабство. Религия их была почитанием Неба, соединенным с верой в загробное существование, с чем были связаны человеческие жертвоприношения при похоронах вождей, которых надо было «сопровождать» в потусторонний мир. Наряду с такими примитивными представлениями в Фуюйе уживалась своеобразная культура общественной жизни и устоявшегося быта, специально отмеченная китайскими авторами³³. Внешнеполитическое положение Фуюй было чрезвычайно сложным. До тех пор пока было слабо Когурё и разрознены сяньбийские племена, Фуюй имело возможность вести независимую политику. Во II в. фуюйцы несколько раз вторгались в Ляодун с целью гра-

³⁰ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 41.

³¹ Там же, стр. 67.

³² Описание Кореи, стр. 7.

³³ L. G i b e r t..., стр. 179.

бежа, но поражение, понесенное ими от объединителя сяньбийских племен — полководца Таншихая, ослабило их нажим на Китай. В начале III в. они просят принять их в подданство, так как им угрожают на востоке когурёвцы, а на западе — сяньби³⁴. Но Китай, раздираемый внутренней войной, уже никому не мог помочь.

Однако союз все же был заключен, и во время похода китайских войск на Когурё в 246 г. фуюйцы доставляли китайцам провиант. Но дальнейшее ослабление Китая развязало руки южным сяньби. В 285 г. Муюн Хой взял столицу Фуюй. Фуюйский царь кончил самоубийством, а его сын бежал на восток, в Воцзюй³⁵.

То был еще не конец. Поддержанный Китаем царевич вернулся и попытался восстановить свое царство, но новый набег сяньби опрокинул его эфемерный престол. На этот раз сяньбийцы постарались переловить все население Фуюй и продали пленных в рабство в Китай. Император, узнав о такой покупке, распорядился освободить своих союзников, которые, конечно, остались в Китае. После этого удара Фуюй не поднялось и уцелевшие фуюйцы влились в единоплеменное им Когурё. Та же судьба постигла восточные племена этой этнической группы — воцзюй и вэй. Воцзюй располагалась на берегах Уссури и в Приморье. Во время покорения Чаосяни в 108 г. до н. э. южная группа их подчинилась Китаю, а при ослаблении его после Троецарствия вошла в состав Когурё. Судьба северной ветви этого племени неизвестна. Нельзя ли предположить, что амурские нивхи (гиляки) — потомки воцзюйцев?

ПРИАМУРЬЕ

В северной части Маньчжурии жили две группы племен: древнетунгусская и древнемонгольская. Первая называлась в китайских документах Илоу³⁶ и занимала нижнее течение Сунгари, Приамурье и северную часть Уссурийского края. Это были охотники и рыболовы³⁷,

³⁴ Там же, стр. 178.

³⁵ L. Giber t..., стр. 957.

³⁶ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 23, 24.

³⁷ Описание Маньчжурии, под ред. Д. Позднеева, СПб., 1897, т. I, стр. 7.

еще не имевшие никакой государственной организации³⁸. В событиях III—V вв. н. э. они не принимали никакого участия. Материальная культура этих народов изучена и описана А. П. Окладниковым³⁹. Позднее, в V в., этот народ в китайских документах называется Ули и Мохэ⁴⁰, потомки их — чжурчжэни XII в. и маньчжуры XVII в.

Западную часть Северной Маньчжурии, т. е. бассейн р. Нонни, населял многочисленный народ — кидани. Это была северная группа древних дун-ху, близкая по языку к населению Юйвэни⁴¹. С китайцами они сталкивались на своей южной границе — р. Шара-Мурень (кит. — Ляохэ).

К северу от киданей жили племена шивэй. Загадочное китайское название ныне расшифровано и понято — это отуз-татары; потомки их были соперниками Чингисхана⁴².

На запад от киданей и шивэйцев, т. е. в Восточной Монголии, по берегам Онона и Керулена, жили дидэугань, а к северу от них, очевидно уже в таежной полосе Сибири, обитало племя улохэу, этническая принадлежность которого не ясна⁴³.

Все вышеописанные племена были еще в столь при-

---

³⁸ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 23—24.

³⁹ См.: А. П. Окладников, Очерки по истории Приморья, Владивосток, 1959.

⁴⁰ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 69—70.

Название этого народа передавалось китайцами по-разному: ули (уцзи), мога, моха. Все это разные транскрипции одного имени, которое, возможно, звучало «Мукри» (L. Gibert..., стр. 646). Равным образом предположительно отнесение всех племен моха к тунгусской группе. Некоторые из них действительно восходят к сушэням и являются предками чжурчжэней, но к группе моха китайцы относили татар XIII в., которые несомненно монголы (Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 375).

Тут возможны два решения: либо Мохэ включали в свой племенной союз наряду с тунгусскими монгольскими племенами, либо дифференциация монголов и тунгусов произошла в конце I тысячелетия н. э., а до тех пор существовал ряд промежуточных племен, совмещавших элементы обеих языковых и культурных стихий. До получения новых данных вопрос остается открытым.

⁴¹ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 7; Gibert, стр. 453. Изложение полемики по поводу их этнической принадлежности опускаю, ибо она потеряла значение: вопрос решен.

⁴² Л. Л. Вико́рова, К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н. э.—XII в. н. э., — Ученые записки ЛГУ, 1958, № 256, стр. 41—67.

⁴³ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 79.

митивном состоянии, что не могли принять активного участия в международной политике Дальнего Востока. В ней начиная с III в. взяли на себя руководящую роль южные сяньби — муюны и северные — табгачи.

СИБИРЬ

Таежная зона, ограничивающая Великую степь с севера, и в те древние времена рассматривалась как окраина сначала хуннской, а потом сяньбийской державы. Сведений о Сибири III—V вв. в китайской географической литературе почти нет, и потому приходится восстанавливать ее историю по данным археологии, что дает весьма приблизительные и отнюдь не исчерпывающие тему результаты.

Археологические раскопки в Забайкалье установили наличие хуннской культуры: могильник в Ильмовой пади⁴⁴, Дэрестуйский могильник⁴⁵ и Нижне-Иволгинское городище⁴⁶. Комплекс находок показывает, что забайкальцы имели много отличий от основной массы хуннов, живших южнее. Прежде всего обращает на себя внимание керамика: глиняные сосуды крайне неудобны для перевозки, они тяжелы и хрупки. Поэтому кочевники обычно употребляют металлическую, деревянную и кожаную (бурдюки) посуду. Здесь же керамика разнообразна, — это свидетельствует об оседлом образе жизни.

Сохранившиеся кости животных указывают на преобладание в стаде рогатого скота: быков, овец, коз. Костей лошади нет, но наличие удил доказывает, что она у забайкальских племен была. Скорее всего, лошадь была слишком ценна, для того чтобы погребать ее в могиле. Основными занятиями забайкальцев были оседлое скотоводство (бык, лошадь, баран), охота (косуля, заяц, птица), земледелие (просо) и рыболовство. Этот комп-

⁴⁴ Ю. Д. Талько-Гриневич, Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади, — Труды Троицкосавско-Кяхтинского отдела Приамурского отделения РГО, т. I, вып. 2 (1898); Ср.: Г. П. Сосновский, Раскопки Ильмовой Пади, — Советская археология, VIII.

⁴⁵ Г. П. Сосновский, Дэрестуйский могильник, — Проблемы истории докапиталистических обществ (ПИДО), 1935, № 1—2.

⁴⁶ A. V. Davdava, The Ivolga Gorodishche, A monument of the Hiung-nu culture in the Trans-Baikal region, — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, 20, Budapest, 1968, стр. 209—245.

лексы занятий роднит пришлых хуннов с местным населением. Похоже на то, что Сибирь в хуннское время была местом ссылки для неблагонадежных, к которым относились пленные и перебежчики.

Преобладание хуннской культуры среди забайкальцев I—II вв. несомненно. Также неоспоримо, что эти племена входили в состав империи Хунну. Но были ли они хуннами по происхождению? Видимо, нет. Надо полагать, что это были аборигены Забайкалья, к которым примешивались завоеватели—хунны, ссыльные китайцы и сяньбийское племя табгачей, более известное в истории в китайской транскрипции — «тоба»⁴⁷, откочевавшее в Забайкалье с юга в I в. до н. э.⁴⁸

Табгачи отличались от прочих сяньби обычаям заплетать косу. Это обычай не монгольский, а тунгусский, но китайский историк уверенно называет табгачей сяньбийцами. Табгачи говорили на древнемонгольском языке⁴⁹, но находились под культурным влиянием своих соседей—тунгусов. Они имели государственность, несколько более развитую, чем южные сяньби: они управлялись ханами. Это табгачское слово впервые встречается в III в. н. э. Табгачское ханство было тунгусо-сяньбийской химерой.

Во время великой засухи III в.⁵⁰ часть табгачей пере-

---

⁴⁷ Поскольку название «Тоба» уже вошло в историческую традицию, то мы будем употреблять его как название державы и составную часть титулов ханов, а народ будем именовать настоящим именем — табгачи.

⁴⁸ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 167.

⁴⁹ Спор о языке табгачей имеет длинную историю и большую литературу. В настоящее время бытуют две точки зрения: тюркская (P. Pelliot, L'Origine de T'ou-kiue; note chinoise des Turks, — T'oung Pao, 1915, стр. 689; Journal Asiatique, 1925, № 1, стр. 254—255; T'oung Pao, 1925—1926, стр. 79 et 93; P. Woodberg, The language of the T'o-pa Wei, — Harvard Journal of Asiatic Studies, 2, 1936, стр. 165—185; G. Clauson, Turk, Mongol, Tungus, — Asia Major, New Series (vol. VIII), pt I, 1960, стр. 117—118) и монгольская (Л. Лигети, Табгачий язык — диалект сяньбийского, — Народы Азии и Африки, 1969, № 1, стр. 116). Я примыкаю к последней точке зрения не по лингвистическим, а историческим соображениям.

⁵⁰ О вековой засухе III в. см.: А. В. Шнитников, Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария, — Записки ВГО, т. XVI, М.—Л., 1957; историко-географический корректив см.: Л. Н. Гумилев, Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века, — Вестник ЛГУ, 1966, № 18, стр. 81—90; интерпретацию феномена см.: L. N. Gumilev, Les Fluctuations du niveau de la Mer Caspienne, — Cahier du Monde Russe et Sovietique, vol VI, 3, 1965, стр. 333—366.

секла Гоби и поселилась в степи восточнее Ордоса, где еще сохранились непересохшие источники. Их попытки завязать дипломатические отношения с Китаем кончились плачевно. Китайские дипломаты путем интриг вызвали убийство царевича, смерть хана от горя и распадение державы на три самостоятельных владения (295 г.). Один из трех владетелей, хан Ито, попытался оторваться от границ Китая. Есть сведение, что он покорил в Западной Сибири более тридцати владений, расположенных между Селенгой и Обью⁵¹. Но чем кончилась его авантюра — источник умалчивает. Во всяком случае, табгачского ханства в Западной Сибири не возникло.

Гораздо более перспективным для табгачей оказалось стремление продвинуться на юг, несмотря на то что империя Цзинь была сильнее не только любого из кочевых племен, но и всех их, вместе взятых. Однако события потекли по такому руслу, наличие которого не мог предвидеть никто.

---

⁵¹ A. R é m u s a t, Remargues de l'Empire Chinoise du côté de l'Occident,—Mémoires sur plusieurs questions relatives à la géographie de l'Asie Centrale, Paris, 1825, стр. 107.

ВСПЫШКА

ВОЙНА КНЯЗЕЙ

Первое время после объединения казалось, что Китай возвращает себе утраченную за время Троецарствия роль восточноазиатского гегемона. Уже в 270 г. явились посольства из Карашара и Ферганы, а в 284 г. пришло посольство из самой Римской империи. В 286 г. прислал посольство Кангюй¹. В это время восстания хуннов легко подавлялись, набеги сяньбийцев отражались; с южным соседом — царством Чампа были установлены мирные сношения. Население за полвека выросло с 7 млн. до 16 млн.². Все обстояло как будто благополучно. Но корень гибели начал прорастать в императорском дворце.

В 290 г. на престол вступил принц Чун (посмертный титул — Хуэй-ди). Это был человек слабый и боязливый, менее всего способный управлять огромной страной. Его жена, напротив, была энергична и свирепа. Она приказала казнить главу правительства, отца императрицы-матери и его трех братьев, ознаменовав этим начало новой, кровавой эпохи (291 г.).

Попытка одного из принцев оказать сопротивление ставленникам императрицы кончилась трагически. Он был убит по ее приказанию, и эта страшная женщина продолжала свирепствовать. Она уморила голодной смертью императрицу-мать и отравила наследника престола (300 г.). Но это было ее последнее преступление. Сыма Лунь, князь Чжао, возмутил солдат дворцовой стражи и захватил императрицу, которую заморили голодом, а ее клеветников казнили. Власть попала в руки

---

¹ Н. С о r d i e r, Histoire générale de la Chine et de ses relations avec les pays étrangers, t. I, Paris, 1920, стр. 302 (далее — С о r d i e r...).

² Ш а н Ю э, Очерки..., стр. 128.

Сыма Луня, и тот стал пользоваться ею с такою же жестокостью и наглостью, как свергнутая монархия³.

Он не только лишил императора власти, но даже отправил его под стражей в ссылку. Против узурпатора составили заговор другие князья фамилии Сыма. Они низвергли его и убили, а его приверженцы после смерти вождя принесли покорность победителям (300 г.). Эта гражданская война продолжалась два месяца и стоила великое множество человеческих жизней. Однако победители немедленно начали борьбу за власть между собою. Первый правитель своей гордостью восстановил против себя князей и был убит; второй, наоборот, проявил лишнюю мягкость: заговорщики бросили его в тюрьму (где он и умер). Его погубители Сыма Ин и Сыма Юй сватились между собой.

Но не только столица была ареной борьбы страстей. В Сычуани взбунтовался губернатор Чао Синь; усмирение его мятежа подорвало финансы империи. Но мало этого, победитель Чао Синя в 302 г. захватил столицу Сычуани, город Чэнду, и объявил себя правителем области Ичжоу. Он дал своей династии название Чэнь или Младшая Шу, и она продержалась в Сычуани до 347 г. В 296 г. восстали тибетцы и западные хунны (т. е. хунны в Хэси), но тибетцы сразу же потерпели поражение и потеряли вождя, который попал в плен. Это отсрочило катастрофу на десять лет, но она была неизбежна.

В то время как Китай раздирали ссоры принцев и гражданские войны, на северной границе сложилась следующая ситуация. На востоке, в Юго-Западной Маньчжурии, возникла крепкая держава южносяньбийских Муюнов с явно выраженными агрессивными намерениями против слабеющего Китая. Рядом вся степь была объединена табгачскими ханами, еще более воинственными и столь же ретиво стремящимися на юг. Успехам табгачей мешало лишь разделение их орды между тремя ханами, Лугуанем, Ито и Илу, и связанное с этим распыление сил⁴. Это обстоятельство на время вырвало из рук табгачей инициативу, чем и воспользовались хунны.

---

³ J. A. M. Mailla, Histoire générale de la Chine, ou annales de cet empire traduites du Toung-Kien-Kang-Mou, père Joseph-Anne-Marie de Moriac de Mailla, Paris, 1777—1785

⁴ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 169.

За то время, что хунны прожили среди китайцев, в их среде произошли весьма важные перемены. Основная масса народа, продолжавшая пасти скот и спать под тонким войлоком юрт на кучах овчин, видела в соседях-китайцах чужих и неприятных людей, умных, сильных, но безусловно враждебных; им были гораздо ближе сяньби, такие же пастухи и воины, как они сами. Зато зная, привлекавшаяся ко двору императора, впитала вместе с блеском дворцов, садов и пиров китайскую культуру. Хуннские князья за несколько поколений придворной службы вошли в круг китайской аристократии, причем связи их с родными кочевьями потеряны не были. Князья помнили, что они хунны, а народ помнил их. Именно таким представителем описанного симбиоза был Юань-хай, унаследовавший от своей прабабки, китайской царевны, фамилию Лю⁵.

ВОЙНА ТРАДИЦИЙ

Лю Юань-хай был внуком предпоследнего шаньюя южного Хунну, Юйфуло, умершего в 195 г. Отец Лю Юаня был восточный чжуки-князь; он отправил сына воспитываться ко двору императора, где тот получил хорошее гуманитарное и военное образование. Мальчик оказался способным и преуспел в науках. Вместе с тем, обладая большой силой и исполинским ростом, он стал неплохим воином⁶. Сочетание высокого происхождения, ума, таланта и связей, завязанных при дворе, доставили ему по смерти отца в 279 г. место начальника одного из пяти аймаков, а в 290 г. — главнокомандующего всех хуннов, живших внутри Китая. Биография Лю Юаня отчетливо показывает процесс окитаивания хуннской знати. Но патристическое отношение хуннов к родным традициям не было подорвано, и они немедленно использовали ситуацию, удобную для реставрации.

Как было сказано выше, князь Сыма Ин боролся за власть с князем Сыма Юйем, и оба нуждались в союзниках. Сыма Юй решил подкрепить свои силы, подняв

---

⁵ Mc. Govern, The early empires of Central Asia, London, 1939, стр. 315 (далее — Mc. Govern.).

⁶ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 139.

сяньби и ухуаней, а Сыма Ин оперся на хуннов. В данном случае они оба ради своего личного успеха пренебрегли интересами Китая. Но ведь вопрос шел о голове каждого из них. Они знали друг друга и не рассчитывали на пощаду при возможном поражении; события минувших лет показали, что лучшим выходом в таком случае является легкая смерть. Сыма Ин восстановил вельмож против себя чрезмерной гордостью и строгостью. Это позволило Сыма Юйю организовать против бывшего союзника заговор и даже поставить во главе своих сторонников слабовольного, тупого императора. Войска Сыма Ина захватили императора в плен, но это не много дало Сыма Ину. В 304 г. в Китае котирировалась только военная сила, а не законная власть, потерявшая уважение и народа и войска. Поэтому Сыма Ин был вынужден прибегнуть к помощи хуннского царевича, чтобы противопоставить реальную силу хуннов столь же реальной силе сяньбийцев, призванных на свою сторону его противником.

Лю Юань, номинально числясь верховным правителем хуннов, находился в ставке Сыма Ина, который хотел, очевидно, использовать авторитет своего приближенного среди его сородичей, но отнюдь не доверял ему. Попытка Лю Юаня получить отпуск для участия в похоронах своего родственника не имела успеха. Но активизация враждебных Сыма Ину князей — Сыма Тэна и Ван Цзуна — заставила его принять предложение хуннского царевича: доставить ему головы противников. Он отпустил Лю Юаня вместе с сыном Лю Цуном в родные кочевья. Хунны приняли своего родового вождя с восторгом, провозгласили его великим шаньюем и через двадцать дней 50 тыс. воинов⁷ сидели на конях, чтобы «оружием возратить утраченные права»⁸.

Вокруг Лю Юаня сплотились не только ревнители седи старины и славы предков или люди, получившие китайское образование, но продолжавшие мечтать о создании собственного государства, в котором сочеталась бы хуннская доблесть с китайской образованностью; к Лю Юаню примкнули и массы простых хуннов и кулов (цзы-

---

⁷ L. Wiegier, *Textes historiques, Hien-Hien, 1905—1907, t II*, стр. 1047 (далее — Wiegier...)

⁸ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. I, стр. 139.

лу), некогда связавших свою судьбу с хуннскими шаньюями. Произвол китайских чиновников, злоупотребления в китайских судах, обманы при торговых сделках, наконец, продажа хуннов в рабство — все это вызвало в кочевниках ожесточение против всего китайского⁹. Эту армию не надо было подталкивать и воодушевлять на бой — ее просто было невозможно удержать. На счастье Лю Юаня, бывшего неплохим политиком — и только, в хуннских кочевьях нашелся идеолог движения, его родственник по линии матери, Лю Сюань. Управляя уделом Лю Юаня, пока тот блистал при дворе, Лю Сюань успел многое увидеть и обдумать. Он посвятил соплеменников в свои патриотические замыслы. «С тех пор как исчезла династия Хань, наши шаньюи носят пустые титулы без реальной власти. А ведь у нас есть 20 тысяч воинов¹⁰. Лю Юань мудр и храбр. Если бы Небо не хотело нас выручить, оно не произвело бы на свет такого человека. Фамилия Сыма уничтожает сама себя. Империя рухнула. Времена напоминают эпоху Хуханье¹¹, когда наши предки захватили себе выгодные позиции». Убежденные этой программой, хуннские старейшины без колебаний избрали Лю Юаня великим шаньюем, но тот удивил их несказанно.

Первым поступком Лю Юаня, повлекшим за собой огромные последствия, было объявление войны сяньбийцам, грабившим китайское население. Несмотря на изумление своих старейшин, прямо заявлявших ему, что сянь-

---

⁹ Ша и Юэ, Очерки..., стр. 135.

¹⁰ Лю Юань повел в поход 50 тыс. Очевидно, уже тогда хунны в его армии были в меньшинстве.

¹¹ Хуханье—шаньюй, в 52 г. до н. э., подчинившись Китаю, выторговал для хуннов довольно выгодные условия (Л. Н. Гумилев, Хунну, стр. 163—164). Отсюда можно заключить, что Лю Сюань хотел добиться для хуннов автономии и изоляции от китайского произвола. Он предлагал установить союз с сяньбийцами, которых считал братьями «по нравам и расе» (W i e g e r). Лю Юань этой части программы не принял, потому что предпочел добиваться создания императорской династии по китайскому образцу. Пожалуй, программа Лю Сюаня больше отвечала чаяниям и потребностям хуннского народа и давала реальные перспективы продолжительного существования в качестве изолированной державы на рубеже Китая и Великой степи, но Лю Юань был излишне честолюбив, а его единомышленники — мстительны и алчны, да и поле для грабежа им было открыто. Поэтому история хуннов пошла по необратимому пути, который мы и проследим дальше.

би ближе и роднее им, чем китайцы, Лю Юань отогнал сяньбийцев от китайских границ и заявил, что он воюет только «против дурного правительства, а не против китайского народа»¹². Этот поступок определил дальнейшую судьбу возрожденной державы Хунну. С этого момента хунны и сяньби стали смертельными врагами. Не могла ли быть эффективной поддержка китайцев? Ни в коем случае! Китайская знать была связана с фамилией Сыма и уже поэтому не могла войти в союз с врагом династии. Народные массы стали жертвой восставших кочевников, а это было хуже даже беспорядочного цзиньского управления. На службу к хуннскому шаньюю пошли лишь деклассированные и деморализованные люди, их поддержка была скорее вредна, чем полезна; кроме того, они тоже не забывали, что они китайцы, и при случае рады были нанести хуннам удар в спину. Наконец, само хуннское общество оказалось расколотым на два лагеря: аристократический и демократический. И вот что из этого вышло.

В 304 г. великий шаньюй принял титул ван и дал своей династии китайское название Хань, подчеркивая свое китайское происхождение по женской линии и ссылаясь на былое величие дружбы Хань и Хунну¹³. Затем он провел полную реорганизацию управления, заменив старую хуннскую родовую систему системой китайского образца. «Правый» и «левый» князья превратились в первого и второго министров.

Были изменены порядки в армии: категорически воспрещалось грабить и обижать население. Это соблюдалось настолько строго, что хуннский предводитель, казнивший коменданта взятой крепости и его жену, отказавшуюся разделить ложе с убийцей мужа, был понижен в чине. Еще характернее другой случай: однажды хунны стеснили китайскую армию и, загнав ее в реку, перетопили. Лю Юань заявил, что этого было не нужно делать, так как он воюет против правительства, а не народа, и уволил победившего военачальника¹⁴.

Эта гуманная политика была непонятна хуннам и не могла примирить с ними китайцев. Начатая война неиз-

---

¹² Мс. Го в е п, стр. 318.

¹³ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 139.

¹⁴ Мс. Го в е п, стр. 319.

бежно принимала жестокие формы в соответствии с нравами и темпераментом обоих этносов.

Ближайшими сподвижниками Лю Юаня стали два талантливых полководца, Лю Яо и Ши Лэ. Лю Яо происходил из рода шаньюев, был прекрасно образован и начитан в истории, философии и литературе. Вместе с тем он был силен, вынослив, храбр, но отличался пристрастием к рисовому вину. Его уважали и боялись.

Ши Лэ был сын неизвестных родителей, родным его языком был хуннский. В детстве он принадлежал к числу кулов и добывал свой хлеб, батрача на китайских помещиков, а затем был схвачен принцем Сыма Тэном и продан в рабство в Шаньдун¹⁵. Не стерпев обиды, Ши Лэ бежал, присоединился к шайке разбойников, затем возглавил их и, наконец, оказался в рядах войск Сыма Ина, врага своего обидчика.

Надо сказать, что гражданская война между принцами фамилии Сыма была весьма жестокой, но беспрограммной. Это кажется очень странным, учитывая ожесточение войск. Понятно, что князья враждовали друг с другом, но почему рядовые воины жертвовали жизнью ради честолюбия князей — надо объяснить. Вспомним, что фамилия Сыма возглавила профессиональных солдат, которых во время Троецарствия развелось очень много. При всех их дурных качествах они хранили отработанный стереотип поведения, заключавшийся в военной верности вождю, который кормил и холил их, а все принцы фамилии Сыма были военными правителями своих областей. Поэтому войска шли за вождями, не интересуясь целями войны; вожди оплачивали их за счет поборов с населения, а последнее страдало, обираемое обеими враждующими сторонами и мало интересуясь вопросом: кто возьмет верх? Так же равнодушны к политике были сяньбийцы, явившиеся в Китай ради грабежа, и хунны, тяготившиеся китайским гнетом и несправедливостью. Единственной гарантией сохранения верности слову, обещанию или клятве были личные отношения; потому-то Сыма Ин и постарался задобрить Лю Юаня, надеясь, что хуннские всадники пойдут за своим шаньюем так же безропотно, как китайские воины за принцем. Это была

---

¹⁵ Ш а н Ю э, Очерки..., стр. 135.

его ошибка. Хунны хранили традиции родового строя, и управлять ими мог только человек, который соглашался делать то, что было нужно народу. А Сыма Ин хуннам был не нужен.

Надо отдать должное Лю Юаню: он совместил китайскую этику верности императору и хуннскую программу освобождения народа. Как соратник Сыма Ина он стал выгонять из Китая сяньбийских сторонников Сыма Юя; как хуннский вождь он начал войну против правящей в Китае клики. Но противники опередили его. Сын Сыма Юя, Сыма Тэн, и полководец Ван Цзун наголову разбили войска Сыма Ина, который смог избежать плена лишь потому, что победители вместо преследования предались грабежу.

В следующем, 305 г. сторонники Сыма Юя, опираясь на сяньбийские отряды, взяли вторую столицу империи — Чанъань. Сяньбийцы учинили там небывалую резню китайского населения, которому пришлось расплачиваться за преступления правившей клики. Династия Цзинь была виновата перед своим народом уже в том, что во внутренней войне ведущая роль от китайцев перешла к воинственным кочевникам, сражавшимся на обеих сторонах.

В 306 г. Сыма Ин был окончательно разбит и взят в плен. Его убили в тюрьме, а императора, находившегося дотеле в стане Сыма Ина, угостили отравленным пирогом. Сыма Юй стал гегемоном империи и возвел на престол угодного ему принца — Сыма Чжэ (посмертный титул — Хуай-ди). Хунны же за истекшие два года успели организовать и накопить силы.

Хотя победа клики князей была полной, Китай покоя не обрел. Рассеянных воинов Сыма Ина собрал и объединил под своим командованием один из его соратников, Цзи Сан, выдвинувший лозунг мести за Сыма Ина. К нему примкнул Ши Лэ со своим отрядом. В 307 г. мятежники осадили город Е, где после победы поселился Сыма Тэн, известный своей алчностью и богатством. У Ши Лэ были с этим принцем личные счеты: ведь это он когда-то незаконно схватил Ши Лэ и продал в рабство.

Сыма Тэна стугбила жадность. Почувствовав опасность, он выделил своим соратникам немного риса и ткани, но так мало, что те возмутились крохоборством и от-

крыли ворота мятежникам¹⁶. Сыма Тэн был убит, пережив своего злейшего врага Сыма Ина всего лишь на один год.

Этот на первый взгляд малозначительный эпизод совпал с переломным моментом в истории Китая и хуннов. Летом 307 г. война князей приняла форму социальной борьбы внутри китайского господствующего класса, ибо рядовые солдаты и офицеры потребовали права участвовать в разделе богатств, права мстить за убитого полководца, права совершать самостоятельные поступки, которые им представлялись справедливыми. Китайские воины перестали быть марионетками в руках князей, а это означало, что князья начали терять свободу действий.

С другой стороны, социальная борьба, в которой еще были возможны компромиссы, осложнилась межэтнической войной на истребление. Воины Ши Лэ, кулы, говорили по-хуннски и ненавидели китайский гнет не меньше, чем прирожденные хунны. Капитуляция перед могучим Китаем означала для каждого из них либо мучительную смерть, либо жестокое рабство. Они собрались драться до конца.

Можно думать, что Сыма Юй оценил серьезность мятежа, потому что послал на его подавление лучшие регулярные войска. Через два месяца после взятия г. Е Цзи Сан был разгромлен и убит во время бегства. Беглецов не щадили. Количество жертв исчислялось в 10 тыс. человек. Только Ши Лэ сумел увести свой отряд с поля боя и переправить его за Хуанхэ, в хуннские земли. Лю Юань принял бывшего разбойника с распростертыми объятиями, зачислил вместе со всем отрядом в свое войско и наградил пышным титулом — «Разрушитель Цзинь». Этим Лю Юань еще раз подчеркнул, что он собирается вести войну только против плохого правительства, тогда как весь его народ хотел воевать против китайцев, не разбирая их политических симпатий. В этих довольно сложных условиях Ши Лэ сориентировался достаточно быстро. Он стал воевать за интересы своего отряда.

---

¹⁶ Mailla, t. IV, стр. 253; Wiegert, стр. 1049.

ВОЙНА НАРОДОВ

В 307 г. война, опустошавшая Северный Китай, вступила в новую, еще более грозную фазу. До тех пор население было жертвой бесчинств разнузданных солдат, сейчас к этому прибавилось ожесточение оскорбленных хуннов. Беспощадность стала знаменем времени.

Положение на фронте, пролежавшем в южной части Шаньси, было крайне напряженным. Весной 308 г. хуннская конница попыталась осадить Лоян, где находился двор императора, но была отогнана регулярными войсками и в беспорядке отошла на север.

Лю Юань, не смутившись этим, провозгласил себя императором Китая, объявил столицей новой империи г. Пиньян и возвестил об истребительной войне против династии Цзинь и фамилии Сыма.

В 309 г. хунны нанесли китайцам несколько поражений, из них самое жестокое — в битве на берегу Хуанхэ. Около 30 тыс. китайцев были загнаны в реку и утонули. Вслед за тем принц Лю Цун и воевода Ши Лэ разрушили крепость Хугуань. Развивая успех, хунны снова напали на Лоян, но в ночном бою у ворот столицы один из корпусов осаждавших был наголову разбит, а другой, руководимый Лю Цунем, отошел в порядке. Казалось, что успех склоняется на сторону Китая, но Лю Цун отправил на юг отряд конницы под начальством Ван Ми. И тут-то сказались последствия хозяйничанья дома Цзинь. Народ, натерпевшийся бед во время «войны восьми принцев», поднялся против правительственных чиновников, перебил их и подчинился хуннскому полководцу, не потерявшему за время этого похода ни одного воина¹⁷. Владения хуннской империи Хань простерлись до р. Хуай, но на северо-востоке область Ючжоу (около Пекина) оставалась верной династии Цзинь. Правитель Ючжоу Ван Сюнь разбил хуннский отряд принца Лю Си-на, но в дальнейшее наступление не перешел.

Накануне грядущих успехов своего народа в шестидесятилетнем возрасте скончался Лю Юань. Он завещал престол не доблестному Лю Цуну, который был его вторым сыном, а старшему сыну Лю Хо, бездарному, гру-

¹⁷ M a i l l a, t. IV, стр. 258.

бому и малодушному. Видимо, тут сказались китайские представления о старшинстве в фамилии, воспитанные принципы, в жертву которым была принесена реальность. Вокруг Лю Хо немедленно появились наушники, клеветавшие на младшего брата, оставшегося по завещанию отца главой армии. Лю Хо решил избавиться от слишком популярного брата, но не нашел поддержки среди военных. Тогда клеветники, собрав отряд, попробовали напасть на Лю Цуна. Они были разбиты. Лю Цун с верными войсками преследовал их до ворот дворца, достиг и истребил (вместе с вероломным братом), после чего, к всеобщей радости, сел на отцовский престол.

Аналогичные трудности возникли и в Лояне. Новый император, Хуай-ди, попытался управлять самостоятельно и тем вызвал неудовольствие своего министра Сыма Юя, более могущественного, чем сам император. Последний, зная ситуацию, приблизил к себе Гао Си, врага Сыма Юя. Дворцовые интриги продолжали разъедать Китай, что непосредственно отразилось на событиях.

В 311 г. Сыма Юй в полном вооружении вошел в покои императора и предложил прикончить шаньюя (титул хуннского вождя), на что император, конечно, согласился¹⁸. Сыма Юй забрал с собою последнюю регулярную армию и двинулся против Ши Лэ, в котором он с полным основанием видел убийцу своего сына. Столица осталась беззащитной. В ней царил голод, ибо области, снабжавшие Лоян продуктами, находились в руках хуннов. Начались ночные грабежи, и тогда-то Гао Си обвинил во всех бедах отсутствовавшего Сыма Юя.

Император ненавидел Сыма Юя и разрешил Гао Си делать все, что тот сочтет нужным. Гао Си арестовал и казнил двух лучших друзей министра. Сыма Юй, узнав о предательстве и опале, умер от сердечного припадка, передав командование своему другу, историку Ван Яну. Ну какой из историка генерал?! Он сам понимал, что это ему не по плечу, и готов был отказаться, но не нашел себе замены. Тогда он повел войско назад, чтобы похоронить Сыма Юя в его родовом поместье.

Как только Ши Лэ узнал об этом, он со всеми войсками напал на погребальную процессию, в которую превратилось могучее войско, окружил ее и изрешетил стрела-

---

¹⁸ W i e g e r, стр. 1053—1054.

ми. Не спасся почти никто. Ван Ян и 48 принцев фамилии Сыма попали в плен к бывшему рабу. Все они были казнены, а труп Сыма Юя сожжен.

Как только весть о катастрофе достигла Лояна, Гао Си заявил императору, что у него нет средств для обороны столицы, и посоветовал бежать. Но было поздно. Во дворце не нашлось ни колесницы, ни лошадей, а голодные жители города грабили и убивали друг друга. 27 тыс. хуннской конницы подошло к Лояну, рассеяв по дороге остатки китайских войск. Хунны заняли город, не понеся потерь, и первым делом сожгли все судебные присутствия. Они захватили дворец, убили наследника престола, а затем учинили резню. Около 30 тыс. китайцев погибло. Император переодетым бежал из дворца и сумел выбраться из города, но предатели сообщили хуннам, по какой дороге он пошел, и те без труда поймали одинокого пешехода¹⁹. Это был первый в истории случай, когда китайский император живым достался в руки иноземного врага.

Гао Си, истинный виновник разгрома, бежал на юго-восток и на скорую руку создал новое правительство. Хунны не стали преследовать этот призрак старой власти, а устремились на запад — к богатой Чанъани, второй столице империи. Комендант Чанъани, Сыма Му, выслал войско, чтобы запереть горный проход из Хэнани в Шэньси, но командир отряда, изверившись в династии Цзинь, перешел на сторону хуннов и провел их войско к Чанъани. В осажденном городе не было ни оружия, ни провианта. Не ожидавший ниоткуда помощи, Сыма Му сдался и был казнен. Хуннские мечи и голод превратили богатую долину р. Вэй, житницу Северного Китая, в обширное кладбище²⁰.

После взятия Чанъани Ши Лэ со своим войском совершил бросок в низовья р. Хуай и ликвидировал Гао Си вместе с его правительством, за что получил титул «великого полководца империи Хань». Завоеванные территории остались под его управлением, хотя и не юридически, но фактически.

Консолидации китайских сил, еще значительных на юге страны, помешало восстание беженцев из Ганьсу, ко-

---

¹⁹ Mailla, t. IV, стр. 265.

²⁰ Wiegert, стр. 1056.

торых власти пытались заставить вернуться обратно, несмотря на то что там в 310—311 гг. проходили активные военные действия. Несчастные беженцы, предчувствуя неминуемую гибель, сочли собственную династию менее страшным врагом, нежели хуннов, и отказали ей в повиновении. Восстание было подавлено только в 311 г.²¹ Оно сыграло роль диверсии в пользу хуннов, хотя было вызвано исключительно произволом и бездарностью цзиньских военачальников. После разгрома восставших китайцы двинули армию на Чанъань и в 312 г. вытеснили оттуда хуннские войска Лю Яо. Победа и возвращение одной из столиц позволили китайцам короновать нового императора с соблюдением упрощенного церемониала, так как законный монарх был еще жив.

По возвращениям того времени, императорский титул был пожизненным. Отсутствие императора, как и захват его иноплеменниками, не были предусмотрены законом, потому что такие явления представлялись невозможными. Но когда это произошло, а потребность в законной власти даже возросла, то новый император стал как бы «исполняющим обязанности» до гибели прежнего, которая была неизбежна. По сути дела эта коронация была вызовом хуннам. После этого война вступила в новую фазу.

Впечатление от падения столицы было поистине ошеломляющим. Оно потрясло даже сердца согдийцев, имевших в то время постоянные торговые связи с Китаем. Некий Наной-вандак сообщал своему «господину» о судьбе своих соотечественников, пришедших «изнутри» (Китая), и о том, что они рассказывают. «Император, так они говорят, убежал из Сарага (Лояна) из-за голода, и его дворец и крепость были в огне... Так, Сарага больше нет, Нгапа (Кай-юань в Хэнани) больше нет! Кроме того, тогда [император был пленен] хуннами. И они... Хумдан (Чанъань), и разграбили страну до Ныныма (?) и за Нгапу — те хунны, которые вчера были подданными императора. Тогда, господин, мы не знали, будет ли способен остаток китайцев выгнать хуннов из Хумдана или они займут ту остальную страну»²². Дальше текст письма сохранился фрагментарно, но видно, что симпатии согдий-

---

²¹ Ш а н Ю э, Очерки..., стр. 130.

²² W. B. Henning, The Date of the Sogdian ancient Letters,— Reprinted from the BSOAS, 1948, XII (3 and 4), стр. 605—607.

ца не на стороне хуннов. Да это и понятно: нелегко наблюдать, как вокруг прекрасной столицы голодные жители варят человечину, как угоняют для переселения десятки тысяч беззащитных людей — так сделал Лю Яо, покидая Чанъань в 312 г. А кровожадность названного брата Ши Лэ, Ши Ху, взявшего весной 313 г. г. Е, вызвала отвращение у самих хуннов²³.

Все это так, но сколько же понадобилось обид и притеснений, чтобы вызвать такую дикую вспышку ненависти! Страшнее всего здесь то, что за произвол и насилия вельмож империи Цзинь расплачивались крестьяне и горожане, их беззащитные жены и маленькие дети, неповинные в причинах, обрекавших их на гибель.

ВОЙНА ПЛЕМЕН

Для понимания событий нам придется вернуться на два года назад в северную Шаньси, на границу ее с Великой степью. Там, в пограничной крепости, на месте современного Чжэньдинфу, стояли регулярные войска Китая, не принимавшие участия в войне князей и не затронутые общим разложением империи Цзинь. Ими командовал толковый и добросовестный комендант Ли Кунь, верный долгу и родине. Южнее его крепости располагались поселения хуннов, принадлежавших к одному из пяти разделов этого народа. Руководивший ими князь Лю Мэн, имевший резиденцию в Чжуншань (северная Шаньси, южнее Китайской стены), не проявлял большой активности в наступившей войне. Зато после его смерти его сын Лю Ху объединился с племенем «белых сяньби» и объявил себя вассалом Лю Цуна. Этим он изолировал пограничные войска Ли Куня от остального Китая.

Ли Кунь понимал, что удержать свой пост одними собственными силами невозможно. Поэтому он обратился за помощью к табгачам, кочевавшим в Великой степи, севернее китайской степи. Табгачский хан Илу был весьма обрадован возможностью захватить кусок китайской земли с помощью самих китайцев. Он отправил в поход своего племянника Юйлуня с двадцатитысячной конни-

---

²³ I b i d., стр. 608—613.

цей. Ли Кунь со своим отрядом шел в авангарде как проводник. Лю Ху был разбит в 311 г., а его союзники — «белые сяньби», покинув хуннские знамена, откочевали из окровавленной Шаньси на запад, к нагорным пастбищам вокруг оз. Кукунор. С ними мы еще не раз встретимся при описании дальнейших событий. Что же касается Ли Куня, то победа над хуннами обошлась ему чересчур дорого. Табгачский хан потребовал от китайского полководца, чтобы тот вместе со всей охраняемой им областью подчинился ему.

Ли Кунь принужден был согласиться. Он обратился к своему правительству с просьбой пожаловать обретенному союзнику титулы Великого шаньюя и князя княжества Дай, которое было искони населено китайцами и находилось южнее Китайской стены. Однако княжество Дай подчинялось не Ли Куню, а наместнику Ючжоу (область вокруг современного Пекина), Ван Сюню. Тот воспротивился распродаже китайской земли, считая, что лучше быть ограбленным врагами, чем друзьями. Однако он также был разбит, и Илу получил кусок китайской территории, правда без людей, которых предварительно вывели и переселили. После этого цзиньское правительство от услуг Илу отказалось и вежливо попросило его удалиться. Китайцы надеялись справиться с хуннами силами своего верного вассала — Дуань, с которыми было легче столкнуться. В 311 г. пятидесятитысячная дуаньская армия осадила войска хуннского полководца Ши Лэ в крепости Сянго²⁴.

В начале 312 г. Ши Лэ сделал вылазку и захватил в плен дуаньского принца Мобо. Ши Лэ проявил старые хуннские качества: пригласил пленника на пир, угостил его и отпустил с миром. Растроганный князь Дуани немедленно снял осаду и вернулся домой. Несчастливым китайцам пришлось опять обращаться к табгачам.

Тоба Илу не отказал и в 312 г. 200 тыс. (?) табгачей выступили в поход²⁵. Хуннский полководец Лю Яо был разбит, и сам получил семь ран. Хунны отступили, ночью перевалили через горы, поросшие лесом, и попытались оторваться от противника. Однако табгачи нагнали их в

---

²⁴ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 211.

²⁵ Там же, стр. 170. Цифра 200 тыс. безусловно завышена; здесь, как во многих других случаях, учтен коэффициент боеспособности.

узкой горной долине и вынудили принять бой, быстро превратившийся в избиение. Хуннские трупы устилали землю на 100 ли (около 45 км) пути отступления.

Ли Кунь просил Илу продолжать наступление, но Илу категорически отказался, сославшись на утомление ратников и коней. На самом деле он не хотел усиления Китая, а разбитые хунны не казались ему страшными. Это спасло хуннов. В 315 г. Илу погиб от руки своего сына, победителя хуннов, которого отец хотел лишить наследства и убить. Того убил двоюродный брат, и распри ханов остановили продвижение табгачей. Новый энергичный хан Юйлюй обратился к западу и в 318 г. захватил «древние усуньские земли»²⁶, но в 321 г. был убит заговорщиками. Хунны за это время оправались от поражения и восполнили потери на севере приобретениями на юге.

Описанный эпизод показывает, что китайцы уже в начале IV в. оказались не в состоянии оборонять свои исконные земли. Шаньси стала полем соперничества двух кочевых племен, перенесших свои давние распри на новую территорию, с населением которой они не считались. Соотношение сил определялось исключительно численностью конных стрелков и талантами полководцев, а также степенью порядка в ставке табгачского хана или хуннского шаньюя. Именно порядка особенно не хватало чрезмерно неукротимым табгачам, энергия которых часто обращалась против своих же вождей, тогда как хунны за свою долгую историю научились подчинять свои чувства интересам общего дела, так что управлять ими было относительно легко.

ВОЙНА ИМПЕРИЙ

Если на севере, в степях Ордоса и Чахара, на границе пустыни Гоби, хуннский монарх представлял как Великий шаньюй, то на юге, для завоеванных провинций, он являлся императором династии Хань, претендовавшей на традиционную законность. Правда, последняя была более чем сомнительна. Полуфантастичное происхождение Лю

²⁶ Предгорья Наньшаня до Дуньхуана (см.: Л. Н. Гумилев, Хунну, стр. 69—70).

Юаня и Лю Цуна, да еще по женской линии, никого не обманывало, но ведь и династия Цзинь была не благо. Поэтому нашлось немало китайцев, которые умножили войска Лю Цуна, руководствуясь, без всякого сомнения, личными интересами. Хунны смотрели на это сквозь пальцы, потому что с 313 г. китайцы начали контрнаступление по всему фронту.

Потеря Чанъани в 312 г. не принесла хуннам большого ущерба, потому что чрезмерно растянутая линия фронта сократилась, что позволило хуннам легче маневрировать своей прекрасной конницей. Куда большую ошибку допустил сам Лю Цун, казнив пленного императора, заподозренного в сношениях с табгачами. Этим он развязал руки южанам, немедленно объявившим нового принца из дома Сыма императором Минь-ди, ибо, по учению Конфуция, два императора не могут существовать одновременно, как на небе всегда сияет только одно солнце. Бедный Минь-ди был вынужден начать свое правление на развалинах прекрасного города, поросших травой и бурьяном. Около сотни уцелевших семей ютились в разрушенных домах вокруг уцелевшей цитадели. У чиновников и офицеров не было ни одежды, ни оружия, ни печатей, а пищу они добывали, собирая съедобные растения. Но людей в Китае было много, и вскоре Чанъань отстроилась заново. Минь-ди осмелел и издал указ о немедленном подавлении мятежа хуннов. Указ содержал даже диспозицию, согласно которой Ван Сюнь из Ючжоу должен был ударить на Лоян с востока, принц Сыма Жуй — с юга, а войска княжества Лян (западная часть Ганьсу) — с запада²⁷. Никто из полководцев не тронулся с места, зато хунны получили законный повод для возобновления наступательных операций.

В 313 г. хуннский конный отряд подошел к Чанъани ночью и зажег город. Жители разбежались, а император укрылся в цитадели, которую хунны немедленно осадили. Но, прекрасные конники, они не умели брать крепости и ограничились блокадой. Китайская армия двинулась на выручку к императору. Навстречу ей Лю Яо подтянул большие силы и нанес китайцам поражение. Однако, увлекшись успехом, он ослабил бдительность, и один из китайских офицеров собрал рассеявшихся после битвы

---

²⁷ Mailla, t. IV, стр. 276.

воинов и напал на хуннский стан. Урон среди не готовых к бою хуннов был таков, что Лю Яо снял блокаду и оттянул войска для реорганизации. Империя Цзинь была на некоторое время спасена.

Кажется странным, что Минь-ди был покинут большей частью подданных, незадолго перед тем добровольно признавших его императором. Но Сыма Жуй, правивший всем Южным Китаем, был по горло занят войной с собственным народом. Там продолжалось восстание беженцев из Северного Китая и из Сычуани, где против китайского гнета возмутилось племя бади. Население платило жизнью за произвол правителей, но, даже успев убежать от варваров, оно не нашло ни помощи, ни поддержки в Центральном Китае. Тогда обманутые люди восстали и боролись до тех пор, пока их не подавили²⁸. Сыма Жуй вынужден был бросить Северный Китай и императора на произвол судьбы. Это было на руку хуннам.

Правитель Ючжоу Ван Сюнь учел трагичное положение империи и решил объявить себя самостоятельным государем. Своих соратников, желавших сохранить верность родине, он казнил, а беспринципных прихлебателей повысил в чинах и почувствовал себя в безопасности. Ши Лэ, зная самоуверенность китайского наместника, написал Ван Сюню жалостное письмо, прося у него убежища от опалы, разумеется, мнимой. Ван Сюнь послал для переговоров депутацию, один из членов которой предложил хуннскому полководцу предать Ван Сюня. Ши Лэ послал голову изменника в Ючжоу, чем окончательно убедил Ван Сюня в чистоте своих намерений. Когда договоренность была достигнута, Ши Лэ прибыл к Ван Сюню и приказал стражникам впустить его в город. Тот, видя, что хуннов мало, открыл ворота, и тогда хунны погнали сквозь них стадо скота якобы в подарок. Следом вошли воины и заняли город без боя. Ши Лэ ударил Ван Сюня по лицу, обозвал предателем и через несколько дней отрубил ему голову, а негодяи, на которых Ван Сюнь надеялся, сдались новому господину. Так был в 314 г. ликвидирован плацдарм династии Цзинь в Северо-Восточном Китае. Верные императорскому правительству войска держались только в Ляодуне, и то потому, что их с запада прикрывала воинственная держава Дуань.

---

²⁸ Mailla, стр. 277; Шан Юэ, Очерки..., стр. 130.

Лю Яо, услышав про успехи Ши Лэ, вспомнил о своей неудаче под Чанъанью и добился разрешения повторить поход на китайскую столицу. Китайцы на этот раз мужественно вышли навстречу хуннам, и атака хуннской конницы захлебнулась. В рукопашной схватке пехотинец всегда сильнее всадника. Поэтому хунны, ворвавшиеся в ряды китайской пехоты, не смогли вырваться назад и почти все погибли. Китайцы перешли в наступление, преследовали хуннов до Бэйди и добились одного из их отрядов, отстояв столицу.

Лю Яо поклялся отомстить. Весь последующий, 315 год он собирал войска, и на этот раз число их превысило все прежде подготовленные армии. На пополнение, несомненно, брали не хуннов, которых было мало, а только что завоеванных китайцев. И ведь те шли сражаться за своих поработителей против своих соплеменников! Впрочем, подавалась эта очевидная измена пристойно: считалось, что не хунны воюют с китайцами, а династия Лю-Хань с династией Цзинь. Но от перемены названия сущность не менялась.

Сыма Жуй на этот раз отправил большое войско под командованием своего сына на выручку столицы. Китайцы нанесли поражение одному из хуннских отрядов, составленному из северных китайцев, но не развили успех и отошли. Эта стычка не остановила хуннского наступления и не повлияла на ход кампании. Трудно определить, чему следует приписать такую, почти преступную, пассивность: бездарности ли полководца, слабой боеспособности южной армии или хитрому политическому расчету, т. е. стремлению избавиться от законного императора, с тем чтобы занять его место, что Сыма Жуй осуществил.

Зимой 316 г. Лю Яо снова обложил Чанъань. Войска, пришедшие с юга на выручку к гарнизону, остановились в отдалении, не решаясь напасть на хуннов. Минь-ди снова укрылся в цитадели, оставив разрушенные предместья в добычу врагу. Он ждал помощи, но не дождался. В осажденной крепости возник голод, защитники ее дезертировали, и только тысяча горцев из Наньшаня мужественно обороняла стены. Один из китайских полководцев, командовавших вспомогательными войсками, пришедшими с юга, Со Чэнь, предложил Лю Яо перейти на сторону хуннов, обещая при этом обеспечить сдачу крепости. Лю Яо отрубил голову послу и послал ответ: «Цари должны

поступать по справедливости. Вот я уже 15 лет команду войсками и ни разу не одержал победу путем хитрости и измены. Защищайся, потому что если я тебя поймаю, ты заплатишь жизнью за предательство»²⁹. Решение было подсказано ходом событий: хунны не верили в искренность китайцев, переходивших на их сторону, а умножать число предателей в своих рядах не желали.

Впрочем, положение крепости было безнадежным. Минь-ди сдался, чтобы спасти изголодавшихся и покинутых в беде сограждан. Лю Яо отправил пленника в Пинъян, где Лю Цун подверг его издевательствам. Например, он заставлял его во время пира разливать вино гостям. Когда же присутствовавшие при этом китайцы выражали огорчение по поводу судьбы царственного пленника — им отрубали головы.

Нескрываемое сочувствие императору тревожило хуннского вождя. Наследный принц Лю Цань советовал казнить пленника, но Лю Цун не решался на злодейство. Однако, когда два южнокитайских полководца совершили рейд в долину р. Фэнь, для того чтобы поймать живым наследника престола и, воспользовавшись чувствами отца, выменять на него своего государя, Лю Цун приказал казнить Минь-ди.

Победа хуннов была полной; это признали даже их враги — южные китайцы. Империя, которую возглавил в Нанкине Сыма Жуй, считается китайскими историками основанной заново, а династия в отличие от погибшей получила особое название — Восточная Цзинь. Эти терминологические тонкости имеют реальный смысл: признание того факта, что исконные китайские земли попали в руки иноземного врага не на какой-то момент, а всерьез и надолго. Сыма Жуй принял титул Хуань-ди и отказался от мысли вернуть родной Север. Множество китайцев, и крестьян, и землевладельцев, бежали от хуннского ига и заселили малолюдные земли к югу от великой реки Янцзы. Только водный рубеж шириной до 5 км удержал хуннскую конницу в ее порыве к победам. Казалось, что дни Китая как самостоятельной державы сочтены, ибо, для того чтобы Китай смог оказать сопротивление, ему нужно было время для реорганизации, вернее, формирования новой армии... И это время у него оказалось.

---

²⁹ W i e g e r, стр. 1065.

Оглянемся на минувшие четырнадцать лет (303—317) и посмотрим, что произошло. А произошло очень много, даже для самой мятежной эпохи. Великий Китай перестал существовать. Потеряв родные земли, колыбель своей древней культуры, Китай стал заурядным царством, окруженным с юга и запада воинственными аборигенами, фактически не подчинявшимися нанкинскому правительству. Виноваты в этом были не столько малочисленные хунны, сколько сами китайцы, расправившиеся за время Троецарствия с лучшей частью своего населения и продолжавшие самоистребление до полной катастрофы. Но можно ли их за это винить? Как мы видели, жестокость внутренних войн была последствием раскола страны, подготовленного минувшим блеском империи Хань. И даже война князей фамилии Сыма была неизбежна, ибо каждый из них был вынужден защищаться от соперников, а соперничество было неотъемлемой частью их солдатской природы, где стремление к власти не обуздывается культурой и образованностью.

Хунны из крошечного, раздробленного племени, беспощадно угнетаемого и обижаемого, превратились в хозяев обширной страны, которую они перед этим залили кровью. Но как обвинить их за это? На жестокую войну их толкнула жажда справедливости, поруганной китайскими вельможами. Но проявившись, она превратилась в жажду мщения, и пострадали не столько угнетатели, сколько беззащитный народ. Особенно развернулись хуннские кулы, составившие наиболее боеспособные и свирепые части хуннской армии. Опьяненные победами, они выместили на китайском населении свои обиды и принесли ему столько горя, что установление мира между народами, населявшими Срединную равнину, стало не только невозможным, но и неприемлемым для обеих враждующих сторон. И это не было продуктом злой воли хуннских вождей или легкомыслия китайских сановников. Сама логика событий вела к тому, чтобы из вспышки освободительного восстания одного из хуннских племен разгорелся костер войны нескольких больших народов. Чтобы понять трагичность коллизии, возникшей на берегах Хуанхэ, вспомним несколько тезисов из нашего этнологического «Введения».

Наследники кочевой державы Хунну — хунны и сяньбийцы и потомки создателей империи Хань принадлежали к разным суперэтническим целостностям. Одни воспитались в суровых сухих степях и предгорьях Центральной Азии, другие — в мягком влажном климате, среди бамбуковых зарослей и лессовых полей. Для одних друзьями были животные, для других — растения. Одних защищал от врага род, других — государство. Сообразно всему накопленному и передаваемому из поколения в поколение опыту кочевники и китайцы сложились в разные, не похожие друг на друга суперэтны, с разными стереотипами поведения и разными системами отчета повседневных идеологических понятий. Произносятся такие слова, как: верность, честность, дружба, благодарность и т. п., хунн вкладывал в них один смысл, а китаец — другой. В каждом отдельном случае нюансы трудноразличимы, но в больших количествах они бросаются в глаза и сообщают этническим целостностям те особенности, которые ныне называют этнопсихологией³⁰. Насколько это было существенно для судеб этносов, мы увидим ниже, а здесь отметим, что пока хунны и китайцы жили отдельно, каждый своим бытом, войны между ними не были столь ожесточенными, а компромиссы, наоборот, достигались часто и надолго.

Но для того чтобы объяснить грандиозную победу хуннов, необходимо учесть особенность этнологического характера. Не следует думать, что один китаец в IV в. был худшим воином, чем один хунн. Часто могло быть наоборот, но хуннская этническая система имела большее напряжение, нежели китайская, и потому хунны побеждали. Здесь наблюдается та же коллизия, которую отметил Ф. Энгельс, упоминая о египетском походе Н. Бонапарта, когда два мамлюка были сильнее трех французских драгунов, но тысяча французов — сильнее тысячи пятисот мамлюков³¹. Итак, после детального изучения хода событий можно с уверенностью сказать, что не сумма случайностей, а историческая закономерность была причиной победы хуннов.

---

³⁰ И. С. Кон, К проблеме национального характера, — в кн.: История и психология (Сборник статей), М., 1971, стр. 122—158

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 20, стр. 131; т. 14, стр. 319.

А так ли уж велика была сила победоносной хуннской империи Лю Хань? ³² Нет, этот колосс стоял на глиняных ногах. Не говоря уже о том, что большая часть населения состояла из китайцев, хунны и их кулы были разными этносами, несмотря на то что они говорили на одном языке. Хунны сохранили свою родовую структуру, которой никогда не было у их кулов. Хунны управлялись знатными, а кулы способными людьми. Хунны чтили древние традиции, а у кулов их не было и не могло быть, потому что их этнос возник из разноплеменных людей, связанных только общей исторической судьбой. Между этими двумя этносами не могло возникнуть полного взаимопонимания и доверия, и недаром умный Лю Цун опасался успехов своего лучшего полководца Ши Лэ ³³, одновременно прощая неудачи высокородного Лю Яо.

И наконец, новорожденная империя не могла обойтись без услуг образованных китайцев, и один из них, Цзинь Чжун, сделался министром империи Хань. Иными словами, представитель побежденного народа стал представителем своих победителей. Последствия такой расстановки сил не замедлили отразиться на ходе истории.

---

³² Китайские историки воспринимают историю не как единый процесс, а как ряд дискретных процессов, где единица определяется династическим названием с детерминативами: Цянь—Старшая, или Ранняя, и Хоу—Младшая, или Поздняя, Бэй—Северная, Нань—Южная, Дун—Восточная, Си—Западная—или родовыми наименованиями: Лю Хань, Тоба Вэй и т. д. Таким образом, пестрота событий введена в строгую систему, отвечающую историографическим представлениям весьма высокого уровня. Подробнее см.: Л. Н. Гумилев, Китайская хронографическая терминология в трудах Н. Я. Бичурина на фоне всемирной истории, — в кн. Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии, Чебоксары, 1960, стр. 643—673; Л. Н. Гумилев, Этнос и категория времени, — Доклады ВГО, вып. 15, Л., 1970, стр. 143—157.

³³ Mailla, t. IV, стр. 286.

ГИБЕЛЬ ДИНАСТИИ

После 317 г. счастье покинуло хуннов. Попытавшись продвинуться на юг до берегов Янцзы, они натолкнулись на отпор южных китайцев. Внезапное нападение на стан хуннского наследного принца Лю Цаня принесло китайцам победу. В ночном бою погибла половина хуннского отряда, вторая половина разбежалась, и китайцы получили огромную добычу лошадьми и рогатым скотом. Реальных последствий эта стычка не имела. Когда подошли главные силы хуннов, китайский полководец приказал переколоть захваченных коней и быков и оттянул за Янцзы свое войско. Однако этот эпизод показал беспомощность и бездарность наследника престола.

В 318 г. хуннскую династию постигла большая беда. Сгорело одно из крыльев дворца, и в огне погибло 20 членов фамилии Лю. Это была большая потеря, потому что погибли люди безусловно верные и нужные; заменить их было очень трудно. К несчастью для хуннского народа, наследник престола не был в этом числе¹.

Вскоре после этого заболел и умер Лю Цун, оставив престол старшему сыну, бездарному Лю Цаню. Зная «возможности» Лю Цаня, Лю Цун поручил охрану империи канцлеру Лю Яо и маршалу Ши Лэ, присоединив к ним двух своих младших сыновей и главного интенданта, китайца Цзинь Чжуна. После похорон шаньюя (и императора) полководцы вернулись к своим войскам, а Цзинь Чжун остался единственным советником Лю Цаня. Свое положение он использовал для того, чтобы побудить нового владыку избавиться от опеки и советов братьев, ко-

---

¹ Мс. G o v e r n, стр. 331.

торые были вскоре казнены по обвинению в кутежах и небрежении к своим обязанностям. Фактическая власть оказалась в руках Цзинь Чжуна, который был отнюдь не беспринципным честолюбцем, а подлинным китайским патриотом, влюбленным в свою цивилизацию, которая, на хуннский взгляд, в эпоху Цзинь была чудовищна. Но это неумение предугадать поведение людей иного этнического склада и вытекающие отсюда тяжелые последствия характерны для всех зон этнических контактов.

Разница этнических черт хуннов и китайцев была такова, что обычаи одних вызывали у других физическое отвращение. В частности, у хуннов, живших в степях, существовал обычай наследования жен. Вдова старшего брата становилась женой младшего, который был обязан о ней заботиться как о своей любимой жене². Иногда на тех же условиях жены отца переходили к сыну (за исключением, конечно, его матери). Этот обычай сложился и бытовал тогда, когда была нужда в охране женщины в условиях сурового климата и межплеменных войн. Это своеобразное «социальное страхование» оплачивалось женским трудом в юрте родственника. Благодаря этому обычаю женщина даже в условиях экзогамии и патриархального родового строя имела обеспеченное положение в случае вдовства. С переходом хуннов в Китай этот обычай потерял свое значение, но сохранился как реликт.

Поэтому, когда Лю Цань стал посещать юных наложниц своего отца, с точки зрения хуннов, это было его право и долг. Но китайцам такое поведение казалось чудовищным развратом, и Цзинь Чжун использовал этот факт для своих целей, которые считал патриотическими и благородными: он восстановил служивших во дворце китайцев против варвара, живущего с «собственными матерями», потому что в Китае все жены отца считались находящимися в этом ранге. Это была капля, переполнившая сосуд взаимного негодования и озлобления.

Никакие приманки не могли примирить китайских патриотов с господством «варваров», но ждать спасения от своих южных соплеменников было явно бессмысленно. Приходилось рассчитывать на собственные силы и искать новых способов борьбы. По этому пути пошел Цзинь Чжун, выступивший в роли китайского Конрада Валлен-

---

² Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 40.

рода³. Сделав блестящую карьеру и став правителем при бездарном монархе, он тем не менее поставил на карту все добытое благополучие и даже свою жизнь: он решил на государственный переворот. С кучкой заговорщиков он ворвался в покои Лю Цаня и учинил резню, в которой погиб доверчивый император (и шаньюй).

За сим последовала жуткая расправа. Все родственники Лю Цуна без различия пола и возраста были казнены на рыночной площади; трупы Лю Юаня и Лю Цуна были вырыты из могил и обезглавлены, а храм предков фамилии Лю — сожжен. После погрома Цзинь Чжун принял титул вана (Хань-ван)⁴, что указывало на признание южного императора династии Цзинь его сюзереном. Затем он, взяв в руки государственную печать, захваченную хуннами в Лояне, заявил: «Отныне Китай не будет управляться кочевниками. Вот печать, которой они овладели. Я ее возвращаю законным владельцам — императорской фамилии Цзинь». И он послал на юг письмо, в котором объяснял свой поступок желанием освободиться от иноземцев, «презренных и лишенных добродетелей», и отомстить им за двух казненных императоров, прах которых он отправил вместе с письмом на юг⁵.

Как видно, Цзинь Чжун считал себя не предателем и убийцей, а героем, но это было так же непонятно хуннам, как китайцам — наследование жен. Народ покидал столицу и бежал в провинции, находившиеся под контролем войск Ши Лэ, который с 50-тысячным войском двинулся на Пиньян. На западе империи Лю Яо, узнав о трагедии, объявил себя императором и отдал приказ казнить каждого, уличенного в сношениях с узурпатором. Напуганный Цзинь Чжун попытался договориться с Ши Лэ, но тот арестовал посла и отправил его Лю Яо.

Лю Яо принял арестованного любезно и освободил, попросив передать Цзинь Чжуну, что если тот сдастся, то

---

³ Герой одноименной поэмы Мицкевича.

⁴ В древнем Китае верховным главой всего мира считался хуанди; этот титул принято переводить — император. Правители отдельных стран в Китае носили титул «ван», по рангу — второй за императором. Этому титулу приравнены: у хуннов — шаньюй; у сяньбийцев — хан; в Европе — король (после IX в.) или царь. Поэтому принятие узурпатором титула ван означало лояльность к носителю высшей, императорской власти.

⁵ Mailla, t. IV, стр. 297.

будет прощен и оставлен в чине. Тот имел достаточно ума, чтобы не поверить, но его сподвижники убили его и поставили на престол его сына Цзинь Мина, который предложил Лю Яо свою покорность. Но тут вмешался Ши Лэ. Он напал на Пиньян, чтобы отомстить за гибель хуннских принцев. Цзинь Мин покинул город и с толпой беглецов сдался Лю Яо, который казнил его самого и всех его родственников. Тем временем Ши Лэ занял покинутую столицу, сжег оскверненный убийством дворец и восстановил могилы Лю Юаня и Лю Цуна. Этим закончилась попытка китайцев добиться реванша, продолжавшаяся всего три месяца рокового 318 года.

Так китайские нравы IV в., в которые как компонент входило вероломство по отношению к «варварам», оказались не более, скажем, конструктивными, чем хуннские, где свирепость сочеталась с доверчивостью. Но, пожалуй, хуже всего была смесь тех и других. Хунн с китайским образованием был опаснее кобры. Таким персонажем оказался Лю Яо, на словах побеждавший «без хитростей и измен», а на деле постоянно нарушавший свои обещания. По «праву аристократизма» он взял власть в свои руки. Поскольку царствующий дом хуннов был полностью истреблен, то Лю Яо как основатель новой династии дал ей новое название—Чжао⁶, а столицу перенес в Чанъань. Ши Лэ получил титул «Великий Маршал», и ему было поручено управление восточными областями страны. Однако уже на следующий год положение изменилось.

Да и как могло быть иначе? За полтора века тесного общения с китайцами хунны не могли удержать свои родовые традиции, которые сохранились лишь у их степных сородичей в Ордосе. В 20-х годах IV в. хуннского единства уже не существовало. Хунны победили китайцев, но перестали быть хуннами.

Название народа часто переживает сам народ. Например, византийские греки и малоазиаты в XV в. еще называли себя римлянами. Нечто схожее случилось с хуннами. Былых традиций хватило на восстание и победу, но на поддержание власти их не оказалось. Учреждения но-

---

⁶ Царство Чжао в эпоху Воюющих царств (V—III вв. до н. э.) располагалось на землях, захваченных хуннами в 307—317 гг. Оно никогда с хуннами не воевало, и потому принятие нейтрального древнего названия явилось декларацией компромисса с китайским населением страны.

вой империи копировались с китайских образцов: быт, нравы и утварь дворцов, титулатура и обряды — все было копией Ханьской монархии, а не патриархального двора шаньюев. Хунны превратились в «цивилизованных варваров», у которых равно отсутствуют высокие моральные качества, свойственные примитивному быту, и духовное развитие многовековой культуры. Властолюбие и эгоизм полководцев и беспринципность профессиональных солдат, составляющих их реальную силу, обусловили конец возрождения хуннской независимости.

ГИБЕЛЬ ЕДИНСТВА

Легкая победа над мятежным министром показала, что обе армии, созданные покойными шаньюями, не имеют равных себе соперников. Но слишком уж они различались между собой, и ни та ни другая не имели подлинных традиций.

Лю Яо, принц крови, пропитавшийся китайской культурой, нашел общий язык с хуннскими старейшинами. Ши Лэ, бывший атаман разбойников, оперся на беднейшую массу кулов и деклассированных китайцев, примыкавших к нему. Обе группы были одинаково чужды хуннскому родовому строю и враждебны китайской государственности, но еще более — нетерпимы друг к другу. Столкновение между ними было неизбежно.

В начале 319 г. Ши Лэ отправил к Лю Яо посла с поздравлением по случаю вступления на престол, а тот в ответ пожаловал Ши Лэ титул «Царь Чжао». Но один из слуг посла шепнул Лю Яо, что его хозяин имеет задание разведать силу императорской армии. Та была в неважном состоянии: изнурена внезапным походом и беспорядочным снабжением. Вспыльчивый Лю Яо поступил, как было принято в Китае: поверил доносу и казнил посла⁷.

Ши Лэ пришел в ярость и, по обычаю кочевников, порвал все сношения с Лю Яо. Только что восстановленное государство распалось для смертельной войны между бывшими соратниками.

---

⁷ Wiegert, стр. 1074

Нет, нельзя сказать, что одна из сторон «окитаилась» больше, чем другая, но воздействие цивилизации на них было разным.

Новая хуннская держава называлась Младшая Чжао⁸. Она впитывала китайскую культуру, как губка. Сам Ши Лэ был безграмотен, но уважал науку. Он покровительствовал конфуцианским философам, поэтам и основывал школы⁹. Но военные традиции, унаследованные от хуннов, он хранил свято, и это отвечало интересам народных масс кулов.

Лю Яо сделал своей столицей Чаньань. Там он разрушил китайский Храм предков и взамен соорудил хуннское святилище: курган, посвященный духам-покровителям почвы и растительности, Небу и Земле, считая, что он подражает шаньюю Модэ¹⁰. Хуннская знать чтит культурные традиции своего народа, но на практике стала руководствоваться китайскими нормами поведения, хотя всеми силами противилась этому неуклонному процессу. К этому ее вела «логика событий». Возникшая, таким образом, двойственность немедленно отразилась на делах правления.

В 320 г. Лю Яо донесли, что двое придворных замыслили восстание и привлекли к участию в заговоре нескольких офицеров из «страны Ба», т. е. дисцев, или тангутов. Зачинщиков казнили, а прочие, т. е. тангуты, были брошены в тюрьму. Лю Яо осудил на смерть и их, но Ю Цзы-юань, офицер дворцовой стражи, вмешался и сказал своему владыке, что, по закону, за соучастие смертной казни не полагается, и просил отменить несправедливый приговор. Лю Яо в гневе приказал арестовать непростого советчика и казнить пятьдесят арестованных, но тут за них вступились их соплеменники. Область Ба восстала против произвола и была поддержана из-за границы тибетцами и табгачами. Количество восставших ис-

---

⁸ Подчеркнута преемственность хуннской традиции при смене династии.

⁹ Mc. Govern, стр. 337.

¹⁰ Wiegert, стр. 1074; Mailla (стр. 305) переводит источник иначе: Лю Яо соорудил новое строение, посвященное церемониям в честь предков, во главе которых был поставлен Модэ. Но у хуннов не было ни культа предков, ни истуканов, им посвященных (Л. Н. Гумилев, Хунну, стр. 99—101). Видимо, маньчжурский текст, с которого переводил Mailla, был пересмотрен маньчжуром-переводчиком в согласии с китайскими воззрениями XVII—XVIII вв.

числялось, по слухам, в 300 тыс. человек. Конечно, цифра преувеличена, но так или иначе в столице было введено военное положение и ворота запирались даже днем.

Правдолюбец Ю Цзы-юань снова обратился к Лю Яо с увещаниями, на этот раз письменными. Лю Яо порвал письмо и велел казнить автора, но придворные хунны отказались выполнить приказ, ссылаясь на искренность придворного и его право давать советы царю.

И вот тут-то встает вопрос: какому царю? В Китае император был самодержцем, а в Хунну олигархия знатных родовичей ограничивала власть шаньюя¹¹. Значит, хотя Лю Яо объявил себя императором династии Чжао, для хуннского окружения он оставался шаньюем, и в праве на произвол ему было отказано. Под прямым давлением своих придворных Лю Яо не только освободил Ю Цзы-юаня, но и принял его совет: объявить прощение и арестованным и восставшим. Совет был мудр: все сразу разошлись по домам, кроме тибетцев и табгачей. Но и тех удовлетворили деньгами, после чего поселили вокруг Чанъани в качестве вспомогательных войск¹². Итак, хуннская политика миролюбия к кочевникам принесла настолько большую пользу, что Ю Цзы-юань был повышен в чине; он стал первым советником Лю Яо и главой всех судов (нечто вроде современного министра юстиции)¹³.

Ши Лэ не был столь удачлив в первые годы своего самостоятельного правления. Ему портили жизнь завоеванные, но не покоренные юго-восточные провинции, где с 313 г. действовал талантливый китайский полководец Цзу Ти, бывший правитель области Юйчжоу. Стремясь вернуть потерянные Китаем земли и получив от Сыма Жуя немного продовольствия и тканей для обмундирования, Цзу Ти возглавил отряд добровольцев и повел войну на свой страх и риск. Он хорошо обращался с населением, и войско его росло. В 317 г. Цзу Ти нанес в Хэнани поражение лучшему полководцу хуннов, Ши Ху, а в 319 г., воспользовавшись расколом в рядах кочевников, пошел в наступление на север. Но, на счастье Ши Лэ, цзиньский двор прислал сановника инспектировать действия полко-

---

¹¹ Л. Н. Гумилев, Хунну, стр. 75—77.

¹² W i e g e r, стр. 1079.

¹³ M a i l l a, t. IV, стр. 305.

водца, и тот быстро довел Цзу Ти до разрыва сердца. На этом успехи китайского оружия и закончились (321 г.).

В этой жестокой войне Ши Лэ снова проявил великодушные, некогда привлекавшие на сторону хуннов симпатии подвластных им племен. Например, узнав, что Цзу Ти как истый китаец горюет о невозможности совершить обряд поклонения предкам, похороненным на занятой хуннами территории, Ши Лэ лично посетил могилы, приказал их реставрировать и уведомил об этом своего противника. Когда один из китайских офицеров перешел к хуннам, Ши Лэ послал Цзу Ти его голову с пояснением, что он ничто так не ненавидит, как измену¹⁴. Но вместе с тем он несколько раз проводил массовое истребление китайского населения в тех областях, которые в данный момент казались ему опасными или чем-либо подозрительными.

Короче говоря, Ши Лэ и Лю Яо были по характеру противоположны друг другу, равно как и сторонники их: традиционалисты-хунны и безродные кулы. Единство этих народов, создавшееся как реакция на китайский гнет, испарилось, и с 319 г. они из союзников превратились в злейших врагов, между которыми не могло быть компромисса.

Раскол среди хуннов спас Южный Китай, но там было также неблагоприятно. В 322 г. племена ди на границе Шэньси и Сычуани, и без того беспокойные и мятежные, отложились от Китая, основали царство Уду и встали в вассальные отношения к Лю Яо¹⁵. В Южном Китае с 322 до 324 г. полыхал мятеж Ван Дуна¹⁶. Воспользовавшись возникшим замешательством, Ши Лэ овладел Цзиньчжоу¹⁷.

В табгачском ханстве происходили очередные убийства ханов и возмущения народа, так что Китай лишился самого важного союзника, ставшего на какое-то время небоеспособным. Сложилась выгодная для хуннов ситуация, но они использовали ее для внутренней войны.

---

¹⁴ Ibid., стр. 310.

¹⁵ Н. Я. Бичурин, История Тибета..., стр. 101.

¹⁶ Cordier, стр. 312.

¹⁷ В Хэбэе.

В 323 г. Ши Лэ настолько укрепился в своих владениях, что объявил войну одновременно двум империям: Цзинь и Чжао¹⁸. Таким образом, хунны и китайцы внезапно оказались союзниками. Но южнокитайская империя, обескровленная затянувшимся мятежом Ван Дуна, была не в состоянии защитить свои северные области, как те, что были освобождены доблестным Цзу Ти, так и те, которые еще числились под ее властью. Полководцы Ши Лэ: Ши Шэн и Ши Ху без труда овладели северной половиной бассейна р. Хуай и Шаньдуном, закончив кампанию к 325 г.

Более серьезные операции развернулись под Лояном. Хунны блокировали отряд Ши Шэна. Ши Ху пришел к нему на выручку и нанес осаждавшим тяжелое поражение. Хуннские полководцы пали в бою, а войско их рассеялось. Лю Яо заболел от горя, и контрнаступление хуннов задержалось на три года (с 325 по 328). За это время империя Цзинь пережила еще один мятеж, ослабивший ее настолько, что она уже не представляла опасности для державы Ши Лэ. Поэтому Ши Лэ направил своего полководца и названного брата Ши Ху с 40-тысячным войском против Лю Яо. Последний встретил противника в изгнании Хуанхэ, обратил в бегство и преследовал бегущих на протяжении более 200 ли (80 км).

Хунны пленных не брали. Убитых некогда было считать, земля была усеяна гниющими трупами. Вторую армию противника Лю Яо осадил в цитадели Лояна, которую он рассчитывал затопить, подведя каналом воду из р. Ло.

В этих тяжелых обстоятельствах престарелый Ши Лэ принял командование на себя. Он заявил своим приближенным, что «хоть и говорят, будто ничто не может противостоят ярости Лю Яо, но на самом деле Лю Яо стар, а его воины — дрянь», и выступил в поход со всеми имеющимися у него войсками.

Когда Лю Яо узнал от пленных, что сам Ши Лэ идет против него, он снял осаду с крепости и отошел на запад

---

¹⁸ W i e g e r, стр. 1082.

от р. Ло. Ши Лэ вступил в покинутый хуннами Лоян и возблагодарил Небо за спасение. Затем он двинулся на войско Лю Яо, будучи уверен в успехе¹⁹.

Ши Лэ оказался прав: у Лю Яо не хватило выдержки для основательной подготовки к решительной битве. Вместо того чтобы предугадывать шаги противника, он пил вино в шатре со своими любимцами и под страхом смертной казни запретил себя тревожить неприятными вестями. Потому и позиция была им выбрана непродуманно: в тылу войск оказалась река, а фланги остались неприкрытыми. Ши Ху с пехотой двинулся на центр хуннской армии, прикрывшись латной конницей, которая должна была смягчить ответный удар войск Лю Яо.

В решающий момент боя, когда перестройка для Лю Яо была уже невозможна, из Лояна вышли отборные войска под командой самого Ши Лэ в шлеме и броне, пустившего коня в галоп на врага. А Лю Яо был пьян. Когда 40 тыс. воинов Ши Лэ обрушились на его левый фланг и хуннские всадники рассыпались, избегая массированного удара, полководец упал с коня и был взят в плен. Это решило судьбу битвы. Ши Лэ даже запретил преследование, не считая нужным длить кровопролитие. Он удовлетворился тем, что предложил своему пленнику написать письмо сыновьям с приказом прекратить братоубийственную войну. Это вполне разумное предложение почему-то не было принято Лю Яо. Напротив, он написал своим детям, что требует вести войну до победы, не заботясь о судьбе отца. После такого жестокого поступка Лю Яо был убит.

Впрочем, упорство Лю Яо мало что изменило. Его дело было обречено. В его собственной державе у него не было сторонников, кроме немногочисленных хуннских ветеранов, окруженных толпами себялюбцев и предателей. Впрочем, китайское население Шэньси нельзя считать изменниками. Им была просто безразлична судьба деспота, их завоевавшего. Но, страшась того, что война, как не раз бывало, опустошит их села и города, они восстали против побежденных и подчинились победителям²⁰. В 329 г. Ши Шэн вступил в Чаньань, а Ши Ху разбил войска сыновей Лю Яо, пытавшихся отбить город.

---

¹⁹ *Ibid.*, стр. 1092.

²⁰ *Ibid.*, стр. 1094.

После этого в стане хуннов возникла паника. Они рассялись, не оказывая врагу сопротивления. Последняя оставшаяся верной сыну Лю Яо, Лю Си, армия, насчитывавшая всего 3 тыс. человек, сдалась на милость победителя. Все пленные были казнены. Северный Китай был объединен заново. В 330 г. Ши Лэ был провозглашен императором Младшей Чжао, наложница бывшего раба и разбойника стала императрицей, его сыновья — наследным принцем и маршалом, а названный брат Ши Ху — главным судьей, чем он остался весьма недоволен, так как тоже хотел стать по меньшей мере маршалом. И самое любопытное, что китайская историография относится к Ши Лэ с нескрываемой симпатией²¹. Что здесь: справедливость или пристрастие?

Несомненно, Ши Лэ был человек способный и, вероятно, обаятельный, но зла он причинил немало. Однако его расправы с китайским населением в источнике затушеваны, а благородные поступки даны выпукло. Это не может быть случайным. Зато с Лю Яо историографы поступили как раз наоборот, и думается, что разгадка кроется именно здесь.

Этнические особенности хуннов, ненавистные китайцам, были естественны для степных аристократов, пусть даже воспитанных в китайском духе. Но, сменив тюркские имена на китайские, члены фамилии Лю оставались хуннами, и для китайцев оставались чужими. Зато отсутствие традиций в Младшей Чжао роднило ее сторонников со столь же деградировавшим, т. е. потерявшим традиции, населением Северного Китая; они были близки социально, и эта близость была важнее, чем языковые различия кулов и китайцев. Общаясь постоянно, они научились понимать друг друга, и поскольку Ши Лэ ничего не противопоставлял вкусам и взглядам большинства своих подданных, то те отнеслись к нему терпимо. А по своим качествам правителя Ши Лэ был даже лучше, чем глупые императоры династии Цзинь и их свирепые временщики. Поэтому порядок, установленный Ши Лэ, оказался относительно прочным. Во всяком случае его хватило на двадцать лет.

---

²¹ *Ibid.*, стр. 1095.

ГИБЕЛЬ ДЕМОКРАТИИ

Торжество демократического вождя хуннов и кулов Ши Лэ продолжалось всего четыре года. За это время он успел только соорудить для себя роскошный дворец в г. Е, который сделал своей столицей. В 333 г. Ши Лэ тяжело заболел, и Ши Ху, приняв командование дворцовой стражей, запретил входить к больному всем, даже министрам и родственникам. Сыновья основателя династии, Ши Хун и Ши Кан, командовали войсками в провинциях. Этим воспользовался Ши Ху. Не дожидаясь последнего вздоха своего государя и названного брата, он арестовал сановников империи и верных советников умирающего императора. Видя, к чему клонится дело, наследный принц отрекся от престола, но Ши Ху не принял его добровольного отречения, а низложил принца как «недостойного престола».

Похоронив прах Ши Лэ не в роскошной гробнице, которую тот соорудил для себя, а в соседней долине, Ши Ху объединил в своих руках все высшие должности и уволил всех старых соратников Ши Лэ, заменив их своими приверженцами. Императрица обратилась к своему сыну Ши Кану с вопросом, что ждет ее и его. Тот ответил: «Гибель!» и просил разрешения матери на восстание. Однако они ничего не успели, так как оба были схвачены и казнены. В ответ на зверства и произвол восстали царевичи: Ши Шэн — в Чанъани, и Ши Лян — в Лояне. Ши Ху, разбив Ши Ляна, казнил его, а доблестный Ши Шэн был убит своими же воинами, доставившими его голову Ши Ху. Воины без традиций предпочитали военного вождя законным наследникам, ибо само понятие закона заменилось категориями силы и выгоды.

Вскоре был казнен отрекшийся наследник, принц Ши Хун, после чего Ши Ху объявил себя временным правителем²², а затем просто императором Младшей Чжао. Опорой его власти была армия, и только армия. На трупах аристократии и военной демократии установилась омерзительная, беспринципная тирания, возглавленная свирепым дикарем. Однако с комплектованием армии у Ши Ху было неблагополучно. Главная военная сила стра-

---

²² Ibid., стр. 1096.

ны — хуннские всадники — наполовину погибла в гражданской войне, и армию пришлось пополнять китайцами. Эти последние были отнюдь не трусы, но меньше всего стремились положить свою жизнь ради хуннского завоевателя. Отсюда понятно, что боеспособность огромных армий была ничтожна. Повелитель Северного Китая не смог покорить не только Южный Китай, но даже небольшое княжество Лян в современной провинции Ганьсу. На его счастье, табгачское ханство переживало очередной период цареубийств (отцеубийств и братоубийств), причем уцелевшие князья искали помощи и спасения в Младшей Чжао. Благодаря этому Ши Ху мог быть спокоен за свою северную границу, но на востоке росла мощь Муюнов и борьба с ними представлялась весьма нелегкой задачей. А при дворе южнокитайской империи Восточная Цзинь шла подготовка к освобождению захваченных хуннами территорий. Сразу же после переворота Ши Ху, в 334 г., южнокитайская армия напала на Младшую Чжао. Однако грабежи южнокитайских войск, укомплектованных кроме природных китайцев южными инородцами мань (народ тайской группы), юэ (народ малайской группы), лоло (народ бирманской группы) и т. д., вызвали возмущение населения освобождаемых областей. Лишенная поддержки народа, китайская армия в 339 г. потерпела поражение при Чжучэне (Хубэй) и откатилась на юг²³.

Но с другим китайским соседом, княжеством Лян, образовавшимся в Ганьсу в 313 г., Ши Ху не смог справиться, тем более что ему приходилось держать большие силы при дворе ради собственной безопасности. Их надо было откуда-то почерпнуть.

Ши Ху нашел выход. Китайские обычаи предписывали мобилизацию девушек для службы во дворце императора. Чем пышнее был двор, тем больше дочерей отрывалось от родителей и привлекалось во дворец, где им было по существу нечего делать. Ши Ху имел 10 тыс. таких девиц. Из них выбрали тысячу, обучили стрелять из лука с земли и с седла, одели в форму из шелка и бархата и создали полк амазонок — личную стражу царя²⁴. В верности женской гвардии сомнений не возникало, но китайцев такое необычное войско шокировало. Им казалось,

---

²³ Шан Юэ, Очерки. ., стр. 144.

²⁴ Wiegert, стр. 1097.

что это оскорбление Неба, т. е. естественного порядка вещей. Поэтому засуху, поразившую Северный Китай, они рассматривали как проявление справедливого гнева Неба.

Население роптало, но Ши Ху не обращал на это внимания. На восстановление роскошных дворцов в столицах и на службу в армейских обозах мобилизовали три пятых всех мужчин-крестьян, причем каждый мобилизованный должен был внести 15 ху риса и 10 кусков шелка. Для развлечения командиров хуннской армии поля, сады и пастбища обращали в охотничьи уголья, причем браконьерство со стороны китайцев каралось смертью. Произвол судей не имел ограничений. «Если чиновник требовал у простолюдина красавицу-дочь или хорошего быка, или лошадь и не добивался успеха, он стряпал против него ложное обвинение в браконьерстве... Ни один человек не был спокоен за свою жизнь и жизнь близких»²⁵.

Да, китайцам под владычеством варваров было также скверно, как хуннам под властью Китая. Видимо, этим народам, столь различным по определяющим этническим признакам, лучше было жить отдельно друг от друга. Но ведь ситуация, приведшая хуннов в Китай, сложилась за 300 лет до описываемой трагической эпохи по инициативе китайцев²⁶.

Итак, обе ветви хуннского народа, проникшие в Китай и победоносно в нем утвердившиеся, оказались нежизнеспособными. Трудно считать это случайностью. Даже если гибель хуннской аристократии рассматривать как следствие военного поражения, то ведь и оно было чем-то вызвано и обусловлено. Еще удивительнее то, что победившие хуннские кулы оказались на положении подневольной военной стражи, удерживая многомиллионный китайский народ от расправы с ними. Это было изнурительное состояние постоянной готовности к неизвестной опасности, которая не могла не быть грозной. Весело было только во дворце царя, да и то, как мы увидим, не очень. Победа не принесла хуннам счастья.

А вместе с тем за пределами империи Младшая Чжао, в Ордосе, кочевали хунны, не перешедшие границу Китая. Во времена Лю Юаня эти хунны участвовали в осво-

---

²⁵ Шан Юэ, Очерки..., стр. 141.

²⁶ Л. Н. Гумилев, Хунну, стр. 203.

бодительной войне, и даже есть предположение, что основатель этого княжества, Гао Шэн-юань, на самом деле не кто иной, как Лю Сюань, друг и вдохновитель Лю Юаня²⁷. Они сохранили кочевой быт и свои природные качества. Недаром китайцы пишут о них: «все были люди смелые, храбрые и любили бунтовать»²⁸. А вот хунны, покинувшие родные степи, уже во втором поколении изменили свой этнический облик.

Но прежде чем обратиться к анализу глубоких причин этнического метаморфизма, посмотрим, чем была богата эпоха Ши Ху, начатая столь кроваво. Тогда у нас будет достаточно данных; а поставленный ныне вопрос, оживив наш интерес к проблеме, поможет их собрать воедино.

А КТО ВЫИГРАЛ?

Никогда не бывает так, чтобы при азартной игре все оказывались в проигрыше. Этим обстоятельством объясняется явление, имевшее огромные последствия не только для хуннов, но и для всей культуры Дальнего Востока. В царствование Ши Ху блистательную победу одержала буддийская община²⁹.

Согласно буддийской доктрине люди делятся на две неравные части: монахи буддийской общины и все остальные. Солью земли признаются монахи, так как они стали на «путь», выводящий их из мира суетного (сансары) к вечному покою (нирване). Монахи не должны действовать, так как действие есть порождение страсти и ведет к греху. Кормить, одевать и защищать монахов обязаны миряне, приобретающие тем самым «заслугу», которая поможет им в следующем «перевоплощении» стать монахами и вступить на «путь». Естественно, что чрезмерное увеличение общины монахов противоречило ее интересам, так как если бы все стали монахами, то кормить их было бы некому. Но эта опасность китайским буддистам не грозила. Ни ученые, гордые своими знаниями и привилегиями, ни князья, увлеченные роскошью, войнами и

---

²⁷ P. Woodberg, Two notes., стр. 298—299.

²⁸ «Цзиньши» (цит. по: А. Н. Бернштам, Очерк истории гуннов, стр. 222).

²⁹ Grousset, L'Empire..., стр. 98.

почестями, ни крестьяне, кормившие свои семьи и возделывавшие поля, не стремились бросить все привычные занятия во имя «пустоты», к которой должен стремиться буддийский монах. В буддийскую общину шли люди, не нашедшие себе места в жизни. Становясь буддистами, они отвергали жизнь, обидевшую их, и страсти, обманувшие их; во имя провозглашенной пассивности они развивали бешеную активность и таким образом находили применение своим силам³⁰.

Буддийские монахи впервые появились в Китае в конце I в. Бритоголовые и босые, они приносили никому не понятные слова о загробном мире, нирване и самоусовершенствовании. Слова эти были чужды трезвым, реалистическим китайцам, и вначале успех буддийской пропаганды был ничтожен³¹. Но буддийские монахи проповедовали пассивность весьма активно и настойчиво. Они склоняли на свою сторону людей разочарованных, обиженных судьбой, и в частности женщин, положение которых в древнем Китае было незавидно. При этом к буддизму обращались как раз те юноши, которые должны были умножить ряды чиновников, т. е. наиболее талантливая и горячая молодежь, способная воспринимать новые идеи и увлекаться ими.

Конфуцианская проповедь морали, долга и этикета бледнела перед буйной фантазией буддистов. Конфуцианцы после вековой борьбы признали себя не в состоянии путем спора и убеждений победить буддизм и обратились к правительству за помощью. В результате их усилий (146—167 гг.) буддисты к политической жизни страны доступа не получили, несмотря на то что в буддизм обратился император Хуан-ди.

При Младшей Чжао положение изменилось коренным образом. Буддизм давал выход к высокой культуре, позволяя не прибегать к услугам китайцев. Монахи — буддисты, индусы и согдийцы, не уступали китайцам в блеске интеллекта, и для «варваров» были не завоеванными врагами, а приятными гостями. Поэтому индийский монах Будда Жанга был приближен ко двору Ши Ху и легко

---

³⁰ См.: Л. Н. Гумилев, Легенда и действительность в древней истории Тибета, — Вестник истории мировой культуры, 1960, № 3, стр. 103—114.

³¹ Ср.: С. Чаттерджи и Д. Датта, Введение в индийскую философию, М., 1955, стр. 114.

добился от него привилегий для строящихся монастырей и разрешения на свободную пропаганду буддизма среди подданных империи Чжао, хотя сам монарх и его сподвижники в буддийскую общину не вступали, предоставляя это своим обездоленным подданным.

Конфуцианцы попробовали протестовать, но Ши Ху встал на сторону буддистов, и множество молодых китайцев, вместо того чтобы служить и платить налоги, заполнили буддийские монастыри, строящиеся по всей стране³². Будда Жанга окончательно упрочил свое положение тем, что своевременным советом спас жизнь императора от заговора, устроенного наследником престола. С тех пор хунны связали свою судьбу с буддийской общиной, которая благодаря этому вступила в период расцвета. Когда же кровавая звезда хуннской славы склонилась к закату, буддийские монахи укрыли свое учение в пещерах Дуньхуана, где расцвело их великое искусство. Но и в самом Китае буддийская община утвердилась на 1500 лет. Этим она обязана эдикту о веротерпимости, изданному Ши Ху специально для того, чтобы обеспечить ей безопасность³³.

ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ

Ши Ху был не только воином, но и эстетом. Он оказался любителем китайского искусства и украсил свою столицу — крепость Е, перевезя в нее колокола времен Цинь, химер империй Хань и бронзовых гигантов империи Цао Вэй, сохранившихся от блестящей эпохи китайского могущества и побед над кочевниками, совершенно забыв, а может быть и не зная, что государи этих династий были злейшими врагами его народа³⁴. Наряду с

---

³² Mc. Govegn, стр. 340.

³³ «Рожденный в варварской стране, только благодаря добродетели я стал государем Китая. Я приношу жертвы по обычаям моего народа. Пусть знают люди народа Чжао, что если они хотят служить Фо (буддизму), я им это позволю» (см.: Wiegert, стр. 1100). Это прямой выпад против национальных традиций Китая, стремление ослабить их поборников, поставив лицом к лицу с умным и энергичным соперником.

³⁴ Mc. Govegn, стр. 340; Wiegert, стр. 1097.

военной столицей была учреждена столица гражданская, на старом месте, в многострадальном городе Лояне. Китайцы привлекались на государственную службу, вплоть до того, что Ши Ху даже усыновил талантливого придворного Жань Миня, т. е. дал ему фамилию Ши и возвел в ранг принца крови. Однако китайская культура плохо прививалась хуннам. Именно этим объясняются драматические коллизии в императорском семействе, имевшие последствия для всего населения империи Младшая Чжао.

Именно «населения», а не «народа», так как народа Чжао, как в смысле «демос», так и в смысле «этнос», там не существовало. Все бывшие хуннские кулы (цзелу) стали господствующим классом, оставаясь самостоятельным племенем, говорившим по-хуннски. Оставшиеся в живых хунны вошли в их состав, утратив свою былую обособленность, так что создавшийся этнос стал выглядеть как ветвь хуннского. К господствующему классу (но не этносу) примыкали кяны и ди, ополчения которых служили в армии и считались привилегированными частями. Мобилизованные в армию китайцы и все население стали одновременно угнетенным этносом и классом, за исключением тех, кто сделал придворную карьеру и стал в социальной иерархии выше большинства завоевателей-хуннов. Сложившаяся ситуация была неустойчива и в этническом и в социальном аспектах, но очень крепка в политическом, ибо внутри страны не нашлось силы, способной противостоят слаженной военной тирании, организованной Ши Лэ и Ши Ху. Но тут сказались искажения психики в условиях контакта на суперэтническом уровне.

Как у всякого обладателя гарема, у Ши Ху было много детей. Наследный принц Ши Суй в жестокости превзошел даже своего отца. Его любимым развлечением было пригласить на пир наложницу, которая пела, играла на лютне или плясала перед гостями, после чего их угощали... ее мясом, украшенным ее отрезанной головой³⁵.

Ши Ху, сам человек деловой, давал сыну разные поручения, но тот постоянно их проваливал, за что отец порол (да-да, порол!) сына ремнем. И это повторялось не реже трех раз в месяц.

---

³⁵ Mc Geever, стр. 348—350

Наконец после очередной порки Ши Суй сказал своим слугам: «Ремесло министра неблагодарно; лучше поступить как Модэ» (т. е. убить отца)³⁶. Слуги, склонившись, промолчали, т. е. согласились. Царевич притворился больным, надеясь, что отец навесит его. Тот, действительно, пришел к сыну, но буддийский монах Будда Жанга, человек, обладавший огромной интуицией, а может быть, и информацией, посоветовал государю не входить одному в покои сына. Ши Ху сначала не придавал словам монаха значения, но по дороге вспомнил их, и вместо себя послал одну из своих амазонок справиться о здоровье сына. Тот, решив, что заговор раскрыт, не сдержал гнева и отрубил посланнице голову. Тогда все, действительно, раскрылось. Ши Ху казнил 30 вельмож, 26 жен и детей царевича и наконец его самого. Трупы казненных были изрублены в крошево и зарыты все вместе в землю, а не в специальные могилы. Наследником был назначен принц Ши Сюань³⁷. К счастью для красивых китайок, людоед погиб в 337 г., а не позже³⁸.

В этой грязной истории примечательно полное отсутствие принципов и идеалов, патриотизма и заботы о судьбе государства. Вместо этого — эгоизм и ничем не сдержанные рефлексы. Такими стали внуки освободителей своего народа.

Ши Сюань числился наследником десять лет и показал полное отсутствие каких-либо способностей. Наконец Ши Ху решил заместить его другим сыном. Наследник пронюхал это и уговорил двух своих приближенных убить брата — будущего наследника, а на себя взял убийство отца. Осенью 347 г. заговорщики убили принца и ждали у его трупа появления императора, но того отговорили идти на место еще не раскрытого преступления, и он избежал кинжала своего сына.

Вскоре преступление было раскрыто. Ши Сюаня подвергли пыткам, а потом вместе с девятью членами его семьи сожгли в присутствии императора. Маленький внук императора, очень любивший деда, схватился за его пояс и, рыдая, просил его не убивать. Дед, плача, закрыл лицо рукавом, но не отменил приказа. Пояс Ши Ху лопнул, и

---

³⁶ Л. Н. Гумилев, Хунну, стр. 63—64

³⁷ Wiegert, стр. 1098.

³⁸ Mailla, t. IV, стр. 352.

мальчика бросили в огонь. Потом пепел казненных рассеяли перед воротами столицы под ноги прохожих ³⁹.

Такова была жизнь привилегированной части того общества, которое создали хуннские кулы при поддержке китайских ренегатов. В роскошном дворце, где стены были украшены рельефами, черепица кровли — лакирована, гирлянды золотых колокольчиков свисали с крыши, а колонны были покрыты серебряными пластинами, ни один человек ни минуты не был спокоен за свою жизнь.

Ничего похожего не было в юртах степных хуннов, да и сами китайцы не жили в таком аду. И там и тут существовала хоть какая-то этика, понятия о честности, верности, долге. Этические представления хуннов и китайцев очень разнились между собою, но они были четко очерчены и формировали поведение тех и других. Но стоило их объединить, как они просто исчезали, вытеснив друг друга, а с ними испарились даже родственные чувства и элементарное сострадание, от чего проиграли все — и побежденные и победители. Могучая и обширная империя Младшая Чжао оказалась хищной химерой, пожиравшей своих создателей наравне со своими врагами. И даже всемогущий император — Каменный Тигр ⁴⁰ не выдержал воплей сжигаемого внука: от нервного потрясения он сильно заболел... Ведь он был не только императором, но и человеком. И тогда началось!

---

³⁹ Wieg er, стр. 1030—1113.

⁴⁰ Ху — тигр, ши — камень.

ПОЖАР

ЗНАЧЕНИЕ МЕТАФОРЫ

Пусть не покажутся читателю нарочитыми принятые нами названия глав. События IV в. в обобщенном виде и в самом деле напоминают разгорающееся пламя, которое, будучи раздуто ветром, превращается в пожар. И вот с востока подул тайфун и понес сяньбийскую конницу на Срединную равнину; на юго-западе, в лесистых ущельях Шэньси и Сычуани, зародился ураган, взметнувший диские племена тангутов; с амдосских нагорий вихрь понес отряды тибетских всадников с длинными копьями; в широкой степи возник буран из табгачских косяплетов; а в сердце империи Чжао закружился смерч китайского национализма, ненависти и презрения ко всему инородному. Ветры раздули зажженный хуннами огонь, и языки пламени опустошали страну от Ляодуна до Кукунора до тех пор, пока не сгорело все, что могло гореть. На несчастную землю лег пепел, но постепенно сквозь него стали прорастать побеги новых, дотоле невиданных трав и цветов. На смену Древности пришло Средневековье. А на привычном «академическом» языке это будет выглядеть так: «одни племена за другими, то с севера, то с северо-востока, то с запада вторгались в Китай, и вчерашние грозные победители становились жертвой новых завоевателей. Победы одних неизбежно влекли к новым кровавым столкновениям, и все это происходило на землях, возделанных трудом многочисленных поколений китайцев»¹. Эта характеристика, по необходимости краткая, естественно, не дает ответа на ряд вопросов. Зачем племена шли на верную гибель? Почему их терпел китайский

---

¹ Л. В. Симоновская, Г. Б. Эренбург, М. Ф. Юрьев, Очерки истории Китая, М., 1956, стр. 43.

народ? Каким образом сильные державы становились добычей малых племен? Все это надо объяснять в любом случае.

А БЫЛО ТАК

Пока Ши Ху и его клевреты купались в роскоши и топились в крови, мир вокруг их империи понемногу менялся. Сначала эти перемены шли на пользу Младшей Чжао, но потом выросли в угрозу, да не в одну. Но не будем забежать вперед, а посмотрим назад, чтобы понять, какие перемены произошли с сяньбийскими племенами во второй четверти страшного IV века.

Мы покинули табгачскую державу в то время, когда ее раздирали братоубийственные смуты. Энергичный хан Юйлюй был убит заговорщиками, а его младенца-сына вдова хана «спрятала в свои шаровары, сказав: „Если Небо хранит тебя, то ты не заплачешь”. Дитя долго не плакало и спаслось»².

Узурпатор не был популярен в орде и жил вместе со своими сторонниками на отшибе, а его младший брат в 329 г. бежал в Юйвэнь, и власть вернулась к законным наследникам, но ненадолго. С помощью юйвэньцев узурпатор захватил власть в 335 г., а законный хан бежал к Ши Ху и с его помощью вернулся на престол в 337 г.

Неудивительно, что в период смуты табгачи не только потеряли свои завоевания, но и сами принуждены были отдать заложников соседям, и даже вступить в вассальные отношения к Муюнам. Эти отношения хан Шеигянь (эвенкийское слово — окунь), некогда спасенный в материнских шароварах, скрепил браком с сестрой Муюна Хуана. В 340 г. табгачи проникли через Великую стену и поселились во Внутреннем Китае, сохранив, однако, кочевой быт³. Ши Ху должен был бы этому воспрепятствовать, но ему помешали восточные соседи — Муюны.

За то же время южные сяньби сделали гораздо больше. Окруженные родственными племенами (дуань, юйвэнь, кидани), столь же воинственными, как они сами, Муюны нашли в себе силу и энергию для полной победы.

---

² Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 171.

³ Там же, стр. 172.

Им мешали усилиться все: китайцы — в Ляодуне, корейцы — за рекой Ялу, и даже распри в собственной среде. Но их вождь Муюн Хой был настойчив. Он увеличил свои владения, подчинив себе в 311 г. разбойничьи сяньбийские племена сухи и мувань. В 313 г. он захватил часть владений Дуани, и в 318 г. цзиньский двор признал его великим шаньюем⁴. В эту кровавую эпоху произвола и беспорядка только во владениях Муюна был порядок, и образованные китайцы находили у него приют и покровительство. Это, с одной стороны, придало новой державе организованность, но с другой — проложило путь для китаизации сяньби.

Однако цзиньское правительство отнюдь не желало усиления Муюнов. Не имея военной силы, оно пустило в ход дипломатию: В 319 г. против Муюнов создалась коалиция из Когурё, Дуани, Юйвэни и китайского правителя Ляодуна. Союзники осадили Муюна Хоя в Гичэне (около совр. Мукдена), но вскоре между нападавшими начался разлад. Муюн Хой послал юйвэньцам быков и вино. Дуаньцы, узнав об этом, решили, что юйвэньцы заключили секретный договор с Муюнами, и, опасаясь предательства, ушли домой. Обманутые юйвэньцы решили продолжать войну и блокировали Гичэн. Однако, распылив свои войска, юйвэньский хан Сидэгуай дал возможность Муюну Ханю, любимому сыну Муюна Хоя, улучшить момент для вылазки. Муюн Хань заманил юйвэньский отряд в засаду, откуда не ушел живым ни один воин, затем ворвался в лагерь юйвэньцев и поджег его. Неся огромные потери, юйвэньцы в панике разбежались.

Китайский правитель Ляодуна бежал в Когурё, бросив свою страну на произвол судьбы. Муюн Хой занял своими войсками Ляодун и уведомил цзиньское правительство об этой оккупации. Тому ничего не оставалось делать, как признать факт и послать Муюну Хою печать ляодунского правителя. Муюн Хой умер в 333 г. Престол унаследовал Муюн Хуан.

Муюн Хуан, получивший хорошее китайское образование, окружил себя просвещенными китайцами; культура отделила его от подданных, которые, не понимая мотивов его поступков, находили его чрезмерно строгим.

Вождями оппозиции стали братья Муюна Хуана, храб-

---

⁴ Там же, стр. 160—161.

рые воины Муюн Жэнь и Муюн Хань. Они нашли много сторонников и поддержку в Дуани. В 334 г. повстанцы и дуаньцы наголову разбили войско Муюна Хуана: дуаньцы собирались преследовать врага, но Муюн Хань, движимый чувством патриотизма, отвел свои войска и не дал развить успех. Муюн Хуан был спасен.

Однако его положение оставалось опасным и искать союзников было просто необходимо. Поэтому он с восторгом принял услуги, предложенные ему Гао Ху, китайским авантюристом, укрепившимся в Юнпинфу — крепости на берегу Ляодунского залива. Гао Ху, страшась своих соседей, дуаньцев и табгачей, обратился за помощью к Муюну Хуану как к сыну правителя Ляодуна, утвердившему цзиньским императором. Сяньбийские мечи в союжении с китайскими плутнями укрепили расшатавшийся трон сяньбийского владыки, к 336 г. ставшего хозяином своего царства.

За это время Муюн Жэнь укрепился на восточной окраине державы, в крепости Бингу (современный Гайпин в Ляодуне, на берегу Ляодунского залива)⁵. В 336 г. Муюн Хуан перешел по льду Ляодунский залив и застал противника врасплох. Крепость сдалась на милость победителя, но милости не было оказано. Муюн Хуан, казнив перед глазами брата его соратников, «позволил ему умереть»⁶.

Победа китаизации была ознаменована принятием шаньюем китайского титула «ван» и китайского названия для династии — Янь⁷ (337 г.). Оставалось покончить с Дуанью.

Дуаньские сяньбийцы были не менее мужественны, чем муюнские, но беда надвинулась на них с двух сторон: Муюн Хуан заключил союз с Ши Ху, и в 338 г. огромный флот Младшей Чжао и 70-тысячная армия хуннов напали на Дуань с юга, в то время как Муюн Хуан начал наступление с севера. Дуаньская армия выступила против северного соседа и потерпела поражение, позволившее войскам Ши Ху оккупировать южную половину Дуани и все небольшие крепости Хэбэя, еще подчинявшиеся императору Цзинь. Разбитые дуаньцы вместе с царем ук-

---

⁵ Gibert, стр. 630.

⁶ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 163.

⁷ Wieg er, стр. 1107.

рылись в лесах, а их «гость» Муюн Хань бежал в Юй-вэнь.

Остатки дуаньцев уцелели лишь потому, что Ши Ху решил объявить себя покровителем китайского населения, а поскольку сяньбийцы в Дуани давно перемешались с китайцами, то они все воспользовались объявленной милостью. Но это вызвало конфликт с Муюном Хуаном, который уклонился от переговоров о разделе захваченных земель. Огромная и не потрепанная в боях армия Младшей Чжао двинулась на Маньчжурию. 36 крепостей открыли ей ворота.

Как многие жестокие люди, Муюн Хуан не был храбр. Он хотел было бежать на север, но его полководцы организовали сопротивление противнику. Чжаосцы дошли до столицы Муюнов и осадили ее, но после десяти дней блокады огромная хунно-китайская армия, испытывая недостаток в продовольствии, была вынуждена начать отступление. Сяньбийцы погнались за отступавшими. Около 30 тыс. хуннов пало в бою, уцелевшие бежали, а сдавшиеся в плен были обезглавлены. Только Жань Минь отвел свой отряд без потерь.

Тогда вышел из лесу дуаньский царь и послал к обоим противникам предложения своей покорности. Оба приняли их благосклонно и прислали ему в помощь войска. Кого-то одного надо было предпочесть, но это значило предать другого. Сяньбийцы предали хуннов. Чжаосцы шли, не приняв мер предосторожности, поэтому были застигнуты сяньбийцами врасплох и разбиты. Но дуаньский царь не выиграл ничего. Муюн Хуан обвинил его в интригах и казнил.

В 340 г. огромное хуннское войско и речной флот вторглись в сяньбийские земли⁸. Театром войны стал Хэбэй. Муюн Хуан, не принимая боя, обошел хуннов с юга и ударил на запад в Гичжоу, где были сосредоточены запасы провианта наступающей армии. Все склады были сожжены, и хуннам пришлось спешно отступать. Тактика обеих армий показывает, что сяньбийцы сохранили степной метод войны — действия мобильными отрядами,

---

⁸ Число, разумеется преувеличенное, определено в 500 тыс. сухопутных ратников и 10 тыс. кораблей. Совершенно ясно, что большую часть этой армии составляли китайцы, неохотно сражавшиеся за хуннского царя. Этим объясняется слабость империи Младшая Чжао.

а хунны перешли к китайской системе — использованию численного перевеса при строгой организации и снабжении со складов. Империя Чжао с каждым годом становилась более китайской, нежели хуннской.

Одержанная победа позволила Муюну Хуану перенести свою столицу еще южнее, в город Лунчэн (ныне — Чжаоянсянь в Хэбэе)⁹, а в 341 г. цзиньский император признал Муюна Хуана ваном царства Янь. Это укрепило позиции Муюнов на юго-западе и позволило им перенести агрессию на восток.

В 342 г. два сяньбийских войска вторглись в Когурё. Одно из них отвлекло на себя когурёские войска, другое перешло через трудные горные перевалы, одержало победу в бою и после короткой осады взяло столицу. Когурёский царь бежал, оставив свою страну на разграбление. Муюн Хуан не считал нужным оккупировать разоренные земли. Он ограничился тем, что получил от когурёского даря признание зависимости, и удалился с огромной добычей. Когурё было обессилено и более не опасно для сяньбийцев.

Затем наступила очередь Юйвэни. Прибывший туда из Дуани царевич Муюн Хань не встретил доверия юйвэнцев. Тогда он симулировал сумасшествие и, пользуясь свободой, предоставляемой, по местным обычаям, душевнобольным, бродил по стране, тщательно ее изучая. Покончив с этим делом, он предложил своему брату Муюну Хуану свои услуги для покорения страны, его приютившей. Можно называть это предательством, можно — патриотизмом, но для нас важно другое: колоссальная, неукротимая энергия Муюна, направленная на возвышение своей страны, даже вопреки собственным политическим симпатиям, ибо с братом он не ладил.

Муюн Хуан принял брата и сделал его полководцем и советником. В походе на Когурё Муюн Хань командовал авангардом одной из армий. В 344 г.¹⁰ он повел войска на Юйвэнь, которая привлекла на свою сторону беглых воинов из разбитого Когурё. Во главе юйвэнских войск стоял кореец, опытный и храбрый воин. Муюн

---

⁹ Gibert, стр. 631.

¹⁰ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 166, 210. На стр. 210 у Бичурина ошибочно указан 333 год. См.: Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 164; Wieger, стр. 1120.

Хань вызвал его на поединок и убил, получив при этом тяжелую рану. Этот поединок решил исход сражения: юйвэньцы были разбиты, их столица сдалась, и держава перестала существовать, а народ пополнил войска победителя¹¹.

Вся честь этой победы принадлежала Муюну Ханю, который после поединка долго болел. Завистливый и подозрительный Муюн Хуан обвинил его в участии в заговоре и приказал кончить жизнь самоубийством.

Муюн Хуан скончался в 348 г., оставив своему сыну, Муюну Цзюню, престол, организованную державу, сильную армию и широкую программу дальнейших завоеваний. Мечтой его было покорение Китая и образование империи, подобной Хань. К этой цели он стремился неуклонно: перешагнул через трупы двух братьев, попрал старинные обычаи, беспощадно рубил головы подозреваемых в недовольстве подданных и пленных. Главным препятствием на пути к господству Муюнов было хуннское государство Чжао, против которого муюнские советники решили начать превентивную войну¹². В ближайшие годы должно было выясниться, кто победит: окитаенные хунны или окитаенные сяньби.

Однако характер китаизации в Младшей Чжао и державе Муюнов был принципиально различен. Муюны жили в своей стране, и ляодунские китайцы составляли среди них незначительное меньшинство. Муюны заимствовали у Китая приемы администрирования, образование, технику и ремесло. Они привлекали к себе образованных китайцев, используя их в качестве консультантов и специалистов. Китайцам жилось хорошо, и они служили царству Янь так же верно, как служили бы империи Цзинь, живи они на юге. Муюны объединили под своей властью всю Маньчжурию, благодаря чему их войско усилилось за счет подчиненных народов, близких им по происхождению и культуре. А в империи Младшая Чжао было все наоборот. Даже богатство страны и многочисленность населения скорее деморализовали, нежели усиливали власть бывших хуннских кулов и их вождя Ши Ху. Но события приняли оборот, неожиданный для обеих сторон.

---

¹¹ Gibert, стр. 632.

¹² Wiegert, стр. 1137.

Китайцы — народ терпеливый, но все-таки сколько же можно терпеть? Безумная роскошь двора, неудачные походы, травля зверей на возделанных полях и растущая буддийская община — все это вместе стоило дорого. А платить приходилось китайцам-труженикам. Однако тяжелая жизнь большинству людей кажется лучше мучительной смерти, а китайское население Младшей Чжао видело перед собой только эти две возможности. Поэтому в империи Ши Ху стояла обманчивая тишина. Только в 345 г. с окраины подул ветерок.

В благодатных оазисах у подножия Наньшаня еще с ханьского времени поселились китайцы. Сначала это были переселенцы из Шэньси, бывшие подданные царства Цинь (IV—III вв. до н. э.), т. е. самые отважные и неукротимые воины Китая. Дети и внуки переселенцев в условиях пограничной, беспокойной жизни еще более отшлифовали военные навыки предков и не утратили их доблести. Хуннские завоевания отрезали их страну от метрополии, но хунны не пытались захватить крепости Западного Ганьсу. Впрочем, и наньшаньские китайцы не стремились стать жертвами хуннских стрел и формально согласились считать себя подданными сначала Хань (с 313 г.), а затем Младшей Чжао.

Так бы оно и продолжалось, если бы новые затеи Ши Ху не оказались каплей, переполнившей чашу. В 345 г. он решил построить грандиозный дворец в Лояне (для чего было мобилизовано 400 тыс. рабочих), разбить вокруг него охотничий парк, с указанием, что браконьеров будут рубить на куски, и увеличить свою женскую гвардию еще на 30 тыс. девушек, лишив их права на семейное счастье. Именно мобилизация женщин показалась китайцам особенно тягостной и оскорбительной. Этот момент счел для себя удобным правитель Наньшаня. Он отделил свою область от Младшей Чжао и подчинился, разумеется номинально, Восточной Цзинь как вице-король царства Лян.

Ши Ху, не раздумывая, двинул на подавление восстания восьмидесятитысячную армию. Но это была не хуннская армия: офицеры и солдаты ее были набраны из местного населения и сражались как умели и хотели, т. е. плохо. В 347 г. полководец Ма Цзю взял несколько

крепостей, был разбит и отступил, потеряв половину армии. Лянцы преследовали и вторично разбили чжаосцев (хуннами их называть нельзя), причем не помогли даже подкрепления, присланные Ши Ху. Последний дал кампании такую оценку: «Через эту страну мы вошли в Китай, через нее же придет наша гибель»¹³.

Он оказался прав. В 349 г. аналогичное восстание поднял Лян Ду, военный комендант области, лежащей в верхнем течении р. Хань (в Шэньси). У него не было таких закаленных воинов, какими полнилось царство Лян, но ему помог сам Ши Ху. Разгромив в 338 г. Дуань, Ши Ху приказал расселить пленных «на севере Китая, вплоть до р. Хань»¹⁴. Он рассчитывал создать из них боеспособное пополнение для своей слабеющей армии, но не учел порядков в собственной стране. Мобилизованные дуаньцы подверглись такому издевательству со стороны правителя области Юнчжоу (на стыке Шэньси и Ганьсу), что Лян Ду без труда подговорил одного из них, Се Ду-чжэна, организовать восстание¹⁵. Усилившись за счет сяньбийцев, Лян Ду взял Чанъань, разбил под Синьянем (в Хэнани) войско принца Ши Бао и повел наступление на Лоян. К восстанию примкнули толпы крестьян, которые с обычным для китайских историков преувеличением назывались в источнике «стотысячным войском». У стен Лояна Лян Ду вторично одержал победу и двинулся на столицу. Престол Ши Ху зашатался.

Выручка пришла с запада. Против сяньбийско-китайского блока выступили ди и кяны. Старый тибетец Яо И-чжун привел в Е 8 тыс. всадников и потребовал, чтобы император принял его. Ши Ху был предельно вежлив с тибетским вождем, выслушал его советы по управлению государством, поучения, хулу на принцев. Терпению изверга можно было позавидовать. Под конец аудиенции он подарил Яо И-чжуну доспехи и коня. Яо, не поблагодарив, вскочил в седло, поскакал галопом, принял командование над остатками разбитой армии и под Лояном разгромил войско Лян Ду; сам Лян Ду был убит, а его «стотысячная армия» рассеялась.

Это была последняя удача Ши Ху. Измученный вол-

---

¹³ *Ibid.*, стр. 1127.

¹⁴ *Ibid.*, стр. 1109.

¹⁵ Шан Юэ, Очерки..., стр. 145.

нениями, он тяжело заболел. Возник вопрос о назначении наследника. Как всегда, были высказаны разные мнения: либо назначить одного из старших сыновей императора, имеющих авторитет в войсках: «мудрого» Ши Цзуня, или «смелого» Ши Биня, либо малолетнего Ши Ши — за благородство его происхождения.

Хунны всегда придавали большое значение аристократизму. Когда дочь Лю Яо попала в плен, Ши Ху сделал ее своей женой. Он ее очень любил, и она родила ему сына, которого полководец Чжан Чай предложил в наследники престола. Соперник Чжан Чая и Ши Ши, принц Ши Бинь, пользовался симпатиями офицеров, находившихся под его командованием. Эти офицеры вошли в покои больного императора и потребовали передачи государственной печати своему командиру — самому способному полководцу из сыновей Ши Ху. Чжан Чай не растерялся: он заявил, что Ши Бинь пьян, и пока сына разыскивали, чтобы привести к отцу, подослал к Ши Биню убийц. Почти в те же часы скончался Ши Ху, также, видимо, не без посторонней помощи. «Аристократическая партия» победила; Ши Ши стал императором, его мать — регентшей, а Чжан Чай фактическим правителем империи. Ши Цзунь спасся благодаря тому, что своевременно покинул столицу.

При режиме военной деспотии, а именно такой режим установили Ши Лэ и Ши Ху, не армия зависит от правительства, а наоборот. Как только уцелевший принц, «мудрый» Ши Цзунь, обратился к командованию армии, Яо И-чжун и Ши Минь (Жань Минь) стали на его сторону. Войско вступило в столицу, арестовало правительство и возвело на престол Ши Цзуня. Чжан Чай был казнен немедленно, а Ши Ши и его мать — после церемонии «лишения степеней достоинства»¹⁶. Благодарный Ши Цзунь назначил Ши Миня (Жань Миня) главнокомандующим.

И вот тут мы подошли к порогу истинной трагедии, а то, что было раньше, можно охарактеризовать, скажем, как направляющие детали. И в самом деле так: восстания, заговоры, братоубийства, перевороты бывали в Китае часто, но то, к чему это привело, — такое и там рассматривалось как нечто экстраординарное. Поэтому рас-

---

¹⁶ Ши Ши царствовал 33 дня.

скажем подробнее о герое дня — полководце Жань Мине. Он был приемыш-китаец, воспитанный и усыновленный Ши Ху, подарившим ему свою родовую фамилию. Мальчик оказался способным и к военному делу, и к придворным интригам, но, как мы увидим, он никогда не забывал своего истинного происхождения. Живя в хуннской семье и командуя хуннскими воинами, Жань Минь стремился к власти, желая отомстить дикарям, покорившим его народ. Став главнокомандующим, он предложил императору назначить его наследником престола в обход собственного сына. Ши Цзунь отказал, и в ответ на дерзкое поведение своего генерала подумывал о предании его суду. Но у Жань Миня были шпионы, выдавшие ему замыслы государя. Тогда Жань Минь, надев шлем, вошел во дворец, убил императора и наследника, поставил другого принца императором, а себя назначил маршалом¹⁷. И все это без малейшего сопротивления со стороны окружающих! Как это могло случиться?

Со следующим императором, Ши Цзянем, произошло то же самое через 103 дня, но его Жань Минь не убил, а заключил в темницу. Вскоре он издал прокламацию, весьма краткую, но выразительную: «Те, кто за меня, оставайтесь со мной. Те, кто против меня, пусть уходят куда хотят!»¹⁸. И тогда китайцы стеклись в столицу, а хунны поспешно покинули ее.

В этом и кроется объяснение. За Жань Мином была сила симпатии побежденного, но непокоренного народа. Он мог свергать императоров, потому что придворная знать и дворцовые слуги китайского происхождения стояли за него. Их не нужно было вовлекать в заговоры, посвящать в секреты, подкупать — они и так делали, что могли, лишь бы насолить хуннам. И когда сила национального гнева подняла на престол Жань Миня, он пошел навстречу воле народа и приказал перебить всех хуннов в своем государстве. Приказ выполнялся с такой охотой, что «при сем убийстве погибло множество китайцев с возвышенными носами»¹⁹. Короче говоря, это был

---

¹⁷ Ши Цзунь царствовал 183 дня.

¹⁸ Wiegert, стр. 1135.

¹⁹ Н. Я. Бичурин, Статистическое описание Китайской империи, т. II, СПб., 1853, стр. 74—75. Ср.: Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 15, 140; Mc Govern, стр. 350—351; Wiegert, стр. 1135.

открытый геноцид, по сравнению с которым хуннский террор — детская забава. Хунны убивали много, но сначала они это делали ради своей свободы и справедливости, потом — для обеспечения благополучия созданного ими государства, под конец — для водворения порядка в восставших областях. Все эти поводы подходят под понятие самозащиты и были вызваны стечением обстоятельств. Китайцы же в 350 г. убивали ради убийства иноплеменников, т. е. людей, не похожих на них. Чем бы ни был вызван расизм — он оказался доминантой событий и повлек за собой последствия, которые не могли предусмотреть ослепленные яростью сторонники Жань Миня.

ПРОТИВ ВЕТРА

Несмотря на то что только в стенах столицы было убито более 200 тыс. хуннов, а общее число истребленных в стране неизвестно, нашлись хунны не только уцелевшие, но и способные организовать сопротивление. Воеводы Ши Ци, Ши Кунь и др. подняли хуннские полки против узурпатора. Жань Минь ответил на это казнью 28 членов фамилии Ши, той самой семьи, которая приютила бедного сироту, воспитала его и возвысила. Теперь он отказался, конечно, от фамилии Ши, которую носил всю жизнь, и объявил себя основателем династии Вэй, под властью которой для «варваров» нет места нигде, кроме как в могиле. Одновременно он направил в Южный Китай послание: «Племена ху взбунтовались на Срединной равнине, ныне мы уже наказываем их и могли бы совместно покорить, если Вы пришлете войско»²⁰.

Разумеется, правительство Восточной Цзинь согласилось на совместные действия против «варваров». Однако полководец Инь Хао, занятый устройством военных поселений в Цзяньси, нашел достаточно поводов для проволочек и оставил Жань Миня без поддержки. А хуннский полководец Ши Чжи укрепился в крепости Сянго и обратился за помощью к Муюну Цзюню. На его сторону стал престарелый тибетский вождь Яо И-чжун, доверивший командование тибетской конницей своему храброму и талантливому сыну Яо Сяну. А на западной окраине

---

²⁰ Ш а н Ю э, Очерки..., стр. 146.

империи диский вождь Фу Хун поднял свое племя для защиты свергнутой династии (350 г.).

Но все эти разбросанные отряды численно уступали 300-тысячной армии Жань Миня, пользовавшейся сочувствием китайского населения страны и имевшей в своем распоряжении арсеналы, провиантские склады и крепости. Только безысходное отчаяние толкало уцелевших хуннов на сопротивление.

Первый удар попытались нанести хунны. Они напали на столицу Е... и потерпели полное поражение. Развивая успех, Жань Минь в начале 351 г. осадил Сянго. Ши Чжи успел послать посла к Муюну Цзюню с обещанием передать тому имперскую печать за спасение крепости (передача печати означала безоговорочное подчинение).

Муюн Цзюнь и его советники давно уже присматривались к состоянию Северного Китая. Уже в 348 г. при дворе Великого шаньюя велись речи о целесообразности превентивной войны против Младшей Чжао, а события 349—350 гг. подтвердили эту точку зрения. В 349 г. осторожный Муюн Цзюнь заключил союз с царством Лян и подготовил 200-тысячную армию, хорошо обученную и дисциплинированную. В 350 г. эта армия заняла г. Гичэн (Пекин), создав тем самым плацдарм для будущего наступления. Муюн Цзюнь перенес столицу из Лунчэна в приобретенный Гичэн, чтобы удобнее следить за ходом событий. В 351 г. отряд сяньбийцев двинулся на вырубку крепости Сянго.

Но пока Муюны медленно разворачивались, инициативу захватил старый тибетец Яо И-чжун. Он послал войско своего сына Яо Сяна на соединение с хуннским вождем Ши Кунем, приказав снять осаду с Сянго и принести ему голову Жань Миня, «бесчеловечного и несправедливого негодяя, загасившего благодетельный род Ши»²¹. Эта точка зрения диаметрально противоположна китайской, рассматривающей Жань Миня как героя. Обе они одинаково не основательны и характеризуют не историческую закономерность, а накал страстей, который сам по себе — лишь следствие хода событий, логически вытекающих друг из друга. Используя для завоевания власти принцип расового геноцида, Жань Минь разжег такой пожар ненависти, который уже не мог погаснуть.

---

²¹ W i e g e r, стр. 1138.

Жань Минь своевременно получил сведения о наступлении тибетского и хуннского отрядов и выслал против них заслоны, которые были тут же сметены. Тогда он решил лично идти на врага, несмотря на совет одного из воевод не снимать осады Сянго, а занять оборонительную позицию и дожидаться момента, удобного для удара. На его решение повлиял гороскоп, составленный придворным астрологом: «Венера (звезда убийств) вошла в созвездие Плеяд; значит, наступило время, чтобы покончить с хуннами»²². Однако, как часто бывает, положение звезд дало неожиданные результаты. Войско Жань Миня застигло противников в момент их соединения и готовилось дать бой, когда на горизонте появились дымовые сигналы подходивших к месту сражения сяньбийских войск. Этого, пока еще морального, воздействия оказалось достаточно, чтобы в китайской армии началась паника. Комбинированный трехсторонний удар тибетцев, сяньбийцев и хуннов довершил дело. Жань Минь успел убежать и прибыл в Е в сопровождении нескольких всадников. Третья часть огромной армии полегла на поле битвы. Так что можно считать, что Венера с Плеядами совершила свое дело, хотя китайцам целесообразнее было смотреть не на небо, а вокруг себя.

Как только слух о поражении Жань Миня разнесся по стране, иноземцы, сосланные на поселение в разные области империи, отправились по домам. Не имея запасов пищи, они грабили и убивали где могли; китайцы, защищаясь, убивали их, а в результате шло опустошение страны. Возник голод, появилась чума, поля некому было засеять. Ветер бедствия летел над Северным Китаем.

Однако Жань Минь со свойственной ему энергией собрал новую армию из остатков прежней. И когда хуннский вождь Лю Сянь явился с войском к стенам столицы, Жань Минь разбил его столь основательно, что 30 тыс. хуннских воинов остались на поле боя. Лю Сянь вступил в переговоры с Жань Минем, обещал ему уговорить Ши Чжи подчиниться, а когда это не удалось, убил последнего и вступил на престол в Сянго. В следующем, 352 г. Жань Минь захватил Сянго. Под пред-

²² I b i d., стр. 1139.

логом возмездия за цареубийство и предательство он казнил Лю Сяня и разрушил последнюю столицу хуннов, а остаток населения вывел в Е. Затем он двинулся на восток, навстречу сяньбийцам. Однако Муюн Ко сумел перехватить инициативу и занял Сянго.

Жань Минь попробовал отступить к Чанъани, но сяньбийцы преследовали его по пятам, и превосходная китайская пехота не могла оторваться от легкой конницы кочевников. Зато китайская латная конница сминала в открытом бою сяньбийцев, применявших традиционную тактику кочевников, позволявшую им изматывать превосходящие силы противника: не отражать натиск, а рассыпаться. Поэтому силы были при прочих равных условиях равны.

Окруженные сяньбийцами, войска Жань Миня окопались на выгодной позиции около Лянтая и отбили десять атак, поразив противника яростью, с которой они бросались в бой. В войске Муюнов возник ропот, и многие предлагали оставить попытки добить китайскую армию. Тогда Муюн Ко применил обычный для кочевников стратегический прием. Он отвел основные силы армии и позволил Жань Миню начать отступление, оставив лишь 5 тыс. всадников, чтобы тревожить противника. Как только китайцы вышли из окопов, сяньбийцы стали осыпать их стрелами. Чтобы прикрыть свою пехоту, Жань Минь поставил конницу на фланги, что, впрочем, не мешало сяньбийцам возобновлять нападения и задерживать движение колонны. Когда же китайское войско достигло равнины, оно натолкнулось на готовую к бою армию Муюна Ко. Началась бойня²³.

Жань Минь проявил в этом бою отменную храбрость. Держа в правой руке боевой топор, а в левой — укрюк, он бросился в сечу, стремясь прорвать линию нападавших. Муюн Ко приказал отряду отборной конницы связать седла железной цепью и окружить Жань Миня²⁴. Тот прорвал цепь и ускакал, но его израненный конь пал, и тут его скрутили. Доставленный пред очи Великого шаньюя Муюна Цзюня, Жань Минь был обезглавлен.

Немедленно после победы сяньбийские войска двинулись на столицу — город Е, но там заранее подготови-

---

²³ Mailla, t. IV, стр. 394—395.

²⁴ Wiegert, стр. 1141.

лись к обороне. Сяньбийцы блокировали город, положение которого было безнадежно, поскольку прочие полководцы и правители областей к тому времени уже капитулировали²⁵. В осажденном городе Е возник голод; началось людоедство. В первую очередь были съедены женщины из гарема Ши Ху, а за ними другие женщины и дети. Сяньбийцы готовы были начать штурм, но город успел сдаться. Сяньбийское командование проявило великодушие, оставив сдавшегося коменданта крепости правителем города. После блестящей победы, которая казалась окончательной, Муюн Цзюнь принял императорский титул и сказал послу от империи Цзинь, прибывшему из Нанкина: «По возвращении донесите вашему Сыну Неба, что Срединное государство, по неимению человека, избрало меня быть императором»²⁶.

Новая империя, получившая название Янь²⁷, тоже была полукитайской. С 357 г. ее столицей стал город Е.

ПОВОД ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Период истории, начавшийся в 304 г., закончился в 352 г. Этнос хуннских кулов, сначала обеспечивший победу своей аристократии, а затем расправившийся с ней, перестал существовать. В 353 г. господство над Срединной равниной делили сяньбийцы и тибетцы, находившиеся в тесном союзе. Истребив хуннов, китайцы не выиграли ничего. Даже попытка южан освободить родину от иноземного ига кончилась плачевно. Инь Хао, выжидавший результата событий в Цзянси, безучастно смотрел на гибель Жань Миня. Его 70-тысячная армия стояла у Шоучуня до 353 г., а затем была разбита тибетской конницей Яо Сяна. Долина Хуанхэ была окончательно потеряна для империи Цзинь.

Но можно ли утверждать, что этот результат полувекковой истории, равно ужасный для хуннов и китайцев,

---

²⁵ Ibid.

²⁶ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 167.

²⁷ Царство Янь в IV—III вв. до н. э. располагалось на крайнем северо-востоке Китая; захватив бывшие яньские земли, муюны присвоили себе древнее китайское название, надеясь оправдать оккупацию в глазах китайского населения.

был предопределен расстановкой сил, предшествовавшей развороту событий? Не была ли кем-то из вождей и полководцев допущена ошибка, из-за которой погибла целая ветвь хуннского народа и попало в неволю две трети народа китайского? Или просто сочетание случайных событий обрекло миллионы людей на бессмысленное кровопролитие²⁸, не допуская другого выхода? Тут место для разных мнений, и право исследователя обосновывать то, которое кажется ему истинным.

Вспомним беседу хуннского старейшины Лю Сюаня с вернувшимся в родное кочевье блестящим принцем Лю Юанем в 304 г. Оба считали, что воевать надо, но за что и против чего? Лю Юань хотел создать династию, и создал ее, поссорившись с кочевниками и не помирившись с китайцами. С того момента, когда он вступил на свой путь, возврата, а следовательно и спасения, быть не могло. Тесное общение столь непохожих по манере поведения этносов, как хунны и китайцы, создавало постоянную неуверенность в последствиях любых поступков и в том, как они будут восприняты, для каждого члена создавшегося общества.

Эта «непохожесть» проявлялась в мелочах, нюансах поведения, но ведь вся жизнь человека и судьба этноса, и даже в какой то мере участь государства, складываются из множества трудноуловимых моментов неосознанных реакций, называемых стереотипами поведения. Например, Жань Минь убивал принцев фамилии Ши во имя Великого Китая, и все китайцы поныне благославляют его²⁹. А вот тибетец Яо И-чжун воспринял поступки Жань Миня не как патриотизм, а как бессовестное предательство, и когда его сын Яо Сян, одержав победу, не принес ему голову Жань Миня, успевшего убежать, отец приказал дать ему сотню розг³⁰. С его этической позиции, убийство предателя было важнее, нежели победа над армией врага.

Уж как беспощадна была война между Ши Лэ и Лю Яо! Все сыновья последнего погибли. Но дочь Лю Яо, захваченная в плен, не только не была убита, а стала любимой женой Ши Ху, ибо женщины в хуннских кочевьях

---

²⁸ Ш а н Ю э, Очерки.., стр. 146.

²⁹ Там же.

³⁰ W i e g e r, стр. 1138—1139.

были неприкосновенны при самых жестоких расправах. Зато в китайских дворцах женщин бросали в тюрьмы на голодную смерть или замучивали пытками.

Таких примеров можно привести много, но смысл их в том, что сопряжение двух разных стереотипов этнического поведения создало совершенно нежизнеспособное общество-химеру. Поэтому ответственность за разорение Северного Китая и гибель южных хуннов следует возложить на Лю Юаня, который, увлекшись гуманистическими иллюзиями, не ведал, что творил.

Пожалуй, более прав был Лю Сюань, предлагавший войти в союз с сяньбийцами, отвоевать у Китая нужную хуннам территорию и создать там подобие державы Хунну, какой она была до подчинения империи Хань. Именно по этому пути пошли хуннские князья Ордоса, оставшиеся после 350 г. последними представителями хуннской культуры, смертный час которой еще не пробил.

Но последними ли? Ведь сяньбийцы-муюны остались кочевым народом, объединили вокруг себя родственных им юйвэньских татабов, киданей и остатки дуаньских ухуаней. Китайцев они привлекали с разбором, использовали их как специалистов, и отнюдь им не подчинялись. Захваченные ими земли с китайским населением были не слишком обширны и опустошены за время войн настолько, что внутри Китая на местах покинутых пашен образовались пастбища. Население муюнской империи Янь исчислялось всего в 2460 тыс. семейств³¹, т. е. составляло около 45% населения империи Цзинь перед ее гибелью. При этом значительная часть кочевого населения империи Янь жила в Маньчжурии и с китайцами общалась мало. Племена несли тяжелую военную службу, китайцы — не менее тяжелые трудовые повинности; принцы царствующего дома дрожали за свою жизнь, ибо Муюны злоупотребляли братоубийством даже по тем временам. Короче говоря, и эта программа не принесла счастья народам, а симпатии масс имеют в политических интригах и военных столкновениях немалое значение.

Поэтому все обитатели Срединной равнины мечтали о правительстве справедливом, твердом и благосклонном равно к китайцам и к инородцам. Как ни странно, и этот вариант нашел свое воплощение, хотя последствия его было невозможно предугадать.

³¹ Ibid., стр. 1156.

ДУНОВЕНИЕ ДРЕВНОСТИ

Муюн Цзюнь и его советники были трезвыми политиками. Несмотря на заявленные претензии на господство над всем Китаем, они оккупировали столько земель, сколько могли удержать без особого напряжения, а именно Шаньси и Шаньдун. Южные китайцы, несмотря на понесенные ими поражения, получили возможность вернуть себе Хэнань, а в Шэньси возникло новое царство. Чтобы понять, как это случилось, вернемся на несколько лет назад.

Начнем с того, что аллювиальная равнина лессового плато представляется путешественнику холмистой, а то и горной страной. Лесс легко поддается эрозии, и поэтому долины рек и овраги врезаны в плато на глубину 200—500 м, а так как люди живут около воды, то склоны кажутся им горами. Можно сказать, что это горный рельеф с обратным знаком, т. е. врезанный в землю.

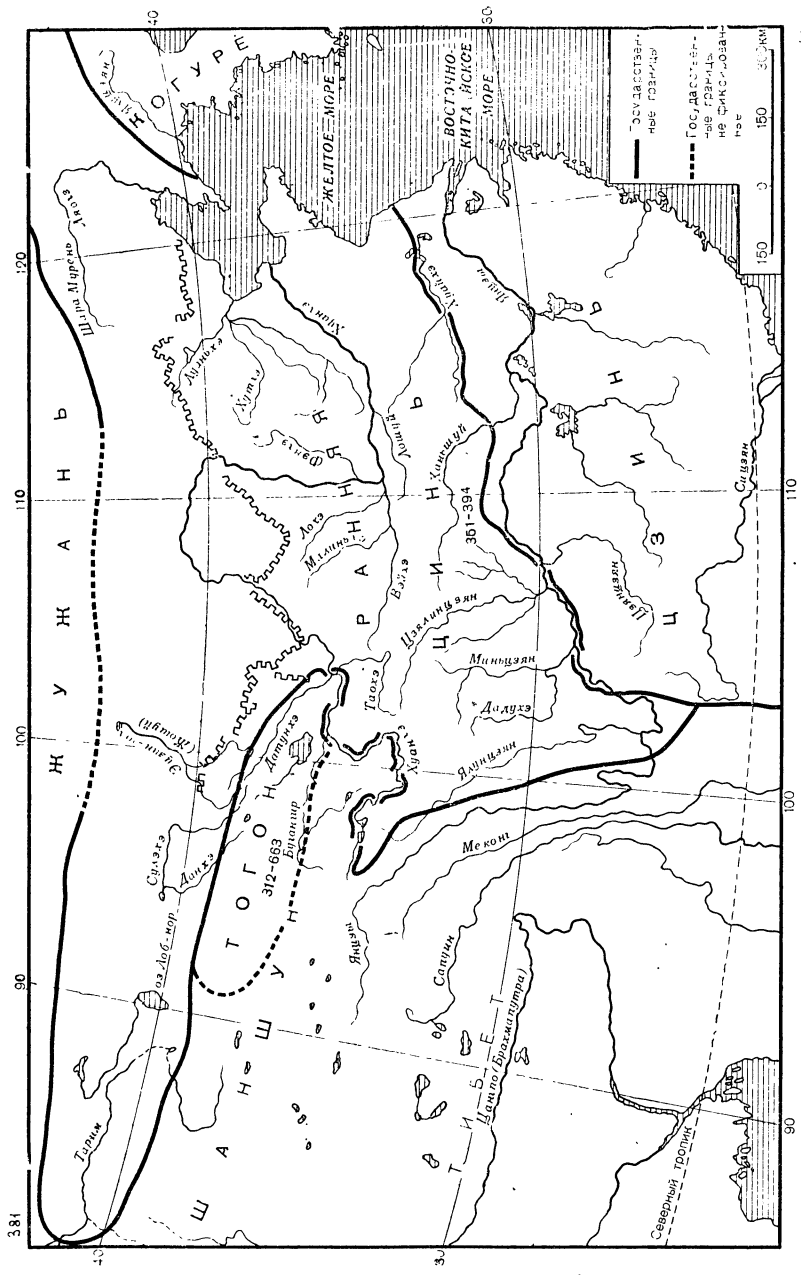
Помимо того, в Шэньси имеются островные горные хребты, а на юге — широтный хребет Циньлин, покрытые широколиственными лесами¹. При ярко выраженной зональности — от густых лесов, через степи, до пустынь Ордоса — эта область представляет исключительное разнообразие ландшафтов в тесном сочетании и переплетении, что отразилось на судьбах народов, ее населявших².

В IV в. местное население этой прекрасной страны еще не было поглощено китайцами. Народ, который мы называем тангутами, хотя и не составлял большинства

---

¹ М. П. Петров, По степям и пустыням Центрального Китая, — Природа, 1959, № 11, стр. 75—77.

² Л. Н. Гумилев, По поводу «единой» географии (Ландшафт и этнос), VI, Вестник ЛГУ, 1967, № 6, стр. 125—128.

населения, но жил своим бытом, храня древние традиции. В 312 г.³ к ним прибавилось много тибетцев, сменивших нагорья Амдо на благодатные побережья реки Вэй, а вслед за тем, во время хуннского владычества, в тех краях поселилось немало степных кочевников — хуннов, и сяньбийцев.

Эти последние, плохо относясь к оседлым китайцам, не распространяли своей неприязни на оседлых тангутов. В то время, когда правительство Ши Ху потеряло популярность, военный престиж и область Лян, они подумали прежде всего о себе и вскоре объединились вокруг тангутского старейшины Пу Хуна, умножив его дотоле небольшие силы.

Вспомним, что китайско-сяньбийское восстание Лян Ду было разгромлено тибетскими полками Яо И-чжуна. Помощником последнего был тангут (ди) Пу Хун, также предпочитавший тиранию хуннов «свободе», полученной из рук китайцев. За заслуги в борьбе против мятежников Ши Ху сделал Пу Хуна правителем долины Вэй (в Шэньси). Жань Минь, стремясь избавиться от командиров-инородцев, вызвал Пу Хуна в столицу, но тот понял, что сулит ему такая поездка, и предпочел восстание. Разбив преданного династии Ши тибетского вождя Яо Сяна и объявив себя сторонником династии Цзинь, Пу Хун в 350 г. принял двойной титул: шаньюй — для кочевников, и царь династии Цинь — для оседлых подданных. Название династии было выбрано с толком: истые китайцы считали древнее царство Цинь наполовину жунским и вообще «варварским». Взять его за образец — означало для тангутов заявить свое право на превосходство и освятить его традицией, для китайцев одиозной. Следовательно, мир с империей Цзинь был исключен. Но поскольку древнее царство Цинь объединило в III в. до н. э. Китай, то в названии крылась и программа действий. Используя насыщенность Шэньси воинственными и решительными людьми, тангуты хотели добиться такого положения, при котором все народы подчинились бы одной цели — завоеванию Китая и Великой степи и созданию страны, в которой можно было бы жить всем, ибо за время господства Жань Миня расовый принцип потерял популярность. Иначе говоря, тангуты приняли на се-

---

³ Н. Я. Бичурин, История Тибета..., стр. 120.

бя миссию упорядочения Северного Китая и преследовали эту цель неуклонно в течение сорока лет.

По совету гадателя Пу Хун сменил родовое имя на Фу, но это не спасло его от беды. Бывший воевода Младшей Чжао, разжалованный за неудачную войну с Лян, Ма Цзю, отравил Фу Хуна, но был казнен его сыном, вступившим на престол под именем Фу Цзянь I в 351 г.

Используя развал Младшей Чжао, Фу Цзянь I овладел Чанъанью и утвердил в этом славном городе столицу новой империи. Но тут ему пришлось столкнуться с китайцами, увидевшими в этом повод для войны, так как, по их воззрениям, в Поднебесной мог быть только один император.

Царство Лян в предгорьях Наньшаня потрясали обычные для тех времен цареубийства⁴, благодаря чему оно было для тангутов неопасно. Но из Южного Китая в 354 г. пришла сильная армия, которую восторженно приветствовало китайское население Шэньси. Однако нехватка продовольствия и стойкость тангутов, засевших в чанъаньской цитадели, заставили китайского полководца Хуань Вэня начать отступление⁵. Тангутские войска преследовали китайцев, и во время отступления погиб наследный принц, любимый сын Фу Цзяня, храбрый и способный полководец. Это была слишком дорогая плата за победу. Следующий по возрасту царевич, Фу Шэн, родился слепым на один глаз, и сознание своего уродства сделало его грубым и жестоким пьяницей. Дед и отец не любили его, и он сполна выместил свои обиды на их приближенных по вступлении на престол, в 356 г. для начала казнив свыше пятисот вельмож и слуг своего отца⁶. Его братьев спасло лишь очередное нападение врагов, на войну с которыми они отправились. В бою было больше надежд уцелеть, чем при дворе.

На этот раз против тангутов выступили тибетцы. Престарелый герой Яо И-чжун, умирая, в 352 г. завещал своему сыну Яо Сяну подчиниться империи Цзинь, что тот и выполнил. Однако с китайцами он не ужился и передался Муюну Цзюню, назначившему его правителем

---

⁴ За три года там сменилось четыре царя. См.: Wiegert, стр. 1142.

⁵ Шан Юэ, Очерки..., стр. 146—147; Wiegert, стр. 1143.

⁶ Н. Я. Бичурин, История Тибета..., стр. 117.

Хэнани. Там он пробыл недолго, потому что его враг, главнокомандующий южнокитайскими войсками Хуань Вэнь, в 356 г. начал наступление на север. При Ишуй (около Лояна) тибетцы потерпели поражение и, покинув фронт, бежали на северо-запад, благодаря чему Хуань Вэнь занял Лоян, восстановил там гробницы цзиньских императоров и, возвращаясь домой, оставил сильный гарнизон. Сяньбийцы укрылись за водной преградой Хуанхэ. Для Китая это был огромный моральный успех, ради которого Хуань Вэнь пожертвовал надеждой отвоевать Шэньси, куда направился Яо Сян с 50 тыс. семей «из хуннов, кянов (тибетцев) и китайцев»⁷.

Но ему и тут не повезло. Князь Фу Цзянь разбил его пестрое воинство, а самого, взяв в плен, казнил. Его брат Яо Чан подчинился тангутскому князю и впоследствии, участвуя в походах, заслужил княжеское достоинство; приведенный им народ был расселен в Шэньси.

Князь побеждал, а император свирепствовал в столице, сдирая у опальных приближенных кожу с лица. Но тангуты IV в. не для того завоевали свободу, чтобы безропотно давать себя убивать озлобленному калеке. В 357 г. царевичи Фу Фа и Фу Цзянь были предупреждены дамой, которую любил Фу Шэн, что завтра их казнят. Ночью они вошли во дворец в сопровождении вооруженной стражи, нашли Фу Шэна мертвецки пьяным и, к общему удовольствию, зарезали его⁸.

Благородный Фу Фа уступил престол младшему брату, ставшему Фу Цзянем II. Однако тот оказался истым хранителем древних традиций Цинь: он казнил своего брата. После этого создание новой империи было оформлено, назначен наследник и намечено направление политики: завоевание Китая. Недовольные тангутские князья в 367 г. попробовали протестовать, но были подавлены и заплатили жизнью за протест⁹. После этого Фу Цзянь II стал не только императором, но и действительным самодержцем.

Как рассматривать это новое государство? Китайцы считали его варварским, но Фу Цзянь и его окружение, естественно, держались противоположного мнения. Ког-

⁷ Там же, стр. 121.

⁸ Wieger, стр. 1146.

⁹ Ibid, стр. 1146—1147.

да в 360 г. две орды, сяньбийская и ухуаньская, предложили Фу Цзяню свою покорность в обмен за разрешение поселиться в его владениях, циньские советники заявили царю, что «кочевники имеют лица людей, но сердца животных». С ними, бесчеловечными и некультурными, нельзя якобы иметь дело¹⁰. Под давлением приближенных, считавших себя носителями культуры, Фу Цзянь выпроводил гостей за северную границу, которой была все та же китайская стена, или, точнее, ее руины. Это повлекло за собой последствия, важные не только для империи Цинь, но и для всех ее соседей. Попытка воплощения в жизнь древнего идеала — лучшее средство для самообмана, но не для обмана окружающих. Китайское население Шэньси все равно не считало тангутов своими; степняки убедились, что Фу Цзянь им не друг. После потери потенциальных союзников у тангутов осталась только их военная доблесть, и они начали разговаривать «с позиции силы», как некогда воины царства Цинь.

Тангутам весьма благоприятствовало, что их наиболее опасный соперник — сяньбийская империя Янь была вынуждена искать союза с Цинь. В 360 г. умер Муюн Цзюнь, оставив престол молодому сыну Муюну Вэй. Последний имел мудрого руководителя, Муюна Ко, руководившего империей и правильно понявшего необходимость объединения с тангутами против Южного Китая. В 362 г. сяньбийцы перешли Хуанхэ, бывшую пограничной рекой, но китайский главнокомандующий Хуань Вэнь заставил их отступить¹¹.

Положение сяньбийской империи стало тяжелым, ибо достаточно было южным китайцам форсировать Хуанхэ, и население Хэбэя помогло бы им выгнать варваров из Срединной равнины. Поэтому сяньбийцы собрались с силами и в 365 г. вернули себе Лоян.

Развивая успех, сяньбийская конница Муюна Чуя очистила от цзиньских войск Шаньдун и дошла в 366 г. до р. Хуай. В 369 г. Хуань Вэнь попытался организовать контрнаступление, но при Фаньтоу (в Хэнани) китайцы были разбиты наголову сяньбийцами. Вслед за тем подошли тангуты и тоже одержали победу над отступавшими силами южных китайцев. Злополучный Хуань Вэнь

¹⁰ Н. Я. Бичурин, История Тибета..., стр. 118.

¹¹ Wiegert, стр. 1147—1149; Шан Юэ, Очерки..., стр. 147.

сжег флотилию, заведенную им на р. Хуай, и поспешил обратиться на юг. Река Хуай снова стала границей между «варварским» и национальным Китаем.

Но если военная сила и союз с муюнами позволили Фу Цзяню II решить проблему юга, то совсем иное сочетание обстоятельств сложилось на севере. Там было с одной стороны легче, с другой — сложнее.

ВЕСЕННИЕ ДОЖДИ

На севере Шэньси граничит с Ордосом, где в IV в. жили хунны, не ушедшие с Лю Юанем на завоевание Китая и не погибшие там от лукавого Жэнь Миня. Эти хунны управлялись другой ветвью рода древних шаньюев, отделившейся от китаизированной главной линии еще в начале III в. В отличие от своих двоюродных братьев ордосские хунны породнились с табгачами, так что в IV в. в жилах их князей текло немало табгачской крови, как, впрочем, и у табгачей оказалось немало крови хуннской¹².

Китаизация этих хуннов коснулась минимально, так как именно они в конце III в. дважды пытались поднять восстание и, потерпев поражение, стали к Китаю в положение «родственников убитых», а, по понятиям родового строя, это исключало дальнейшие контакты.

С точки зрения этнологии, в ордосских хуннах мы видим второй вариант развития этноса, тот самый, который был предложен как путь восстановления независимой державы старейшиной Лю Сюанем и отвергнут князем Лю Юанем. Они сохранили большую часть своих кочевых традиций, наладили дружеские отношения с соседями — табгачами и тангутами и, юридически подчинившись последним, сохранили автономию и культуру. У ордосских хуннов, как и у их предков в эпоху расцвета державы, кочевой быт и родовой строй были в полной силе. В источнике¹³ перечислено 19 родов, причем «все имели свои стойбища и не смешивались». Знатные фамилии те же: Хуянь, Бу (Сюйбу), Лань и Цяо (-Циолин). Они по-прежнему держат и передают наследственно, т. е. в пре-

¹² P. Woodberg, Two Notes..., стр. 292—297.

¹³ «Цзиньшу» — Цит. по: А. Бернштам, Очерки истории гуннов, стр. 221—222. Ср.: Л. Н. Гумилев, Хунну, стр. 71—83.

делах рода, старые хуннские должности. Род Сюйбу владеет должностью жичжо. Род Лань — должностью цзюйкюев, а род Цяо — должностью данху, а также новыми должностями: духоу, чэянь. О положении рода Хуянь нет данных, и это понятно: ведущая часть этого рода откочевала на запад еще в 93 г. Поэтому в среде южных хуннов род Хуянь места в иерархии не имел.

На этом кончается сходство, а различие не менее знаменательно. Оказывается, что шаньюи теперь избираются исключительно из рода Тугэ, который находится в списке «простых» родов. Высшие чины государства носят титулы, по старой традиции обязательно дублирующиеся: Сянь-ван, восточный и западный; Или-ван, восточный и западный (титулы включают китайский термин «ван»); остальные князья тоже попарно: Юйлу, Цзянь-шан, Шофан, Дулу, Сяньбу, Аньло — всего 16 чинов. Все должности замещались родственниками шаньюев, т. е. фактически власть принадлежала одному роду Тугэ. Итак, мы наблюдаем сосуществование старой и новой знати и замену союза родов гегемонией одного рода. Кроме этих двух чиновных систем были еще менее почетные посты, связанные с выполнением конкретных заданий, иначе говоря, имелось служилое сословие. Надо полагать, что старая знать была оттеснена от управления и довольствовалась титулатурой: иначе откуда бы взялись стольким новым чиновным должностям.

Территория, находившаяся во владении хуннов, включала не только Ордос, но и прилегающие к нему с востока равнины Шаньси, и на западе — склоны хребта Алашань. В интересующее нас время хунны имели двух вождей: в самом Ордосе правил Лю Вэйчэнь, а в Шаньси — его двоюродный брат Лю Кужэнь, находившиеся в тесной дружбе; а народ составляли «люди смелые, любившие бунтовать»¹⁴.

И все-таки, хотя общественная организация ордосских хуннов была достаточно гибкой, территория — обширной, географическое положение — удачным (ибо войны проходили южнее), долгое время они серьезной силой не являлись. В засушливую эпоху II—III вв. пустыни Ордоса, несмотря на близость огибавшей их реки, могли прокормить лишь ничтожное число кочевников, да

---

¹⁴ А. Н. Бернштам, Очерк истории гунов, стр. 221—222.

и то скудно. Нужные им дожди выпадали южнее и угрожали лесовой стране Шэньси наводнениями¹⁵. Но к середине IV в. положение изменилось. Тихоокеанские муссоны, подобно атлантическим циклонам, сменили путь своего прохождения¹⁶. Они принесли животворную атмосферную влагу, до тех пор изливавшуюся на сибирскую тайгу и на истоки притоков буйной реки Хуанхэ, в просторы Великой степи¹⁷. Изголодавшаяся земля ответила на это быстро. Зазеленели дотоле сухие степи, кусты тamarиска начали связывать барханы, ягнята нагуливали жир на нежных весенних травах, кони перестали страдать от бескормицы, а хунны, оказавшись хозяевами упавшего с неба изобилия, ощутили себя снова могучим народом. В 361 г. Лю Вэйчэнь принял к себе изгнанных Фу Цзянем сяньбийцев и ухуаней, порвал с тангутами и заключил союз с ханом табгачей Шеигянем.

Однако не меньший экономический подъем по тем же причинам выпал на долю табгачей, отделенных от хуннов только рекой Хуанхэ. Если до середины IV в. эти храбрые воины еле-еле переживали тяжелые зимы и жаркие летние месяцы, то теперь и они набрали силу, благодаря которой хан Шеигянь стал считать себя не союзником, а повелителем Лю Вэйчэня. Последний не ужился со своим полудиким повелителем и в 365 г. восстал. В 367 г. хан Шеигянь пошел войной на Лю Вэйчэня. Их разделяла Хуанхэ, шел осенний ледоход, и Лю Вэйчэнь, оставаясь в Ордосе как в крепости, считал себя в безопасности. Шеигянь приказал бросать на плывущие льдины фашины из тростника. Лед сперся и вскоре окреп. Табгачи перешли реку Хуанхэ как по мосту. Не ожидавший появления врага, Лю Вэйчэнь бежал к тангутам, а Ордос остался за табгачами.

Происшедшие события могли бы вынудить Фу Цзяня к активным действиям на северной границе, если бы его внимание не было сосредоточено на южной окраине империи вплоть до 369 г. Хан Шеигянь получил передышку, но не мог использовать ее, потому что потерял тыл. Пока

¹⁵ Н. Я. Бичурин, История Тибета..., т. I, стр. 113.

¹⁶ Подробнее см.: Л. Н. Гумилев, Изменения климата и миграции кочевников, — Природа, 1972, № 4, стр. 44—52.

¹⁷ См. работы Л. Н. Гумилева: Гетерохронность увлажнения Евразии в Средние века (Ландшафт и этнос) V, Вестник ЛГУ, 1966, № 18, стр. 85; Открытие Хазарии, стр. 64.

засуха сжигала берега Орхона и Селенги, а пустыня тянула свои желтые пальцы к Хангаю и Хэнтею, табгачский хан считал себя обладателем этих пустых земель. Но как только благодатный дождь превратил пустыню в цветущую степь, в ней проявили себя сильные и смелые люди, отказавшие в повиновении чужому хану. Это были жужани.

Широко распространенная точка зрения, что народ (этнос) — это группа людей, связанная родством или происхождением, языком и культурой, на наш взгляд, правильна только отчасти. При возникновении этноса эти черты обычно отсутствуют, а появляются позже, когда разноплеменная и разноязычная масса спаивается в тесный коллектив, роднится друг с другом, беседует на общепонятном языке и в процессе совместной жизни вырабатывает навыки, становящиеся затем культурной традицией. Так, по легенде, сложились римляне, которых не было до Ромула, и так же, уже по истории, возникли турки-османы и сикхи. Мы не всегда можем проследить этногенез того или иного народа до момента его возникновения, но когда нам это удается, то мы всегда наталкиваемся на тот факт, что этническая целостность возникла в результате сочетания событий истории.

Жужани — народ, возникший буквально на глазах историков Центральной Азии. Это осколки разбитых табгачами сяньбийских и хуннских родов. Те, кому посчастливилось спастись от жестокого врага, нашли себе убежище в бескрайней Монгольской равнине и постепенно сжились между собой настолько, что к концу IV в. организовались в орду и превратились в самостоятельный этнос¹⁸.

Основателем их орды считается дезертир из китайской армии — Югюлюй, собравший вокруг себя около сотни подобных ему беглецов. Эта группа стала центром объединения разноплеменных и разноязычных людей, связанных только исторической судьбой.

За 30 лет у них сменилось пять предводителей¹⁹, но

---

¹⁸ Л. Н. Гумилев, Древние турки, стр. 11—13.

¹⁹ В «Бэйши» эти предводители названы сыновьями одного. Это явная ошибка историка, происходящая из его склонности к модернизации. См.: Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 185. В «Тунцзянь ганму» эта ошибка не повторяется. См.: Бичурин, стр. 186.

к 390 г. жужаньская орда охватывала уже всю Халху и была враждебна растущему могуществу табгачей²⁰.

Несколько позже, во второй половине IV в., в степь потянулись племена *дили* или теле (телеутов), потомки «красных ди» (чи ди). До этого времени они обитали в предгорьях Наньшаня и терпели безобразия китайских правителей царства Лян. Видимо, им было некуда податься. Но после очередного цареубийства и связанных с ним эксцессов, происшедших в 363 г.²¹, они начали постепенно выселяться на север от великой пустыни Гоби, сохраняя свой родо-племенной уклад. В Великой степи они открыли великолепные возможности для скотоводства и к концу IV в. размножились настолько, что заселили все свободные территории, отвоеванные дождями у пустыни. Опасны для них были только жужани.

Телеские племена были очень нужны жужаням, но жужаньская орда была совсем не нужна телесцам. Жужани сложились из тех людей, которые избегали изнурительного труда. Дети их предпочли вообще заменить нелегкий труд пастуха добыванием дани. Телесцы привыкли к труду скотовода. Они хотели пасти свой скот и никому ничего не платить.

Сообразно этим склонностям сложились политические системы обоих народов: жужани слились в орду, чтобы с помощью военной мощи жить за счет соседей. Телеуты²² оставались слабо связанной конфедерацией племен, но всеми силами отстаивали свою независимость. Этим двум народам табгачи уступили свою родину — северные степи. Это обязывало их найти новую — на юге, но они натолкнулись на тангутов.

УРАГАН

В 367 г. во всех трех государствах, располагавшихся на берегах Хуанхэ, произошли столь коренные перемены, что этот год можно назвать переломным. Хунны поссо-

²⁰ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 186.

²¹ Там же.

²² Это название удержало только одно из телеских племен. Оно образовано этнонимом «теле» + суффикс монг. мн. числа — «ут». Предлагаю применять этот термин вместо привычного «теле», потому что часто возникает путаница этнонима «теле» с названием «толос», что означает по-тюркски «восточное крыло орды». См.: Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, стр. 13.

рились с табгачами, и Лю Вэйчэнь бросился в объятия Фу Цзяня, умножив в царстве Цинь число инородцев; тангутские князья возражали против политики царя, и после их казни собственно тангутский элемент потерял в империи Цинь изрядную долю значения; в сяньбийской империи Янь скончался мудрый и опытный «наставник царя», т. е. глава правительства, Муюн Ко, покровитель талантливого полководца принца Муюна Чуя. «Наставником» царя стал завистливый и недалекий Муюн Пин. Императрица-мать, ненавидевшая Муюна Чуя, вместе с правителем решили избавиться от своего лучшего полководца. Муюн Чуй, вовремя предупрежденный доброжелателями о готовящемся покушении на его жизнь, бежал к Фу Цзяню II, который, надо сказать, принял его радушно.

Для муюнов это была большая потеря, вызванная исключительно завистью, злобой и глупостью лиц, в то время стоявших у власти. Вступила в силу закономерность хода событий. Как лавина, она набирала силу постепенно и сметала все на своем пути, пока не уляжется в глубокой долине, на трупах людей и животных, потеряв инерцию толчка, произведенного либо по мудрому расчету, либо по легкомысленному порыву: лавине это безразлично.

Конец 369 г. был как нельзя более удачным моментом для замыслов Фу Цзяня II. Муюн Пин был не только завистлив, но и жаден. Он собрал огромное, поистине несметное, богатство, облагая налогом воду в источниках, но при этом не платил жалованья солдатам. Естественно, что те не хотели отдавать за этого скупердяя жизнь.

Циньские войска под командой способного полководца Ван Мэна одним ударом взяли Лоян. Затем, в начале 370 г., они ночной атакой уничтожили укрепленный лагерь сяньбийцев и сожгли в нем склады с военным снаряжением. Яньский император Муюн Вэй приказал распределить богатства своего «наставника» между воинами и после этого двинул армию на тангутов. Поздно! Энтузиазм тангутского патриотизма был выше стимула денежных наград. Сяньбийцев смела атака тангутов, и Муюн Пин в одиночестве бежал с поля боя в крепость Е, которую тангуты немедленно осадили. Так как в тангутских войсках была крепка дисциплина и строго запрещен гра-

беж, девятимиллионное²³ китайское население Хэбэя вернулось к мирным занятиям, предоставив сяньбийцев их участи.

Муюн Вэй и Муюн Пин бежали, покинув крепость, к себе на родину, а Фу Цзянь II, явившийся в Е, ввел Муюна Чуя в царский дворец, из которого тот был некогда изгнан своими соплеменниками. На этом кончилась война. Муюн Вэй не нашел поддержки на родине. Ему пришлось защищать свою жизнь от разбойничьих шаек, и спасло его только то, что тангуты взяли его в плен. Фу Цзянь принял юного пленника милостиво и поселил его вместе с другими пленными сяньбийцами в еще не восстановленной полностью Чанъани, чтобы они служили своему благородному победителю. После этой громкой победы царства Лян и Тогон признали себя вассалами империи Цинь²⁴.

Схватка тибетского яка с сяньбийским тигром весьма благоприятствовала китайскому дракону, но этот неуклюжий ящер опять все прозевал. Вместо того чтобы быстро двинуть войска на Север, Хуан Вэнь провел 370 г. в бездействии, а в 371 г. произвел государственный переворот, сменил императора, стал регентом и пробыл в этой должности до смерти, наступившей в 373 г. За эти три года Фу Цзянь реорганизовал свою армию, пополнил ее сяньбийцами и сам начал наступление на китайцев.

В 373 г. тангуты пересекли хребет Циньлин и захватили Сычуань. Этим они обезопасили свою южную границу. В 376 г. одним ударом было завоевано царство Лян, примыкавшее к тангутским землям с запада. В тот же год храбрый табгачский хан Шеигянь был убит своим побочным сыном, истребившим заодно всех своих братьев. От этой жуткой резни был спасен только малолетний внук Шеигяня — Гуй. Воспользовавшись замешательством в ставке табгачей, Лю Вэйчэнь привел в нее тангутские войска, которые казнили убийцу, но одновременно прикончили и самостоятельность табгачского ханства. Степь была административно разделена на восточную (от Ордоса) и западную (Ордос и Алашань) части, управление которыми было доверено хуннским князьям: вос-

---

²³ Цифра приблизительна. Всего в империи Янь числилось 9990 тыс. душ, но часть их были сяньбийцами (Wiegert, стр. 1156).

²⁴ Wiegert, стр. 1157.

ток — Лю Кужэню, а запад — Лю Вэйчэню, верным союзникам тангутского царя, или, что то же, императора Цинь. Успехи тангутского оружия так поразили воображение современников, что даже корейские царства Когурё и Силла²⁵ прислали в Чанъань послов с дарами, которые, по китайскому церемониалу, были приняты как дань. Объединение Северного Китая, на горе китайским патриотам, закончилось образованием еще одного иноподданного царства!

ЯСНОЕ НЕБО

В то двадцатилетие, когда тангутские войска на всех границах шли от победы к победе, внутри страны царил мир и расцветала культура. Однако и то и это таило в себе ростки грядущих бед, пожалуй, в большей мере, нежели к тому вело неумеренное расширение пределов империи Цинь. Впрочем, как мы увидим, оба процесса были взаимосвязаны и связь эта была однозначна.

Взяв на себя инициативу объединения и упорядочения ойкумены, под которой тогда подразумевались Китай и Великая степь южнее Гобийской пустыни, тангуты оказались в абсолютном меньшинстве среди населявших эту территорию народов. Уже на первом этапе построения империи, когда тангуты овладели только Шэньси, китайское население имело там не меньший вес, чем иноплеменное. А последнее, в свою очередь, кроме племен ди включало в себя тибетцев, выселившихся с нагорий Амдо, хуннов — в Ордосе и Алашане и все время просачивавшихся сяньбийцев. Это проникновение весьма тревожило тангутских вождей, предпочитавших иметь войско не столь большое, но не разбавленное посторонними и малопривлекательными для них людьми. Однако подавление оппозиции тангутских принцев в 367 г. и включение в состав империи Цинь Северо-Восточного Китая, где сяньбийцев было много, а китайцев еще больше, сделало из племени ди (тангутов) незначительное, хотя и господствующее меньшинство. Это не могло их не беспокоить, и тут сказала свое слово давнишняя наука, которую мы теперь называем футурология.

---

²⁵ Ibid, стр. 1162.

В те времена прогнозы облекались в форму предсказаний и аргументировались либо астрологически, либо путем снотолкования. Не входя в обсуждение доказательности этих методик, отмстим, что вывод на основе их делался весьма реальный: опасность, утверждали гадалки, исходит от сяньбийцев, коих надо перебить заблаговременно.

Эти разговоры начались в 373 г., т. е. почти сразу после завоевания империи Янь. Когда сложные расчеты астрологов, предсказывавших уничтожение империи Цинь от рук сяньбийцев, не возымели действия, некто неизвестный крикнул во дворце: «Рыбы и бараны пожрут людей — беда!»²⁶ — и даже точно определил дату грядущих событий, хотя, может быть, последняя была вписана хронистом позже.

Но Фу Цзянь II ответил своим приближенным в духе либерального гуманизма: «Китайцы и варвары—все мои дети. Будем обращаться с ними хорошо, и не возникнет никакого зла»²⁷. Это была не просто фраза, это было направление политики. В том же, 373 г. тангуты взяли крепость Бучэн в долине р. Хань. Комендант этой крепости попал в плен, но на предложение Фу Цзяня поступить к нему на службу назвал тангутского владыку варваром, а его двор сравнил со стаей собак и стадом овец. Оскорбленные тангуты просили у царя разрешения казнить наглеца, но Фу Цзянь продолжал с ним хорошо обращаться²⁸. Так же он благоволил к сяньбийскому принцу Муюну Чую, к хуннским князьям Лю Вэйченю и Лю Кужэню и к тибетскому вождю Яо Чану, хотя последний попал в плен на поле боя и спас себя, только выразив покорность. Не странно ли видеть такую гуманность в человеке, предательски казнившем собственного брата и без всякого милосердия расправившегося со своими соплеменниками?

Действительно, если присмотреться ближе, то видно,

---

²⁶ Название «сяньби» состоит из иероглифов, обозначающих рыбу и барана. См.: *Wiegert*, стр. 1159.

²⁷ *Ibid*, стр. 1159.

²⁸ Надо сказать, что этот комендант сдал крепость ради того, чтобы спасти свою мать, захваченную тангутами. С нашей точки зрения, он совершил измену, но, по конфуцианским принципам, забота о родителях выше заботы о государстве: этим он оправдал свое поведение, а верность родине проявлял тем, что грубил победителям.

что поведение Фу Цзяня II диктовалось не столько чертами его характера, сколько политическим расчетом. Это сказалось на его идеологической платформе. Будучи ревностным буддистом, Фу Цзянь II благоволил конфуцианству, но указом 375 г. под страхом смерти воспретил исповедание даосизма и для начала казнил хранителя своего архива, читавшего даосские книги²⁹. Такое пристрастие объясняется весьма просто. Конфуцианцы составили наиболее активную часть китайского правящего класса, и, следовательно, стремясь овладеть Китаем, нужно было искать с ними компромисса³⁰. Даосы упражнялись в гаданиях, в той самой древней футурологии, которая часто шла вразрез с намерениями правителя. Указ 375 г. оградил циньского императора от непрошенных прогнозов. Царское милосердие оказалось мнимым.

Можно думать, что благоволение к иноплеменникам — иначе говоря, национальная политика — было основано на том же расчёте. Новые подданные составляли в империи Цинь подавляющее большинство; удерживать их в покорности после каждой победы становилось все труднее, значит, их надо было привязать к себе милостью и материальной заинтересованностью. Только так могла существовать лоскутная империя Цинь. И на первых порах успех был налицо: в 381 г. все племена *и*, жившие внутри Китая, и 62 мелких владетеля оазисов бассейна р. Тарим просили принять их в подданство великой империи Цинь, где иноземцам жилось так хорошо³¹.

Однако так ли уж было хорошо в империи Цинь на самом деле? Конечно, завоеванные оружием сяньбийцы молча подчинялись, а сычуаньские горные племена предпочли единоплеменных тангутов китайцам, но Южный Китай держал упорную оборону. Тогон хранил свою независимость, а из княжеств Турфана и Шаньшани уже в 382 г. пришла просьба о помощи против соседей, раздумавших вступать в контакт с тангутами.

Фу Цзянь II немедленно направил на запад сильную армию под командованием опытного полководца Люй

---

²⁹ W i e g e r, стр. 1160.

³⁰ Например, в 379 г. предатель открыл тангутам ворота крепости Саньян в низовьях р. Хань. Фу Цзянь казнил предателя, а мужественного коменданта крепости Чжу Сюя принял на службу и дал высокий воинский чин (W i e g e r, стр. 1163—1164).

³¹ I b i d., стр. 1162.

Гуана, которая в 383 г. пересекла пустыню и появилась под стенами Карашара. Карашар сдался, но владетель Кучи, носивший титул «бай», собрал силы, в семь раз превосходящие по численности войско Люй Гуана и... в 384 г. потерпел полное поражение. Люй Гуан, заняв Кучу, нашел, что она похожа на миниатюрную Чанъань. Он милостиво обошелся с жителями, что снискало ему популярность в прочих оазисах. Гуманность, основанная на силе, оказалась мощным доводом в пользу союза с империей Цинь. Тем временем Люй Гуан получил из Китая сведения, которые побудили его остаться в Куче навсегда, сделав из нее столицу самостоятельного владения. Но почему-то этот проект не был осуществлен, и в 386 г. Люй Гуан, ограбив покорившийся ему край, вернулся в Ганьчжоу, выгнал оттуда китайского правителя и захватил бывшее княжество Лян для самого себя³².

Как и почему этот энергичный полководец, которого не называют изменником, превратился в самостоятельного государя, мы узнаем из рассмотрения событий внутри Китая, ибо за то трехлетие, пока Люй Гуан утверждал тангутскую власть на склонах Тяньшаня, сама империя Цинь перестала существовать.

ВИХРЬ

До 379 г. тангутские войска вели планомерное наступление в верховьях Янцзы. Там власть цзиньской династии была непрочна. Осуществлялась она системой крепостей с сильными гарнизонами, державшими в страхе местное, иноплеменное население. Тангуты брали крепость за крепостью, но тратили на каждую операцию много времени и сил, так что результаты продвижения были ничтожны.

В 379 г. Фу Цзянь направил удар на юго-восток. Тангутские войска перешли р. Хуай и приблизились к жизненным центрам Южного Китая. Фу Цзяню казалось, что дни империи Цинь сочтены. Располагая 970 тыс. воинов (цифра — на совести автора хроники), он полагал, что успех в завоевании Южного Китая ему обеспечен.

Но его советники были настроены менее оптимистично. Они всячески пытались отговорить своего царя от

---

³² I b i d., стр. 1168.

войны, которая государству была не нужна и рискованна. Еще более грозной опасностью они считали возможность отпадения покоренных народов во время военных замешательств³³. Несмотря на все уговоры и указания на несправедливость завоевательной войны, Фу Цзянь II в 383 г. объявил мобилизацию 10% населения. По китайскому условному исчислению, у него собралось 700 тыс. пехотинцев и 270 тыс. всадников; не берусь сказать, сколько их было на самом деле, но, во всяком случае, много.

Передовые отряды уже успели пересечь р. Хуай, пока дальние, из бывшего княжества Лян, подходили к р. Вэй. Их решено было использовать в Сычуани, а на важнейший участок фронта была брошена сяньбийская конница под командой Муюна Чуя и лучшая китайская пехота, доверенная недавнему пленнику—Чжу Сюю. Авангардом командовал талантливый и отважный царевич Фу Жун.

По боевым качествам циньская армия неизмеримо превосходила южнокитайское 80-тысячное войско, но войны — не шахматные фигуры, и поле боя — не доска. Почти все циньские солдаты либо происходили из племен, которые совсем недавно были покорены силой оружия, как сяньбийцы, либо просто захвачены в плен и поставлены противником в строй, как большинство китайских подразделений. Они были не тангуты и, подчинившись тангутскому царю, не превратились в тангутов. Этого-то не хотел видеть и понимать Фу Цзянь II. Он считал, что этнические различия призрачны, главное, чтобы человеку, как таковому, было хорошо. Потому-то он лелеял чужих в ущерб своим и надеялся, нет, был уверен, что ему отплатят добром за добро. А то, что есть силы, более мощные чем личные чувства и сознание собственной выгоды, ему не приходило в голову.

Цинское наступление развивалось по всему фронту, от Хубэя на западе до Шоучуня — на востоке. Фу Жун взял Шоучунь и остановил продвижение южнокитайской армии. Фу Цзянь, окрыленный легким успехом, оставил часть своей пехоты у Сянчэна (в Хэнани) и с 80-ю тыс. легкой конницы подошел к Шоучуню. Оставалось как будто немного — разгромить противника, имея пятикратный перевес в силах.

---

³³ Ibid., стр. 1165.

Но тут сказала свое слово измена. Чжу Сюй предупредил цзиньских полководцев Се Ши и Се Сюаня о дислокации циньских войск и дал совет взять инициативу, чтобы остановить тангутов, пока те не успели подтянуть все войска. Се Ши не медля выделил пятитысячный отряд отборной конницы, который проник через интервалы циньских войск и в ночном бою у Лоцзяня нанес тангутам тяжелое поражение, захватив много боевого снаряжения. Эта неожиданность побудила Фу Цзяня стянуть войска на восток, и обе армии, северная и южная, сошлись у Шоуяна, на берегах р. Фэй.

И вот тут произошло нечто странное, получилась какая-то смесь глупости и предательства. По совету того же Чжу Сюя китайский полководец Се Ши предложил Фу Цзяню несколько отвести войска от берега р. Фэй, чтобы китайцы могли переправиться и в бою, по всем правилам, решить судьбу войны. Казалось бы, вступать в переговоры с врагом перед битвой не следовало, но Фу Цзянь решил, что будет очень хорошо, если его латная конница сомнет строй противника и загонит его в реку. Он согласился и отдал приказ об отходе.

Но армия не отошла — она разбежалась; не от противника, а от начальства. За несколько минут воины превратились в дезертиров, не способных ни к самозащите, ни к планомерному отступлению. Китайцы спокойно перешли реку и беспрепятственно рубили беглецов. Фу Жун попытался навести порядок, но его конь упал, и царевичу отрубили голову. Фу Цзянь успел бежать. Это ему удалось лишь потому, что 30 тыс. сяньбийской конницы Муюна Чуя сохранили дисциплину, хотя и не вступили в бой. Чжу Сюй, бывший царь Ляна, и многие другие китайцы бросили знамя тангутского царя и вернулись к своим. Победители захватили царскую колесницу Фу Цзяня, коронные драгоценности и много разнообразного оружия. Разгром был полным и окончательным—Китай был спасен.

Когда гонец привез в Цзянькан (Нанкин) весть о победе, министр играл в шахматы со своим другом. Он просмотрел депешу, положил ее на диван и закончил партию. На вопрос друга: «Что нового?» — он ответил: «Ничего важного. Наши мальчики побили разбойников»³⁴.

---

³⁴ I b i d., стр. 1175.

И все! Что это было: выдержка или равнодушие? Трудно решить, да это и не столь существенно, потому что дальнейшие события развивались стремительно, как лавина.

ОПРОКИНУТАЯ ИМПЕРИЯ

К концу дня из всего могучего циньского войска остались в строю только тысяча тангутских всадников, присоединившихся к своему царю, и 30 тыс. сяньбийцев Муюна Чуя. Фу Цзянь, страшась преследования, присоединился к Муюну Чую, и тут сразу сяньбийские старейшины и сын Чуя, Муюн Бао, потребовали от своего вождя мести за покорение их государства. Но Муюн Чуй отказал им наотрѣз, сославшись на долг благодарности, сохранил Фу Цзяню жизнь и свободу и проводил его в Лоян, где стоял верный тангутский гарнизон. Туда же прибыли остатки великой армии — немногим больше десятой ее части ³⁵.

Если бы китайцы в 383 г. проявили больше настойчивости и инициативы, они могли бы освободить если не весь Северный Китай, то значительную его часть. Но они ограничились рейдом в Шаньдун и возвращением нескольких крепостей, благодаря чему Фу Цзянь получил передышку, а население Хэнани — пережило новое разочарование в династии Цзинь ³⁶.

Проводив Фу Цзяня до границ Шэньси, Муюн Чуй просил отпустить его на родину, чтобы предотвратить там беспорядки, возможные после поражения. Фу Цзянь, тронутый лояльностью сяньбийского принца, дал согласие на его отъезд. Напрасно тангутские вельможи уговаривали царя убить или задержать Муюна Чуя, слишком популярного в своем племени. Фу Цзянь ответил, что, дав слово, он его держит... и Муюн Чуй уехал на восток. Тайные убийцы, посланные за ним без ведома Фу Цзяня, подстерегали его на мосту через Хуанхэ, но Муюн Чуй перепра-

---

³⁵ W i e g e r, стр. 1176; Ш а н Ю э, Очерки..., стр. 148. Указана цифра — 100 тыс. беглецов. Если бы это была точная цифра, то Фу Цзянь оставался бы хозяином положения, чего не было. Видимо, тут опять преувеличение, т. е. величина относительная к первоначальному числу.

³⁶ Ср.: Ш а н Ю э, Очерки..., стр. 148.

вился через реку в лодке, избег смерти и оказался в родной стране.

А тем временем вихрь разрушения домчался от берегов р. Фэй, до южных притоков Хуанхэ. В верховьях р. Вэй восстали сяньбийцы, поселившиеся там на опустелых землях с разрешения самого Фу Цзяня. Потерявший голову Фу Цзянь отправил на подавление мятежников офицера сяньбийского происхождения, не поинтересовавшись тем, что тот был родственником повстанца. Этот последний, Цифу Го-жань, присоединился к своим соплеменникам и освобожденную от тангутов территорию объявил самостоятельным царством.

На востоке некий динлин Ди Бинь, собрав шайку из дезертиров, блокировал Лоян. Муюнские принцы уговорили своих соплеменников и родственников ухуаней сбросить тангутское иго. Под контролем циньских войск оставались только цитадели городов, и когда к г. Е, бывшей столице сяньбийской империи Янь, подъехал со своим эскортом Муюн Чуй, желавший поклониться могилам предков, его не впустили в город. Положение создалось двусмысленное: тангутские князья были благодарны Муюну Чую за спасение Фу Цзяня, но считали его потенциальным мятежником и колебались, не решаясь его убить; Муюн Чуй демонстрировал свою лояльность, но соплеменники требовали, чтобы он встал во главе восстания и в 384 г. отомстил за разгром 370 г. Опустим подробности. Тангуты все-таки сделали неловкую попытку убить сяньбийского принца, а он в ответ объявил, что долг благодарности им уплачен, и объединился с Ди Бинем. Лоян устоял против натиска мятежников, но это не смутило Муюна Чуя. Собрав вокруг себя 200 тыс. сяньбийцев, он переправился на северный берег Хуанхэ и объявил империю Янь восстановленной. Фу Цзянь не мог этому воспрепятствовать, так как другие восстания потрясали всю страну.

Муюн Нун поднял ухуаней, и те, вооруженные дубинами и рогатинами, наголову разбили отряд регулярного тангутского войска. Муюн Хун поднял сяньбийские войска расквартированные на границе Шаньси и Шэньси. Фу Цзянь послал против него 50 тыс. тангутов со своим сыном во главе, добавив тибетскую конницу Яо Чана — внука Яо И-чжуна. Постапцы уходили на север, стремясь укрыться в степях, но тангуты настигли их и вопре-

ки совету Яо Чана, рекомендовавшего «не ловить крысу за хвост, чтобы не укусила», вынудили к битве, в которой были разбиты. Царевич пал в бою. Яо Чан уведомил об этом Фу Цзяня. Тот, потеряв самообладание, казнил посла, чем толкнул на восстание дотоле верного Яо Чана. К 385 г. с Фу Цзянем остались одни тангуты.

В 385 г. Муюн Чуй перешел в наступление и осадил тангутский гарнизон в цитадели города Е. Тангуты держались столь стойко, что сяньбийцы открыли им проход и позволили уйти. Овладев столицей, Муюн Чуй восстановил императорское правление, пожаловал чины и т. д. Восстановленная империя получила название Младшая Янь.

Тем временем принц Муюн Чун собрал войско из своих соплеменников в Шаньси и обрушился на многострадальную долину р. Вэй. Население в ужасе разбежалось. Фу Цзянь заперся в Чанъани, но, поверив гадателю, рекомендовавшему ему покинуть город, удалился с наложницей и сыном к горам Уцяншань, куда пытался созвать своих приверженцев. Муюн Чун вступил в покинутую гарнизоном столицу и отдал ее на разграбление своим воинам. Яо Чан между тем, обнаружив местонахождение Фу Цзяня, явился с войском, захватил императора и удавил его. Это произошло в 385 г. После этого Люй Гуан предпочел не возвращаться в Китай, а основать собственное государство в Ганьчжоу.

Судьба Фу Цзяня II была поистине трагична. Она даже могла бы вызвать сочувствие, если бы этому не мешал строгий исторический анализ. В самом деле, идея торжествует лишь в том случае, если она верна. Осуществление неверной идеи влечет за собой тяжелые последствия, особенно когда оно проводится последовательно. Фу Цзянь II был человеком по тому времени образованным, но не профессиональным ученым. Это значит, что он был дилетантом. Ему были близки логические построения, а не иррациональная действительность, и он уверовал в то, что этническая принадлежность — рудимент, неактуальный в его просвещенном государстве. Он ее просто игнорировал, полагая, что благодетельствованные им люди будут платить ему благодарностью. При прочих равных условиях оно так бы и было, но китайцы считали Фу Цзяня варваром-ди, сяньбийцы — полукитайцем, тибетцы — представителем чужого племени, хунны — полез-

ным союзником, но не больше; и все так или иначе предали его, даже испытывая угрызения совести, как, например, Муюн Чуй. Да и не могли они поступить иначе, потому что службу императору Цинь они рассматривали как подчинение тангутскому царю, лишившему их свободы и независимости. Именно этот, часто неосознанный, но от этого еще более сильный императив этнического поведения (этологии) толкнул все народы, жившие в Северном Китае, на войну против тангутского ига, каким бы легким оно ни было. И поэтому после смерти Фу Цзяня не возникло на берегах Хуанхэ великой державы, а появилось восемь небольших и взаимовраждебных этнотерриториальных объединений. Именно этнические противоречия разорвали железный обруч циньской деспотии и ввергли Северный Китай в пучину таких бедствий, которые превзошли даже те, которые мы уже описали. Но это была не злая воля тех или иных людей, а неумолимая историческая закономерность.

ПОЛЫМЯ

КТО ПРОТИВ КОГО?

Межплеменная, точнее, межэтническая борьба после смерти Фу Цзяня II вылилась в открытую войну. Но это не была война всех против всех. Поведение освободившихся от тангутского гнета этнических групп, в том числе их симпатии и антипатии, укладывались в относительно строгую систему. Попробуем найти ее стержень.

После гибели Фу Цзяня II тангуты оружия не сложили. Пусть развалилась империя Великая Цинь — остались племена ди, отважные и неукротимые, возглавленные сыном погибшего императора Фу Пэем. Главным врагом тангутов был их ближайший сосед — тибетский вождь Яо Чан, провозгласивший себя императором династии Младшая Цинь, т. е. присвоивший традицию минувшей династии.

Явно отрицательно относились к тангутам сяньбийские племена, которые были военной судьбой разбросаны по всему Северному Китаю. Они не объединялись для борьбы с врагом, а, наоборот, использовали все возможности для отдельного существования. В наилучших условиях для этого оказалась группа сяньбийцев, осевшая в бассейне рек Таохэ и Вэйхэ. В 386 г. вождь этой группы Цифу Гожань объявил занимаемый им район Шэньси империей Западная Цинь, также пытаясь присвоить себе традицию прежних, преданных им царей. Но и с тибетцами эта группа сяньбийцев не поладила и ничем не помогла Яо Чану в надвигающейся войне с потомками Фу Цзяня. Цифу Гожань предпочитал выжидать, сохраняя вооруженный нейтралитет.

Весьма неожиданно сложилась судьба другой группы сяньбийцев, под предводительством Муюна Чуна захватившей Чанъань. Муюн Чун провозгласил себя царем За-

падной Янь, но в 386 г. был убит бандитами некоего Дуань Суя, о котором ничего достоверного не известно, кроме того, что его самого разбили и убили другие принцы из фамилии Муюн¹. Однако, совершив месть, эти сяньбийцы покинули разграбленную Чаньань и, перейдя Хуанхэ, осели в западной Шаньси, назвав свое царство империей Западная Янь. Судьба этого государства, насчитывавшего 400 тыс. жителей сяньбийского происхождения, была печальна: за десять лет там сменилось семь царей, слишком легко убивавших друг друга. В 394 г. последнего прикончил Муюн Чуй — основатель династии Младшая Янь, т. е. восстановитель былой державы Муюнов, властитель Северо-Восточного Китая. Однако его власть не простиралась даже на северную Шаньси, которой в 386 г. вновь овладели табгачи, сбросившие тангутское иго и избравшие ханом молодого и энергичного Тоба Гуя, внука хана Шенгяня. Тоба Гуй сменил одно китайское название своего государства — Дай на другое — Вэй², что отражало его претензию закрепиться во Внутреннем Китае, ибо Дай всегда было небольшим пограничным княжеством, а Вэй 800 лет тому назад — могучим царством, хотя и не империей.

Наконец, во вражде с тангутами продолжали оставаться южные китайцы, не без оснований возымевшие надежду вернуть себе исконные земли на берегах Хуанхэ и изгнать «варваров» с китайской земли. Упустив время после битвы на р. Фэй, они теперь стремились наверстать потерянное.

Но и тангуты были не одиноки. Их искренне поддерживали ордосские хунны и жужани. Политические основания для глубокой симпатии жужаней к тангутам были достаточно весомы.

Сложная и напряженная политическая обстановка, сложившаяся в середине IV в., не позволяла жужаньской орде обойтись без покровителя. Чтобы избежать столкновения с табгачскими ханами, жужани выплатили им дань, но, как только тангуты разгромили табгачей, жужани перешли на сторону победителя. Тангуты были далеко, и поэтому платить им можно было мало, или даже вовсе не платить. Представитель тангутской империи —

---

¹ W i e g e r, стр. 1186.

² Н. Я. Б и ч у р и н, Собрание сведений..., стр. 173.

Лю Вэйчэнь сам нуждался в поддержке жужаней как союзника против побежденных, но не сломленных табгачей. Все казалось прочным, но развал тангутской империи Цинь снова перепутал фигуры на доске. Западнее жужаней, в Великой степи множились племена телеутов (теле), притесняемые жужанями на севере от пустыни Гоби и тангутскими наместниками области Лян, к югу от нее.

При разделе державы Тоба в 377 г. телеуты достались владетелю Ордоса — хуннскому князю Лю Вэйчэню. Однако Лю Вэйчэнь дружил с жужанями, их естественными врагами, постоянно грабившими телеутские кочевья. Поэтому при возрождении мощи Тоба телеуты немедленно подчинились Тоба Гую. Усилившись таким образом, Тоба Гуй заключил союз с Муюном Чуем, и два могучих сяньбийских вождя в 386 г. уничтожили хуннское княжество в северной Шаньси, которым правил сын Лю Кужэня, Лю Сян. За хуннами остался только Ордос, прикрытый в летнее время бурной рекой и спасенный от табгачского нашествия событиями, развернувшимися в последующие годы.

ТИБЕТЦЫ ПРОТИВ ТАНГУТОВ

Военная неудача словно привязалась к тангутам. После того как сяньбийцы покинули Чанъань в 386 г., они нанесли поражение остаткам тангутских войск, возглавленных сыном Фу Цзяня, Фу Пэем, и вытеснили тангутов из долины р. Фэнь при впадении ее в Хуанхэ³. Тем временем Яо Чан занял покинутую Чанъань и объявил ее столицей своей империи⁴. Фу Пэй отвел свои потрепанные войска в опустелый Лоян, чтобы сделать эту древнюю столицу базой для контрнаступления против тибетцев и сяньбийцев, но тут ему в спину ударили южные китайцы. В бою у Лояна Фу Пэй был убит, а сын его взят в плен и увезен в Цзянькан на вечное заключение.

В этой войне обнаружилось, что степень жестокости и беспринципности еще возросла. Сяньбийский вождь Муюн Юн пожелал овладеть захваченной в плен вдовой Фу

³ W i e g e r, стр. 1188.

⁴ Н. Я. Бичурин, История Тибета..., стр. 121.

Пэя. Несчастливая женщина, защищаясь, схватила меч... и была забита насмерть. Раньше сяньбийцы хоть и допускали насилия на поле боя, но к пленницам подходили несколько деликатнее. Очевидно, полувековое пребывание в Китае расшатало их былые традиции, а к освоению китайской цивилизации у них не возникло стимула. Проблема этнокультурного контакта решалась в IV в. таким способом, который не мог вызвать одобрения ни у современников, ни у потомков. И видимо, это было не случайно, потому что столь же безобразно стали вести себя тибетцы Яо Чана, о чем будет рассказано ниже. Изменение одной детали стереотипа поведения всегда ведет к перестройке всего стереотипа, и даже принципов этики этноса. Поэтому нельзя упускать из виду эти, на первый взгляд маловажные, детали истории.

Мужественные тангуты не сложили оружия. Внук Фу Цзяня II, Фу Дэна, собрал в Шэньси 50 тыс. добровольцев и нанес Яо Чану несколько поражений. Война между тибетцами и тангутами держала в напряжении оба народа в течение трех лет. В 389 г. тибетцам удалось обойдя армию Фу Дэна, захватить его лагерь, где укрывались тангутские женщины. Жена Фу Дэна схватила лук и сражалась на коне до тех пор, пока ее не окружили и не взяли в плен. Ее пытались изнасиловать и потом зверски убили.

Агония дружины Фу Дэна затянулась до 394 г., но он пережил своего врага, Яо Чана, на один год. Яо Син, унаследовавший власть в Младшей Цинь, сначала разбил войска Фу Дэна, который был при этом убит, а потом его сына, на чем и закончилось самостоятельное существование народа ди. Остатки этого героического племени смешались с победителями-тибетцами; впоследствии они вошли в состав средневековых тангутов, или дансянов⁵. Но нас сейчас больше занимает положение и состояние победившего государства — Младшей Цинь. Ведь оно тоже, включив в себя большое количество местных жителей, стало тибето-тангутско-китайской химерой, и, как таковое, оказалось лицом к лицу с сяньбийцами, окружавшими его с востока, запада и севера, где прикрывавшие Шэньси ордосские хунны испытали на себе силу табгачского оружия.

---

⁵ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия ..., стр. 368.

ХУННЫ ПРОТИВ ТАБГАЧЕЙ

Усиление табгачского ханства грозило равно и хуннам князя Лю Вэйчэня, и жужаням хана Вэньгэди⁶, лишившимся мощной поддержки тангутов. Поэтому оба эти государя постарались заключить союз с Яо Сином, который не мог не поддержать противников сяньбийцев. Однако хан Тоба Гуй воспользовался тем временем, когда тибетцы были связаны войной с тангутами, и взял инициативу неизбежной войны в свои сильные руки.

В 391 г. Тоба Гуй выступил против жужаней. Жужани, не приняв боя, ушли на север, но посреди Гоби были настигнуты и разбиты. Табгачи преследовали их, несмотря на то что съестные припасы кончились. Гуй приказал заколоть заводных лошадей и гнаться за врагом. Наконец беглецы стали сдаваться. Вождам отрубали головы или заковывали в цепи, а народ отвели в Китай и поселили в области Юньчжун (к югу от Иньшаня и к востоку от Ордоса)⁷. Скорее всего, эти кочевники были нужны Тоба Гуою для пополнения своей конницы.

Лю Вэйчэнь осознал надвигающуюся опасность и, пока главные силы табгачей преследовали разбитых жужаней, со всеми имевшимися у него войсками ударил с юга на Тоба. Но Тоба Гуй с небольшим отрядом отборной конницы обратил в бегство войско Лю Вэйчэня и, развивая успех, ворвался в Ордос. Во время возникшей паники Лю Вэйчэнь был убит своими подчиненными, его старший сын попал в плен, а младший, Хэлянь Бобо, спасся и пробрался в Младшую Цинь.

Почему-то хунны не могли тягаться с отважными степными кочевниками. Добыча, захваченная в Ордосе, была огромна: «изобилие разлилось в государстве Тоба»⁸.

Хунны не покорились победителю. С 391 по 394 г. они бежали в Южный Китай «с коровами, баранами, колесницами, кибитками и другим скарбом неисчислимым. Всего пришло их около 30 тыс. человек, и были приняты ласково»⁹.

Надо думать, что не меньшее число хуннов ушло на

⁶ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 185.

⁷ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. III, стр. 80.

⁸ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 174.

⁹ А. Н. Бернштам, Очерк истории гуннов, стр. 221.

запад, в Хэси, где они вскоре и обнаружились. Час окончательной победы табгачей еще не пробил. Жужани и хунны еще таили в сердцах своих силу для сопротивления победителям.

Жужаням не улыбалась перспектива гибнуть в войнах с китайцами ради славы чужого хана. К тому же за полстолетия общность судьбы сплотила их крепче, чем телесцев, — общность языка и происхождения. В 394 г. они восстали. Их атаман Шэлунь, человек «находчивый, злой и лукавый»¹⁰, расправился с вождями, пошедшими на службу к притеснителю, и после некоторых неудач увел свой народ за песчаную степь в Халху. Там он подчинил себе разрозненные телеутские племена и «сделался сильным и страшным»¹¹. На востоке его ханство стало граничить с Кореей, а на западе — с Карашаром.

Блестящие победы табгачей оказались эфемерными. Через какие-нибудь четыре года выяснилось, что Великая степь не только потеряна, но и превратилась в постоянную угрозу для табгачских кочевий в Иньшане. Опустелый Ордос пришлось покинуть, потому что все силы понадобились не для завоеваний, а для борьбы за право на жизнь, и не с чужаками, а с единоутробными братьями — муюнами.

ТАБГАЧИ ПРОТИВ МУЮНОВ

Самым могучим правителем на берегах Хуанхэ был Муюн Чуй. Это не устраивало ни хана табгачей — Тоба Гуя, ни его окружение. Нерастроченная энергия бурлила в их сердцах и толкала их на создание империи, еще более могучей, чем хуннская Чжао, тангутская — Цинь и сяньбийская — Янь. Но, увы, титул Тоба Гуя — Вэй-ван — подчеркивал его второстепенное положение, в то время когда все его советники настоятельно требовали, чтобы их сделали вельможами при дворе императора. Ради величия народа и своего собственного они не жалели ничего и никого.

«Две сабли не вмещаются в одни ножны» — гласит

¹⁰ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т I, стр. 186.

¹¹ Там же, стр. 186—187.

персидская пословица. В Северном Китае не могли ужитья два императора. Схватка между муюнами и табгачами была неизбежной. Повод подал сам Тоба Гуй, разгромив союзников муюнов — племена хи (татабов) и кидань в Центральной Маньчжурии. Это вызвало охлаждение между державами, но активные военные действия не развивались, так как табгачи были заняты в Ордосе, а силы муюнов сковало наступление корейцев на Ляодун в 385 г. Корейцы были отбиты, но время для нападения на державу Тоба — упущено.

До 395 г. Тоба Гуй не разрывал номинальной вассальной зависимости, но в июне 395 г. напал на пограничные области муюнов.

Муюн Чуй направил против него своего наследника — Муюна Бао с 80-тысячным войском. Тоба Гуй начал стратегическое отступление и ушел за Хуанхэ, бросив страну в жертву неприятелю.

Муюны набрали много добычи, но не сумели переправиться через Хуанхэ. Тем временем 70 тыс. табгачских всадников обошли войско Муюна Бао и пересекли его коммуникации. В ноябре Муюн Бао сжег суда и повернул домой, надеясь на то, что наступил ледоход и войска Тоба Гуя не смогут переправиться и ударить ему в тыл. Но в начале декабря внезапно ударил сильный мороз с ветром, и лед на Хуанхэ стал. Немедленно 20 000 отборной табгачской конницы под предводительством самого хана переправились и пустились преследовать врага. Они «шли рано и поздно»¹².

Муюнские войска были уверены, что неприятель отделен от них широкой льдистой, вспененной рекой, и не принимали предосторожностей. Больше того, начальник арьергарда, Муюн Линь, распустил своих людей на охоту. На покато́й равнине Сэньхэпо войско муюнов захватила пурга, «воздух сгустился, как стена»¹³, и в это время разведка преследователей обнаружила отступавших.

Тоба Гуй приказал завязать морды лошадей, а ратникам взять в рот кляпы. Ночью все войско в безмолвии взобралось на гору, а при первых лучах солнца увидело внизу «неприятельский лагерь спящим». По знаку вождя табгачское войско кинулось на спящих муюнов; те в

---

¹² Там же, стр. 175.

¹³ Там же.

панике ударились в бегство, оставив на месте 10 тыс. трупов. Но бегство не спасло их. Они попали в засаду. Обошедшая их армия перехватила беглецов, и 50 тыс. человек сдались в плен. Самому Муюну Бао удалось бежать.

За этим последовала страшная сцена. Для того, чтобы обессилить противника, Тоба Гуй приказал перебить всех пленных. Пятьдесят тысяч человек были убиты, и трупы их брошены на равнине. Табгачи выиграли много, но еще не все. В апреле следующего, 396 г. сам Муюн Чуй, несмотря на болезнь, встал во главе своего войска. Он пересек «каменные вершины» хребта Циньлин и напал на тылы Тоба Гуя.

Князь Тоба Кянь, охранявший столицу, пал в битве, и вся его ставка досталась Муюну Чую.

В табгачской орде наступила паника. Сам Тоба Гуй хотел бежать, считая, что все потеряно. Но в решительный момент снова заболел Муюн Чуй. Лишенное вождя, войско возвратилось домой, не реализовав успех. Вскоре Муюн Чуй умер.

Причиной внезапной болезни Муюна Чуя считали психическую травму. При переходе через покатую равнину Сэньхэпо он увидел груды скелетов, обглоданных птицами и волками. От стыда и горя у него будто бы пошла горлом кровь и усилилась болезнь. Но не это интересно для историка, а другое: каким образом болезнь полководца так сильно повлияла на ход событий, что муюны выпустили из рук верную победу? До какой степени разложения должно было дойти общество, чтобы монарх не мог никому доверить командования и только сильная воля вождя принуждала ратников к несению службы? Организация всегда была слабым местом сяньби, и влияние цивилизации, видимо, не ослабило эгоистических инстинктов степного народа. Во времена расцвета Хунну в окружении заболевшего вождя, несомненно, нашлись бы толковые офицеры, которые бы довели дело до конца. Но сяньбийские ратники руководствовались элементарными чувствами: они набрали пленных, награбили добычи и хотели увезти все трофеи домой. Типичная психология ландскнехтов или кондотьеров. Вот чему научились сяньбийцы в Китае!

Не лучше были и табгачи, начинавшие братоубийственные смуты для сведения личных счетов, как только их

переставала сдерживать и направлять крепкая рука энергичного хана. Еще хуже были окитаенные хунны и сами китайцы, служившие в войсках обоих соперников. Они отличались от полудивилизованных сяньбийцев лишь пониженными боевыми качествами, и тем не менее управлять своей страной умели только они. Тоба Гуй, отлично знавший способности своих соплеменников, доверил управление завоеванными территориями исключительно конфуцианским грамотеям¹⁴. Это был мудрый шаг, так как неизбежные столкновения между кочевниками и оседлыми земледельцами теперь в какой-то мере амортизировались бюрократической прослойкой, достаточно гибкой для того, чтобы установить *modus vivendi*.

МУЮНЫ ПРОТИВ ТАБГАЧЕЙ

Проиграть битву и утратить талантливое вождя, конечно, тяжело, но и то и другое не означает полного поражения храброго народа и могучего государства. Муюны имели достаточные резервы для отражения наступления Тоба Гуя. Последний не промедлил ни дня. В сентябре 396 г. 400-тысячное табгачское войско двинулось на владения муюнов в северной Шаньси (на Маи) и месяц спустя подошло к крепости Цзиньян (в Бинчжоу).

Наследовавший Муюну Чую Муюн Бао, уже успевший доказать свою бездарность при Сэньхэпо, не сумел организовать сопротивление. Выступившее против табгачей войско было разбито и бежало, китайское население в городах заперло ворота и не пустило беглецов. Очевидно, режим Муюнов был несладок.

Развивая успех, Тоба Гуй пустил свою многочисленную конницу по всем дорогам, старым и новым, на юго-восток, почти не встречая сопротивления. Только в трех крепостях удержались муюнские гарнизоны, но там они сопротивлялись отчаянно и вылазками заставили табгачей отступить от крепости Е. От осады муюнской столицы Чжуншани Тоба Гуй отказался, так как приступ стоил бы ему многих людей, а осада — много хлеба; он предпочел

---

¹⁴ Wieg er, стр. 1199.

поберечь и то и другое и, оставив крепость в тылу, двинулся к Пекину и взял прикрывавшую его крепость Синьду. Муюн Бао решил на крайнюю меру: за сокровища короны и суммы, вырученные от распродажи гарема, он на вербовал в свое войско профессиональных преступников и выпустил их на врага. На берегу р. Хутхэ противники встретились: солдаты-преступники обошли табгачское войско, подожгли лагерь и вызвали замешательство. Но в решающий момент сражения в войске муюнов без всякой видимой причины началась резня. Очевидно, преступники не смогли преодолеть своей природы и схватились с воинами. Тоба Гуй, увидев это, «ударил сбор войск», зажег вне лагеря множество огней, чтобы деморализовать противника, и бросил все наличные войска в сокрушительную атаку. Войско муюнов рассеялось. У Муюна Бао осталось еще 20 тыс. конной гвардии, вполне дисциплинированной и боеспособной, но во время отступления на этот отряд налетел снежный буран, что нередко случается в марте и даже позднее в континентальных районах, примыкающих к Великой степи¹⁵. «Множество ратников от стужи померли»¹⁶, а уцелевшие потеряли боеспособность. Не видя возможности длить сопротивление, Муюн Бао бежал на восток и укрепился в Лунчэне, городе на р. Далинхэ, около Ляодунского залива. Там ему удалось собрать достаточно мощную армию и разбить у Сяциньчай преследовавших его табгачей, которые были «храбры, но не стойки»¹⁷.

Тут, может быть, военное счастье вернуло бы муюнам их державу, но они сами выпустили из рук победу. Муюн Хуэй, пониженный в чине, произвел мятеж, убил нескольких своих братьев, но был схвачен и казнен. Эта сумятица дала возможность Тоба Гую подтянуть свежие войска, разбить князя Муюна Линя и в 397 г. взять Чжуньшань, что сделало его хозяином всей огромной равнины низовий Хуанхэ.

Войска муюнов оказались разрезанными надвое. Ко-

---

¹⁵ Подобную бурю 14 августа 1945 г. наблюдал И. Х. Овдиенко. Она продолжалась всего два часа и не принесла гибели ни людям, ни животным, так как было тепло. Но в марте средняя температура отрицательна (см., И. Х. Овдиенко, Внутренняя Монголия, М., 1954, стр. 25, 30).

¹⁶ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, стр. 176.

¹⁷ W i e g e r, стр. 1202.

ман্দующий гарнизоном Е, Муюн Дэ, по совету прибежавшего к нему разбитого Муюна Линя покинул город, бросив на произвол судьбы китайское население области, и в 398 г. отвел 40 тыс. сяньбийцев с семьями в Шаньдун. Там, в отдалении от противника и от начальства, он объявил себя самостоятельным государем царства Южная Янь и к концу 399 г. подчинил себе весь Шаньдун.

Гораздо хуже сложились дела Муюна Бао, который после своих поражений стал настолько непопулярен, что его хотели убить собственные офицеры. Он бежал было в Шаньдун, но Муюн Дэ его не принял. Бедному императору не осталось места под солнцем. После многих приключений мятежники заманили его в Лунчэн и убили. Его сын Муюн Шэн подавил мятеж, но был вынужден сражаться на востоке с когурезцами. Он умер в 401 г. Сменивший его Муюн Си оказался деспотом и вызвал против себя восстание, принудившее его к бегству. В 407 г. его убил Муюн Юнь, приемный сын Бао, который два года спустя сам погиб при возмущении своего народа, желавшего иметь вождя, способного возглавить сопротивление табгачам. Таким образом, бывшая могучая империя Янь распалась на два слабых царства, сумевших, правда, отстоять свою независимость от табгачского хана, принявшего в 398 г. титул императора Вэй (принято писать Тоба Вэй, или Северная Вэй).

Однако пышный титул не помог Тоба Гую завершить поход, потому что в тылу у него активизировались жужани и весь 399 год ушел на степную войну. Окончилась она для табгачей удачно. Жужани убежали на север от Гоби, а множество телеутов было захвачено в плен и пополнило императорскую конницу. Но эти силы пришлось пустить в ход не для завершения войны против муюнов, а для обороны на юго-западе, где за эти годы произошли важные перемены.

КИТАЙЦЫ И ТИБЕТЦЫ

Казалось бы, после победы при р. Фэй южные китайцы могли, наконец, перейти в широкое наступление на север, тем более что затянувшийся поединок между табгачами и муюнами облегчал им задачу освобождения зе-

мель, захваченных «варварами». Но империя Восточная Цзинь тоже не была монолитной: ее раздирало соперничество северных аристократов, бежавших на юг от победоносных хуннов еще в начале IV в., и южных, местных вельмож. А против тех и других вместе были настроены крестьяне, руководимые отважными вождями даосского направления. Традиции «желтых повязок» на юге еще не угасли. Поэтому китайцы использовали передышку не для накопления сил, а для разрешения внутренних противоречий в своей стране.

При принятом нами аспекте исследования нецелесообразно отвлекать внимание читателей на подробное описание восстаний и мятежей, погубивших династию Цзинь. Достаточно отметить, что с 385 г. власть в империи Цзинь попала в руки родственника императора Сяо У-ди, Сыма Дао-цзы, который правил Южным Китаем как завоеванной страной. Бесчинства, лихоимство и казни вызывали негодование всех слоев населения. В 396 г. Сяо У-ди был задушен одной из своих жен, а против его сына, Ань-ди, вступившего на престол в 397 г., вспыхнули сразу мятеж местных вооруженных сил под предводительством Ван Гуна¹⁸ и крестьянское восстание, руководимое Сунь Таем, последователем учения «пяти доу риса», т. е. даосизма. После гибели Сунь Тая в 398 г. повстанцев возглавил его племянник Сунь Энь, укрывавшийся некоторое время на прибрежных островах и потому названный официальной китайской историографией «пиратом».

Мы не будем проследивать перипетии этой кровавой трехлетней войны, относящейся к истории Китая, а не кочевников. Отметим лишь, что до 404 г. Китай был не способен ни к наступательной, ни к оборонительной войне. Этим положением воспользовался тибетец Яо Син, оккупировавший Лоян и все земли до р. Хуай¹⁹. Этой акцией он восстановил империю своих предшественников — Ши Ху и Фу Цзяня II, но, подобно им, сделал это на свою беду.

До тех пор пока тибетцы сидели в Шэньси, они не вызвали особого интереса у могучего хана Тоба Гуя. Но как только владения обеих империй сомкнулись, стала не-

---

¹⁸ Фамилия Ван принадлежала южнокитайской аристократии. См.: Шан Юэ, Очерки..., стр. 151.

¹⁹ W i e g e r, стр. 1209—1210.

обходимой нормализация отношений. Тоба Гуй предложил Яо Сину дать дочь в жены табгачскому хану (т. е. себе). Тот, зная, что императрицей назначена царевна из фамилии Муюн, сообразил, что его дочь будет просто наложницей, а это поставило бы его и его царство, по понятиям того времени, в подчиненное положение. Он отказался, и в 402 г. между табгачами и тибетцами вспыхнула война, в которой тибетцы потерпели поражение²⁰. Табгачам не удалось развить успех, так как снова выступили жужани, заключившие союз с Яо Сином. Тоба Гуй оттянул войска на север и отразил жужаней, но тем самым потерял инициативу в войне на юге. Это спасло тибетскую империю Цинь.

Однако умный Яо Син понял, что не всякое приобретение территории усиливает государство, и в 405 г. добровольно уступил Южному Китаю двенадцать провинций с китайским населением²¹. Равным образом он решил обезопасить себя с севера, использовав для этого заклятых врагов табгачей — уцелевших хуннов.

„ЗАПАДНЕЕ РЕКИ“

Область оазисов между хребтом Наньшань и пустыней, примыкавшая к излучине Хуанхэ, официально составлявшая царство Поздняя Лян²², носила название, характерное для китайской географии, определявшей местоположение застенных стран по ориентирам, — Хэси, что означало «к западу от реки» (Хуанхэ). Население ее представляло собой конгломерат всех многочисленных племен, населявших в то время долину Желтой реки.

Там оказались сянбийцы из державы Муюнов, бежавшие на запад от кровожадных косоплетов, стройные, узколистые, бородатые тангуты, низкорослые, скуластые кяны (кочевые тибетцы), голубоглазые дисцы из Шэньси, но во главе этого этнического разнообразия в начале V в. встали хунны. Большая часть хуннов, уцелевших после предательского покушения Жань Миня и жестокого раз-

²⁰ Mailla, IV, стр. 525—527.

²¹ Н. Я. Бичурин, История Тибета..., стр. 122.

²² Или Младшая Лян, основанная тангутским полководцем Люй Гуаном в 386 г.

грома Лю Вэйчэня Тоба Гуем, спаслись бегством в Хэси и сплотились вокруг своего единоплеменника Мэн Суня. На западе Хэси граничило с Шаньшанью, на северо-западе — с Гаочаном, колонией китайских военнопоселенцев, осевших в Турфанском оазисе еще со времен династии Хань.

Описанное здесь этническое разнообразие возникло за счет эмигрантов из Северного Китая, где из-за постоянных войн жить было более чем плохо. Беглецы надеялись, что под твердой властью Люй Гуана они смогут вздохнуть полной грудью, но ошиблись. Старый полководец впал в маразм, стал верить доносам и в 397 г. казнил без всякого основания одного из хуннских вождей, хорошего и уважаемого человека. Хунны были не те люди, которые мужественно и стойко умели переносить страдания ближнего. Племянник казненного, Мэн Сунь, собрал соплеменников и предложил им смыть стыд, падавший на семью убитого, и восстановить «хуннские деяния»²³. Хунны схватились за оружие и провозгласили Мэн Суня царем Северной Лян. Через год тангуты были отброшены далеко на запад от Ганьчжоу, захваченного хуннами.

Одновременно, в 397 г. от Люй Гуана отложились сяньбийцы племени туфа (ответвление табгачей), поселившиеся на северных притоках верховий Хуанхэ. Когда в 394 г. победоносный Люй Гуан предложил их хану принять из его рук звучный титул, что, по понятиям того времени, означало вассальную зависимость, тот счел за благо не отвергнуть таковой, объяснив соплеменникам, что это ни его, ни их ни к чему не обязывает. Когда же представился случай, этот хан захватил юго-восточную часть Хэси и все верховья Хуанхэ, подчинив себе обитавших там тибетцев, тангутов и китайцев, до границы с сяньбийским царством Цифу Гожаня — Западная Цинь. Это сяньбийское княжество получило название Южная Лян и столицу имело в Лоду, близ Синина.

Огорченный неудачами, Люй Гуан отрекся от престола в пользу своего сына и в 399 г. умер. Немедленно началась борьба за власть. Тангутские принцы и вельможи, вместо того чтобы защищать страну, стали предательски убивать друг друга. Воспользовавшись смутами, китаец Ли Хао, бывший правителем в Дуньхуане, отде-

---

²³ W i e g e r, стр. 1207.

лился и основал собственное княжество — Западная Лян. В 401 г. тибетцы из империи Младшая Цинь совершили поход в Хэси и, захватив последнего тангутского князька, запятнанного многими преступлениями, увезли его в Чанъань на смерть. Земли Поздней Лян занял хуннский вождь Мэн Сунь, создав новое хуннское государство Хэси, где правил под титулом цзюйкюй. Это государство получило у ученых-буддистов название «бриллианта северных стран» за то, что хунны из поколения в поколение покровительствовали наукам. Основатель династии, Мэн Сунь, обладал такими глубокими познаниями в области истории и астрономии и таким острым умом, что его современники полагали эти качества «неестественными для человека». Столица Хэси — Лянчжоу по блеску культуры соперничала с Цзяньканом (Нанкином) — столицей Южного Китая. И надо не забывать, что Мэн Сунь был потомком тех одетых в овчины «варваров», которые за 650 лет до того провозгласили шаньюем отцеубийцу Модэ. При этом хуннам удалось сохранить военную доблесть, на что указывает их геройское и длительное сопротивление дикой храбрости табгачских косоплетов.

В V в. решалась идеологическая судьба Восточной Азии: наступал буддизм. Всюду это учение встречало ожесточенное сопротивление. В Китае против буддийской проповеди совместно боролись недавние злейшие враги — конфуцианцы и даосы. В Западном крае с буддизмом соперничало манихейство; в Тибете царила религия бон. Тоба Гуй приблизил к себе даосов²⁴ и стал врагом буддизма. Зато у цзюйкюев и тибетских царей Младшей Цинь²⁵ бритоголовые монахи находили приют и полную поддержку. При дворе последних хуннов китайская, индийская и степная культуры чуть было не слились воедино.

Но не надо забывать, что в начале V в. были еще хунны, совсем не похожие на соратников Мэн Суня. Они улучили момент и громко сказали свое слово, на время изменив ход истории.

---

²⁴ *Ibid.*, стр. 1209.

²⁵ *Ibid.*, стр. 1225.

После резни, учиненной Тоба Гуем в Ордосе в 391 г., казалось, что для возрождения хуннской независимости нет никаких предпосылок. Единственный из сыновей Лю Вэйчэня, не погибший под табгачскими мечами, Хэлянь Бобо, нашел приют у Яо Сина. Это был человек умный и ловкий, высокого роста и крепкого сложения, что позволяло ему держаться гордо и решительно, потому что окружавших его людей физическая сила и храбрость очаровывали больше, чем образованность и хорошие манеры. Кстати, Хэлянь Бобо, то спасаясь, то воюя, не успел получить ни того, ни другого, но безграмотность не принесла ему ни малейшего ущерба. Он показал себя хорошим воином, неплохим правителем области. Яо Син очень любил советоваться с ним, и даже дал ему высокий чин в империи, несмотря на предостережения своего брата, не доверявшего чужеземцу.

Хэлянь Бобо, чувствуя шаткость занимаемого им положения, покинул двор Яо Сина и перешел на левый берег Хуанхэ, причем к нему примкнули 20 тыс. его соотечественников²⁶. Это все, что сообщает источник, и надо сказать, что сведения эти скудны. Мы не можем решить: было ли это движение стихийным или это был продуманный заговор? Но так или иначе, на западном берегу Хуанхэ в 407 г. воссоздалась хуннская держава, состоявшая из добровольцев, твердо решивших вернуть себе родные степи и жить там, не имея нужды пресмыкаться перед чужими царями. Эта программа выразилась в выборе названия династии—китайской традиции, усвоенной всеми иноплеменниками, жившими в то время в Китае. Хэлянь Бобо назвал свою державу Ся, показывая, что он отвергает всю собственно китайскую цивилизацию, поскольку сами хунны считали себя потомками последнего принца этой династии, Шун Вэя, изгнанного из Китая в степи в XVIII в. до н. э.²⁷

Для самих китайцев, а равно и тангутов (ди) и тибетцев, название Ся было одиозно, как синоним дикости, бродячей, охотничьей жизни и свирепости, хотя основа-

---

²⁶ Mailla, IV, стр. 546.

²⁷ См.: Л. Н. Гумилев, Хунну, стр. 12—14.

телем династии считался великий Юй, первый мелиоратор Китая. Но Хэлянь Бобо и его соратники мечтали именно о дикой воле и так натерпелись бед от соседей, что сами щадить никого не собирались. Не задумываясь, они порвали союз с тибетцами и покорили сяньбийские кочевья на юге Ордоса, выгнав тибетцев за линию китайской стены. Завоеванные сяньбийцы пополнили хуннскую армию десятью тысячами всадников.

В отличие от других кочевых вождей, стремившихся завести крепости, придворных и китайскую роскошь, Хэлянь Бобо заявил: «Мы пропадем, если запремся в каком-нибудь городе. Будем носиться, как ветер степной, кидаюсь на голову врага, если он бережет хвост, нападая на хвост, когда он прячет голову. Утомим и изнурим их, и через десять лет весь Север будет наш. Вот умрет Яо Син, сын которого туп, и тогда я возьму Чанъань»²⁸.

Но еще до этого Хэлянь Бобо совершил набег на Южную Лян, князь которой, Туфа Жутань, отказался выдать свою дочь за хуннского вождя. Разумеется, это был предлог, а на самом деле Хэлянь Бобо округлял свои границы. Он одержал полную победу, имея всего 20 тыс. всадников против 70 тыс. сяньбийцев, и озаменовал ее тем, что велел сложить башню из костей убитых врагов. Это произвело на всех его соседей весьма сильное впечатление.

Яо Син решил воспользоваться войной хуннов с сяньбийцами, для того чтобы покончить и с теми и с другими. В 408 г. он двинул две армии по 30 тыс. человек: одну на Жутаня, другую — на Хэлянь Бобо. Обе были разбиты наголову²⁹.

Продолжая войну против тибетцев, Хэлянь Бобо в 411 г. перешел китайскую стену, одержал несколько небольших побед и привлек на свою сторону войска разбитых им циньских командиров. Это был самый важный для него результат, так как воины были его главным достоянием, а добычу — плату за службу они добывали себе сами. Дальнейшее продвижение на юг было ненужным и опасным, так как империя Цинь была еще достаточно сильна. Поэтому Хэлянь Бобо ограничился тем, что оккупировал восточный Ордос и воссоздал государство своего отца, Лю Вэйчэня.

---

²⁸ W i e g e r, стр. 1228.

²⁹ M a i l l a, IV, стр. 548.

Судьба играла ему на руку: в 409 г. могучий и страшный император Вэй, Тоба Гуй, был убит собственным сыном и возникшие при этом беспорядки, связанные с поимкой и казнью убийцы, лишили табгачей возможности выступить против хуннов. А когда следующий хан и император, Тоба Сэ, навел порядок дома, начинать войну было уже поздно, ибо Хэлянь Бобо успел к ней приготовиться.

Итак, почти одновременно рядом воссоздались два хуннских государства, но до чего же они были непохожи друг на друга! В Хэси кристаллизовалась веками накопленная культура, чуткость к чужим мыслям, восприимчивость, не убивающая собственной неповторимости. В Ордосе — грубая сила, дикая жестокость, полное неприятие любой интеллектуальной стихии, в том числе и своей древней традиции. И нельзя сказать, что Хэлянь Бобо был оригинален. Его держава была сколком с жужаньского каганата и, подобно последнему, вобрала в себя разноэтничные элементы, головорезов, готовых служить под знаменем удачливого атамана. Но жужани имели в своем распоряжении бескрайние просторы Великой степи и прикрывавшую их пустыню Гоби, а хунны были зажаты в маленьком Ордосе, и вся их надежда была на то, что они раньше успеют разгромить соседей, чем те их. Вскоре мы увидим, оправдалась ли эта надежда.

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

А теперь, прежде чем проследивать ход событий дальше, следует ответить на вопрос: какой смысл в перечислении бесконечных убийств и насилий, измен и предательств, расправ над беззащитными и бегств от умеющих сражаться? Ведь за весь окровавленный IV век картина событий становилась все более безотрадней и все описанные нами исторические персоны погибли, «не бросивши векам ни мысли плодovitой, ни гением начатого труда». Да стоит ли такая эпоха внимания историка?

Стоит, и даже очень, ибо мрачные столетия в истории столь же закономерны, как и расцветы культур, и золотые осени цивилизаций. Иногда это болезни роста, иногда — тяжелые спазмы кризисов, а иногда — противо-

естественные совмещения разнородных элементов. Именно последнее наблюдаем мы, не случайно назвав при описании исходного положения процесса «варварские державы» на рубеже Китая и Великой степи — этнокультурными химерами. Пока они находились в латентном состоянии, необходимость уживаться друг с другом стимулировала силы сцепления, но как только они выходили на широкую историческую арену, как только военный успех соединял в одно целое еще большее число разнородных этнических элементов — система разваливалась, как бы от собственной тяжести, принося гибель в первую очередь инициатору объединения. Так, попытка хуннских шаньюев объединить под властью империи Лю Хань (304—328) хуннов, кулов и китайцев вызвала заговор Цзинь Чжуна и гражданскую войну, ознаменованную расправами Ши Лэ и Ши Ху. Империя Чжао стала жертвой принятого в семью Ши китайца Жань Миня, провозгласившего геноцид. Фу Цзянь пытался милостью и щедростью купить сердца побежденных противников — его предали и убили. Муюн Чуй хотел добиться свободы своего народа, но, как только он умер, его родственники предпочли убийство друг друга обороне от врага... и государство развалилось на две части. Хунны, найдя у тибетской империи Младшая Цинь защиту от табгачей, улучили момент, чтобы покинуть приютивших их друзей.

И наконец, относительно небольшое тангутское княжество Младшая Лян распалось на сяньбийскую, хуннскую и китайскую части, ставшие суверенными государствами. Даже победоносное табгачское ханство, став империей. Северная Вэй, потеряло все степи, из которых пришли в Китай их предки, и с трудом завоеванный Ордос, удержав только отнятые у муюнов земли в Хэбэе и Шаньси, да и то потому, что эти территории у них в этот момент некому было оспаривать.

Все это было так, но разве эта дифференциация не есть след направленного процесса? Ведь дробление империй было не случайным! Оно шло по строго соблюдавшемуся этническому принципу. Племена, заброшенные исторической судьбой в чужую страну, неуклонно, хотя и стихийно, обособлялись друг от друга. Они не могли жить в химерных системах и добивались взаимной изоляции, жертвуя жизнью своей и чужой. К 410 г. в бассейне

Хуанхэ и в предгорьях Наньшаня оказалось десять³⁰ небольших и слабых племенных держав, деливших между собой господство над китайским населением, многочисленным, но, увы, не способным добиться свободы. Та же картина была в Южном Китае, где северные аристократы-пришельцы боролись с южными, а даосы вели крестьян на засевших в городах чиновных конфуцианцев. И ведь что интересно: каждая этническая группа находила в себе силы для самообороны от более сильного противника. Исключение составили только тангуты, которые пали первыми в 394 г., но это исключение подтверждает правило. Как мы увидим, за тангутами последовали все остальные.

На первый взгляд может показаться странным, что, много останавливаясь на этническом и менее подробно — на культурном моментах, мы почти не касались социальной эволюции. Но и это не случайно. Для того чтобы общество могло заметно эволюционировать, нужно время, большее чем жизнь одного поколения, а все державы IV в. оказались мотыльками. Соратники основателей держав Лю-Хань, Старшая и Младшая Чжао, Великая Цинь, Младшая Цинь и Младшая Янь, не говоря о малых княжествах, в лучшем случае успевали умереть естественной смертью, оставив в наследство детям (даже не внукам) более или менее мучительную агонию. Поэтому все без исключения ограничивались тем, что для собственного употребления пытались сохранить остатки родовых традиций, а для покоренного населения использовали китайскую систему бюрократического управления, а китайцев в качестве чиновников. Поэтому китайские грамотеи имели сносные условия существования и сохранили культурную традицию, хотя и смешались со своими завоевателями, перенимая у них нравы, обычаи и воззрения, как, впрочем, и те у китайцев.

Надо сказать, что аналогичный процесс с перестановкой слагаемых шел и в Южном Китае. Там господами были китайцы, а местное население, принадлежавшее к тибето-бирманской, тайской и даже малайской (юе)

---

³⁰ С запада на восток: Си Лян, Бэй Лян, Нань Лян, Тогон, Ся, Си Цинь, Хоу Цинь, Бэй Вэй, Бэй Янь, Нань Янь; одиннадцатая — Жужаньский каганат в степи, но это особый вариант, разобранный нами в книге «Древние тюрки».

группам, — подчиненными, но это не мешало им смешиваться. В результате древний ханьский этнос раздвоился, с тем чтобы дать начало северокитайскому и южнокитайскому этносам. Этот процесс занял еще более ста лет, и поэтому мы не будем забегать вперед, отметив только, что в событиях V в. расхождение начало давать себя чувствовать.

Итак, отсутствие анализа эволюции общественных отношений в IV в. не есть плод нашего невнимания к предмету, а следствие того факта, что мы наблюдаем не единый социальный процесс, а серию оборванных процессов, не связанных между собой генетически.

Тем не менее рассматривать описываемую здесь эпопею как цепь случайностей уж вовсе неверно. Как было показано выше, стержнем антагонистических противоречий оказался этнический принцип, но он же связывал все население долины Хуанхэ и предгорий Наньшаня в один комплекс, который можно определить как суперэтнос. По существу это была древняя степная культура восточной Евразии, сдвинутая на юг временной аридизацией климата. Раньше, в Великой степи эта культура была тоже полиэтнична, но до II в. она была политически организована хуннами, а затем втянула в свою орбиту земли Северного Китая. Там племена набрали силу, вследствие чего державы ослабли. Этот тезис кажется парадоксальным, но рассмотрим общий механизм процесса.

Уподобим мощь политической системы (государства, орды, племенного союза) скорости движения физического тела. Известно, что скорость зависит не только от приложения тех или иных сил, но и от их направлений (векторов). Поэтому приложение многих сил (в нашем случае — десяти), направленных в разные стороны, ведет к взаимопогашению, а следовательно — замедлению движения. И наоборот, уменьшение числа приложенных сил вызывает ускорение, так как убран ряд помех. Итак, величина приложенной энергии и эффект движения не всегда совпадают, что мы и наблюдаем в нашем случае.

При натуральном хозяйстве и кочевом быте сила системы определяется числом верных и храбрых воинов. Как мы видели, с верностью дело обстояло плохо. Никто не хотел добросовестно сражаться за чужого государя, а когда его к тому вынуждали — предавал и дезертировал. Сложение десяти государств было кульминацией

этого процесса, ибо дальше делиться было некуда. Теперь выступила на первое место храбрость; должен был пойти процесс интеграции за счет уничтожения храбрых противников и подчинения вялых, предпочитавших покорность гибели. Так оно и пошло—это мы увидим ниже.

Итак, мы работали недаром, так как путем кропотливого сопоставления, казалось бы, неважных и случайных событий уловили закономерность варианта исторического становления и этногенеза. Более того, уясненный на частном случае механизм этногенеза в зоне этнического контакта, очевидно, имеет место в аналогичных ситуациях, каковые за историческое время, т. е. около пяти тысяч лет, встречаются неоднократно. Поэтому имеет смысл проследить ход событий дальше, до их естественного завершения, даже утрудив себя запоминанием непривычных географических названий и трудных имен³¹.

---

³¹ Хунны и сяньби носили свои тюркские и монгольские имена. Например, Лю Вэйчэнь — *geyici*, т. е. «гость» или чужеземец; Лю Сян — *subag*, «чубарый» (масть коня). Встречаются звериные имена: *laci* — сокол. Но в историю вошли китайские имена, очевидно носившиеся параллельно. К сожалению, принятое чтение китайских имен базируется на фонетике языка, современного нам, а не событиям. Это осложняет лингвистический анализ этнонимов. Но поскольку мы ставим в данной работе задачи не филологические, а этнологические, то на наши выводы отсутствие правильной транскрипции не влияет.

ТРИ ЦВЕТА ПЛАМЕНИ

УГАСАНИЕ

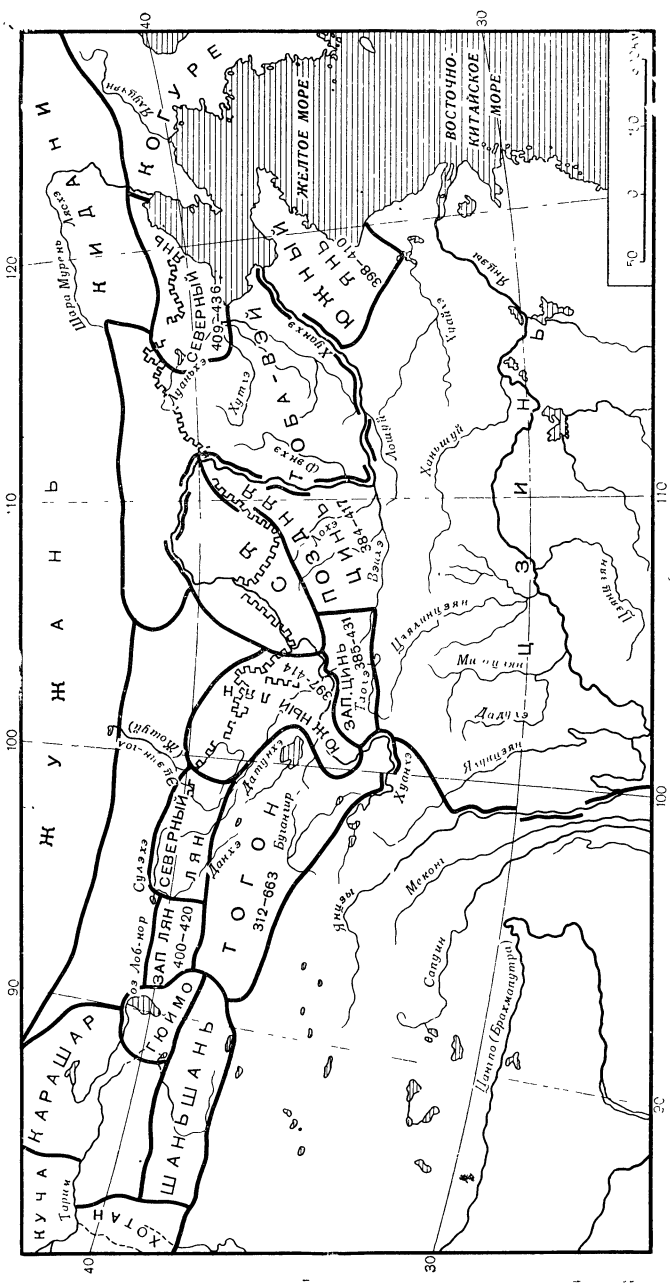
Известно, что наивысший накал дает белое пламя, но при понижении температуры в нем можно различить оттенки спектра: красный горячий огонь, желтое спящее зарево и синие огоньки на догорающих углях. Воспользуемся этим образом для иллюстрации того, что нам надлежит изучить.

Не спеша, с подробностями отметим основное направление процесса. В бассейне Хуанхэ было в 386 г. восемь царств, в 400 г. — девять, в 415 г. — семь, в 425 г. — три и к 440 г. осталось две империи: Северная и Южная, делившие между собой Китай¹. Правда, в принятом нами ракурсе следует добавить хуннское княжество, отодвинутое далеко на запад, к Тяньшаню, потому что оно, несмотря на свои размеры, было плодом того самого процесса упрощения, или угасания, а точнее — «угашения», государств. Этот процесс отнюдь не был консолидацией племен в народ. Уничтожение самостоятельности было, как правило, связано с резней мужчин и продажей в рабство женщин и детей. Хотя по уровню истребительной техники того времени кое-кто из побежденных оставался в живых, но под новой властью им всегда было не сладко, и все же процесс шел с многочисленными вариациями, ибо каждому было предоставлено несравненное право самому выбирать себе смерть.

Чтобы нам было легче ориентироваться, попробуем применить цветовые обозначения, как это делали древние китайцы. Красный цвет — стихия огня — был выражением ханьской традиции, сохраненной в Южном Китае; желтый — стихия Земли — был принят Тоба Гум

---

¹ W i e g e r, стр. 1186.

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

120

110

100

90

Ж У Ж А Н Ь

для новой империи Вэй, созданной силами табгачей в Северном Китае²; синий³ — стихия растительности — всегда был цветом тюркоязычных племен, в интересующее нас время — хуннов. Это те — которые уцелели, а как исчезли прочие — посмотрим.

ГИБЕЛЬ МУЮНОВ

Положение северной ветви Муюнов было незавидно. Им подчинялась небольшая область около Ляодунского залива с городами Ги (Пекин) и Лунчэн (столица царства). Степные пространства Западной Маньчжурии подчинили себе жужани, а Ляодун захватило корейское царство Когурё. Но еще хуже было, что во главе царства оказался Муюн Си, не просто самодур, а самодур, влюбленный в свою жену. В 404 г. ради ее удовольствия он устроил грандиозную облавную охоту в горах, во время которой от морозов погибло около 5 тыс. воинов (загонщиков), не обеспеченных одеждой и пищей⁴.

Подобные «забавы» сделали его слишком мало популярным в народе, чем воспользовался один из его придворных, китайский авантюрист Фэн Ба, постоянный собутыльник царя. В 407 г. скончалась царица, и Муюн Си пошел за ее гробом на кладбище пешком, а было далеко, больше 20 ли. Пока шли похороны, Фэн Ба возмутил население столицы и возвел на престол приемыша Муюнов, Гао Юня. Вернувшийся Муюн Си не был впущен домой и убит в схватке. Фэн Ба стал во главе армии. В 409 г. два гвардейца почему-то убили Гао Юня. Фэн Ба казнил их, сел на престол сам и объявил, что его царство называется Северная Янь. В 412 г. он заключил союз с Жужаньским каганатом⁵ и империей Цзинь, обещавшей ему помощь против табгачской империи Северная Вэй. Впрочем, табгачи были заняты на западе и севере войной с хуннами и жужанями. Это дало новому китайскому царству 20 лет покоя.

---

² Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 177.

³ Точнее: сине-зеленый, по-тюркски — «кок»; цвет и неба и травы.

⁴ W i e g e r (стр. 1225) приводит сведения о том, что многие из погибших были растерзаны тиграми и волками.

⁵ W i e g e r, стр. 1246.

Таким образом, Фэн Ба осуществил то, к чему безуспешно стремились Цзинь Чжун и Жань Мин. Он своими силами освободил китайское население Хэбэя от «варваров». Это удалось благодаря полному разложению правящей ветви Муюнов, проявившемуся в безответственном поведении последнего царя. Пожалуй, не стоит осуждать боевого генерала Муюна Дэ, который предпочел сидеть в Шаньдуне и не связываться со своими северными родственниками. Он-то их хорошо знал!

Однако как только царство Южная Янь осталось одиноким, племянник и наследник Муюна Дэ, скончавшегося в 405 г., Муюн Чао, оказался беззащитным соседом Южного Китая, где военачальник Лю Юй в 409 г. получил императорское разрешение вернуть Китаю Шаньдун. Флотилия легких судов вышла из устья Янцзы и вошла в р. Хуай, везя продовольствие для китайской армии, смело углубившейся в Шаньдун. В горной части полуострова китайцев встретили 40 тыс. сяньбийской конницы, но сражение осталось нерешенным. Тогда китайцы совершили глубокий обход в тыл сяньбийцев, распуслав слух, что это идет новая армия, высадившаяся на морском берегу. Сяньбийцы потеряли надежду на победу и в панике рассеялись. Китайцы беспощадно убивали бегущих врагов. Муюн Чао был осажден в цитадели своей столицы, где начал свирепствовать голод. Потерявшие голову осажденные открыли ворота китайцам, надеясь на пощаду, но не получили ее. Лю Юй велел отрубить головы всем защитникам крепости — трем тысячам сяньбийцев, знатным и простым⁶, а Муюн Чао был отослан в цепях в Цзянькан и там обезглавлен по приказу императора в 410 г. Муюнов больше не осталось.

КОНЕЦ ЮЖНОЙ ЛЯН

Дальнейшее наступление китайцев на север было задержано новыми смутами на юге. В то время когда победоносный Лю Юй наладил управление в освобожденном Шаньдуне, около Цзянькана вспыхнул мятеж для низвержения династии Цзинь, которая изрядно надоела

---

⁶ *I b i d.*, стр. 1239.

южным китайцам. Лю Юй успел вернуться с войском, состоявшим из ветеранов. Мятеж был подавлен⁷, но темп наступления на «варваров» потерян. Следующий мятеж вспыхнул и был подавлен в 412 г.⁸. Цзиньское правительство было вынуждено убивать собственных солдат и полководцев, что продлевало существование его северных соседей. Однако последние воспользовались передышкой только для взаимоистребления.

Маленькое царство Южная Лян включало в себя много сяньбийских орд, состоявших, в свою очередь, из разных племен. Хотя сяньбийцы говорили на одном языке, они не составляли единого этноса, так как родо-племенные связи значили больше, чем лингвистическое сходство. В 414 г. несколько орд восстали против главенствующего племени туфа. Царь Южной Лян двинулся с 7 тыс. конницы против повстанцев, оставив столицу на попечение своего сына. Этим воспользовался глава сяньбийцев царства Западная Цинь, Чжипань. Собрав 20 тыс. конницы, он захватил столицу Южной Лян. Из города спасся бегством только племянник царя, Фань Ни, который сообщил дяде о происшедшем. Видя, что все потеряно, царь распустил свое маленькое войско и сдался Чжипаню. Тот принял его с почетом и через год... отравил. Фань Ни собрал своих соплеменников и увел их на запад, во владения хуннского князя Мэн Суня, который принял беглецов гостеприимно⁹.

Кому на пользу пошла эта трагедия? Да вроде бы никому! Победители поживились добычей и потешились расправой над пленными, но приобретенные земли они не могли освоить из-за своей малочисленности. Мятежные племена не добились свободы, а только сменили господина на более сильного и крутого. Против Чжипаня бунтовать было неповадно. Хунны рассчитывали усилить свое войско сяньбийскими пришельцами, а на самом деле разбавили свой, и без того немногочисленный, этнос чужаками, что на пользу делу не пошло. А уцелевшие члены племени туфа крепко держались друг за друга, не теряя надежды найти себе место под солнцем.

---

⁷ Вождь восставших, спасавшийся на джонке, утонул; его труп был выловлен, обезглавлен и привезен в столицу для демонстрации.

⁸ Вождь восставших, Лю И, пытался укрыться в буддийском монастыре, был выгнан монахами и в отчаянии повесился.

⁹ Н. Я. Бичурин, История Тибета..., стр. 125.

Единственный, кому при этом повезло, был Тогон, отделенный от Южной Лян князьями Наньшаня. Это маленькое государство жило в вечном страхе вторжения с севера. Поэтому опустошение соседней территории было ему на руку. Тогонский князь Ачай, вступивший на престол в 417 г., начал завоевания окрестных малых владений кянов и ди еще при жизни своего старшего брата, Шулоганя¹⁰. Он включил в свои владения «песчаную страну» (Шачжоу) севернее Кукунора (около совр. г. Гаотая)¹¹, чем округлил границы Тогонского царства и сделал его обороноспособным. Последнее обстоятельство вскоре сыграло свою роль.

Уяснить причины гибели дотолы крепкой Южной Лян можно не мудрствуя лукаво. В 407—408 гг. племя туфа отразило хуннский и тибетский набеги, но потеряло много ветеранов. Молодежь, пополнившая ряды войска, оказалась менее стойкой и рассыпалась при первой же неудаче. Наиболее мужественные собрались вокруг князя Фань Ни, но для продолжения войны их было мало. Зато они породили крепких детей, роль которых в истории была поистине грандиозна. О ней мы скажем ниже, пока лишь отметим, что описанное здесь событие только кажется мизерным, а на самом деле было очень важным.

КОНЕЦ МЛАДШЕЙ ЦИНЬ

В начале 416 г. в столицу Южного Китая — Цзянькан пришла весть, что умный и волевой тибетский царь Яо Син скончался, оставив престол Цинь бездарному Яо Хуну. Поскольку Лю Юй справедливо полагал, что он навел у себя на родине достаточный порядок, он счел момент удобным для возвращения Китаю древних столиц — Лояна и Чанъани, а также изгнания «варваров» с китайской земли. Лю Юй нашел подходящего союзника. Дисское княжество Уду, расположенное в южной Шэньси¹²,

¹⁰ Там же, стр. 78.

¹¹ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Описание путешествия в Западный Китай, М., 1948, стр. 384—385.

¹² Центром этого царства было плоскогорье Чэучи (совр. Лунмэньшань); на Север оно простиралось до Циньчжоу и Цишань (ныне — Фэнсянфу), на Восток — до Ханьчжунфу и на Юг — до Ляньчжоу (см.: Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия, II, стр. 191).

дотоле находившееся в союзе с тибетцами, в 396 г. перешло на сторону Китая и в 416 г. выступило против царства Поздняя Цинь¹³. Впрочем, оно сделало это не раньше, чем двинулась в поход китайская армия.

Основной удар китайцев был направлен через равнину р. Хуай, а затем через долину р. Ло — на Лоян. Наступление велось тремя колоннами, для поддержки которых была послана флотилия речных судов. По малым рекам ее переправили в Хуанхэ.

Комендант Лояна запросил помощь из Чанъани. Однако китайцы встретили вспомогательную тибетскую армию и разбили ее наголову, после чего Лоян сдался без боя. Четыре тысячи пленных были отпущены на свободу, и многие из них вступили в ряды императорской армии¹⁴. Это указывает на то, что популярность тибетской династии упала, даже еще быстрее, чем тангутской. Взятием Лояна закончилась кампания 416 г. Тибетцы не пошли в контрнаступление, так как Уду активизировалось, заняло Цишань и связало их силы, которые пришлось использовать для защиты западной границы.

Весной 417 г. китайцы возобновили наступление и прошли через проход Тунгуань в долину р. Вэй (Шэньси). Три тибетские армии, пытавшиеся их задержать, были разбиты одна за другой. Тем временем подошел речной флот, который, по мысли Лю Юя, должен был проплыть по Хуанхэ и подняться по р. Вэй от устья до Чанъани. Поскольку северный берег Хуанхэ находился в империи Тоба-Вэй, Лю Юй послал к табгачскому хану Тоба Сэ посольство с просьбой пропустить китайские войска через табгачскую территорию. Но китайские послы застали у Тоба Сэ тибетское посольство, просившее помощи против Китая. Совет табгачских старейшин высказался в пользу тибетцев, связанных с их ханством династическим браком. Поэтому Тоба Сэ не только отказал китайцам, но выслал на берег Хуанхэ наблюдательный корпус из 30 тыс. всадников. Те шли по степи, примыкавшей к реке, следя за движением китайской флотилии. Когда течение прибывало джонку к северному берегу, табгачи убивали гребцов и грабили багаж, а при попытках китайцев завязать бой отходили в степь. Тогда Лю

---

¹³ Н. Я. Бичурин, История Тибета..., стр. 102.

¹⁴ Wiegert, стр. 1248; Mailla, IV, стр. 579.

Юй приказал построить на северном берегу передвижную крепостицу, которая бы прикрывала движение флота. Под покровом ночи ее поставили на телеги, снабдили гарнизоном из 2 тыс. арбалетчиков и небольшими катапультами. Утром табгачи напали на этот форт и потерпели страшный урон, причем погиб даже полководец. После этого китайский флот беспрепятственно вошел в устье р. Вэй и направился к Чанъани, куда уже подходили сухопутные войска.

Яо Хун собрал последние силы и напал на китайскую сухопутную армию, но потерпел жестокое поражение и бежал в Чанъань, около которой успел высадиться китайский десант. После высадки Лю Юй приказал обрубить якорные канаты, и лодки унесло течением. Воинам, лишенным пищи и одежды, было предложено добыть то и другое, взяв город, либо сложить головы, ибо третьего выхода не было¹⁵.

Осознав безысходность своего положения, китайские воины с такой яростью бросились на врага, что сразу рассеяли тибетцев, прикрывавших подступы к столице. Победители ворвались в город, и Яо Хун решил сдаться. Его одиннадцатилетний сын умолял отца не надеяться на милость врага, а погибнуть, сражаясь, но Яо Хун, спокойно посылавший своих соплеменников в сечу, отдался в руки китайцев со всеми женами и детьми, за исключением того храброго мальчика, который бросился с высокой террасы дворца и разбился насмерть. Яо Хуна не спасла трусость; препровожденный с царским почетом в Цзянькан, он был там обезглавлен как мятежник.

Южнокитайские солдаты с лихвой вознаградили себя за понесенные трудности похода. Не только дворец, но и весь город были разграблены беспощадно. При этом равно пострадали тибетцы и местные китайцы. Радость последних по случаю освобождения от тибетского ига сменилась испугом. Но тут произошло то, что не могло не произойти: армия Лю Юя потеряла боеспособность! Лю Юю было ясно, что надо закончить завоевание Шэньси, но его офицеры ответили: «нет!». Они были сыты войной и хотели только увезти домой награбленное имущество. К тому же в Цзянькане умер единственный искренний друг Лю Юя, которому тот доверил блюсти свои интере-

---

¹⁵ Wieg er, стр. 1251; Ma ill a, IV, стр. 583.

сы в столице. Поэтому поход пришлось закончить, и Лю Юй повел войска назад, оставив в Чанъани сильный гарнизон, а прочая часть бывшего тибетского царства была предоставлена своей судьбе. Лю Юй считал, что это царство не воскреснет, и оказался прав. Но многого другого он не учел, иначе не доверил бы командование оккупационной армией своему юному сыну Лю И-чжэню, легкомысленному и неспособному справиться с задачей, оказавшейся сверхсложной.

СИНЕЕ И КРАСНОЕ

Хуннский вождь Хэлянь Бобо, сидя в безопасном Ордосе, спокойно наблюдал за гибелью тибетской державы. Он знал, что эти земли легче завоевать, чем удержать. Хуннский вождь копил коней и людей, понемногу передвигая свои кочевья от китайской стены на северные притоки р. Вэй. Он не отказался заключить с Лю Юем договор о братской дружбе, зная, чего стоят политические заверения китайцев, да и сам не придавал значения обещаниям. Как только Лю Юй отбыл на юг, Хэлянь Бобо занял проходы в Шэньси и послал своего сына Хэлянь Гуя с 20 тыс. всадников против чанъаньского гарнизона. Весной 418 г. хуннские всадники вступили в многострадальную долину р. Вэй и были встречены ее обитателями как избавители. С одной стороны, это объясняется тем, что обывателям надо было спасти жизнь, а с другой — тем впечатлением, которое произвела китайская армия на население освобожденной ею страны.

А в самой Чанъани было крайне неблагоприятно. Старая вражда между «северянами» — потомками эмигрантов из Северного Китая и «южанами» — местными жителями Южного Китая проявилась в формах, слишком острых для того, чтобы они могли совместно действовать против неприятеля. Один из генералов необдуманно высмеял другого; тот вызвал его на совещание и убил; Лю И-чжэнь казнил убийцу... и остался без помощников. Южане оклеветали верного советника-северянина: Лю И-чжэнь казнил и его, после чего северяне разбежались, предоставив южанам оборонять город. А местные жители целиком перешли на сторону хуннов. Они

уже привыкли жить в контакте с кочевниками, и подлинно китайские порядки приводили их в ужас. Хэлянь Бобо осадил Чанъань.

Как только Лю Юй получил известие о происшедшем, он послал сыну приказ оставить небольшой гарнизон в Чанъани и быстро уходить на восток, в Хэнань, отнюдь не отягощая себя добычей. Однако тот собрал что мог, еще раз ограбив жителей города, нагрузил телеги награбленным добром, посадил на них мальчиков и девочек, набранных для его забав, и повел домой целый обоз, приказав последним верным офицерам прикрывать арьергард. Естественно, обоз тянулся медленно, а хунны кружили вокруг него. Сначала они изнурили прикрытие и взяли в плен уцелевших бойцов, а потом обрушились на головную часть каравана.

Лю И-чжэнь успел скрыться в придорожном кустарнике, где его подобрал на круп своего коня китайский всадник и увез с поля боя, точнее — разгрома. Изtrupов убитых китайцев хунны сложили пирамиду.

Как только в Чанъань дошла весть об уничтожении оккупационной армии, население поднялось и выгнало из города китайский гарнизон, который, уходя, поджег царский дворец. Хунны догнали уходящих китайцев и перебили их.

Хэлянь Бобо совершил торжественный въезд в Чанъань, устроил пир для своих воевод и объявил себя императором. Но, степной кочевник, он не любил городской жизни и вернулся в родной Ордос, оставив наместником одного из своих сыновей.

Потеря Чанъани вызвала в Южном Китае взрыв негодования против правительства¹⁶. Императора Ань-ди удавили и заменили его братом, который, страшась за свою жизнь, отказался от престола в пользу Лю Юя. Тот принял власть, которой фактически уже обладал, и в 420 г. в Южном Китае была торжественно провозглашена новая династия — Сун, обычно во избежание путаницы именуемая Лю-Сун.

Казалось бы, ответственность за катастрофу должен был нести полководец, бросивший армию, а не император, сидевший дома, но китайцы знали что к чему. Вспомним о борьбе «северян», возглавлявшихся фамилией Сы-

---

¹⁶ Н. Cordier, стр. 325.

ма, и «южан», к числу коих принадлежал Лю Юй. Последние возложили вину за поражение на тех «северян», которые покинули знамя и разбежались, страшась собственного военачальника — Лю И-чжэня, хотя именно он несправедливыми казнями их к этому принудил. Но на роль полководца внимания не обратили, потому что появился повод покончить с непопулярной династией. Это Лю Юй и сделал, завершив переворот тем, что без зазрения совести организовал убийство отрекшегося в его пользу последнего императора Цзинь — Гун-ди. Несчастный прожил после отречения всего один год.

КОНЕЦ ЗАПАДНОЙ ЛЯН

Прежде чем анализировать события, приведшие к падению династии Цзинь, бросим взгляд на запад, в предгорья Наньшаня, где шел тот же процесс упрощения, хотя и в меньших масштабах. Царь Северной Лян, цзюй-кюй (старинный хуннский титул) Мэн Сунь воспользовался разгромом Южной Лян, чтобы округлить свои владения, и совершил поход на Восток, где вытеснил сяньбийцев Западной Цинь из захваченных ими земель Южной Лян. Его отсутствием решил воспользоваться царь Западной Лян (столица в Сучжоу), китаец Ли Синь. Напрасно мать и советники отговаривали его, напоминая, что хуннский князь не сделал ему ничего плохого. Юный китаец сгорал от жажды завоеваний. В 420 г. он, собрав 30 тыс. воинов, двинулся на запад, был разбит вернувшимся из восточного похода Мэн Сунем и пал в бою. Мэн Сунь вступил в Цзюцюань (совр. Сучжоу), запретив своим войскам грабить народ, и присоединил эту область к своим владениям. Мягкость по отношению к побежденным быстро снискала ему симпатию местного китайского населения, тем более что он даровал свободу матери погибшего царя, а его сестру выдал замуж за своего сына Муганя¹⁷.

Мудрая и трезвая политика создала Мэн Суню такой авторитет, что ему без войны подчинилась китайская колония военнопоселенцев в Турфанском оазисе — Гао-

---

¹⁷ W i e g e r, стр. 1260—1261.

чан¹⁸. Объединив, таким образом, все Принаньшанье, Мэн Сунь принял новое название для своего владения— Хэси. Этот топоним (в монголизированной форме — Хашин) жил еще в XIII в. Короче говоря, Мэн Сунь создал жизнеспособное государство с естественными границами и оригинальной культурой. Казалось, что оно вполне жизнеспособно, а получилось... но об этом ниже.

Перед нами поистине удивительная коллизия. Китайское население Шэньси и Хэси откровенно предпочло хуннское иго освобождению с юга, о котором само же мечтало 110 лет. Именно благодаря такому внезапному изменению симпатий народа Хэлянь Бобо и Мэн Сунь стали правителями земель, бывших некогда форпостом Китая против их предков; только поэтому они одержали столь легкие победы над многочисленными армиями китайских патриотов. В чем тут дело?

Вспомним, что инициатором попыток возвращения Северного Китая была династия Цзинь, носительница если не живой традиции культуры древнего Китая, то по крайней мере ее инерции. Ее-то и ждали в Чанъани, а вместо этого пришел Лю Юй, южанин, чужой и суровый человек. В нем и в его воинах северные китайцы не узнали единоплеменников, а южане жестокими грабежами оттолкнули от себя население. Когда же распри между «южанами» и «северянами» заставили последних разбежаться, то дезертиры оказались наилучшими агитаторами против союза с Южным Китаем, где их — носителей древних традиций беспощадно резали аборигены. С другой стороны, китайцы в бассейне Хуанхэ сто лет развивались в сторону углубления контактов с кочевниками, так как это был единственный способ выжить. Поэтому с хуннами у них был общий язык, которого (в прямом и переносном смысле) не оказалось при общении с южными китайцами. Фактически за IV в. на месте единого древнекитайского этноса создалось два новых (точнее— средневековых), равно не похожих на прототип. А последний угас, и это констатировала в свое время китайская историография, объявившая 420-й год переломным, разделяющим эпохи. Новая эпоха получила название Северных и Южных Дворов, что в переводе на наши представления означает признание органического разделения

---

¹⁸ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 249.

Северного и Южного Китая. Оно зафиксировано даже в персидской географии, где Южный Китай называется не Чин, а Мачин, т. е. маньский Китай, смесь древних китайцев с южными инородцами — мань.

С этого времени война кочевников с Китаем приобрела совсем иные формы и иное значение, но современники событий осознали это не сразу.

ЖЕЛТОЕ И КРАСНОЕ

Лю Юю сопутствовала удача не только в жизни, но и в смерти. Он умер вовремя. В 422 г. его 17-летний наследник, Лю И-фу, взошел на престол и сразу столкнулся с тяжелой внешнеполитической проблемой — войной за Хэнань. Эту проблему оставил ему победоносный отец, который занял Лоян и придвинул границу столь близко к поселениям табгачей, что те не могли оставаться спокойными. В 422—423 гг. обе стороны обзавелись союзниками. К империи Сун примкнули Уду¹⁹ и Тогон²⁰, к империи Тоба-Вэй — Западная Цинь и жившие в Сычуани инородческие племена²¹. Инициативу войны взяли на себя табгачи, собравшие мощную армию. Для отпора жузжаням, продолжавшим тревожить северную границу табгачской державы, были восстановлены и снабжены гарнизонами бастионы китайской стены, после чего зимой 423 г. Тоба Сэ двинул 30-тысячную армию на юг под командованием опытного полководца Си Цзиня.

Все опять-таки решило сочувствие местного населения, потому что военные силы соперников были примерно одинаковы. Здесь оно высказалось в пользу северян, даже более решительно, чем в Шэньси. Последний принц фамилии Сыма со всем своим войском передался империи Вэй, где получил высокий военный чин. Измена? Да, но что ему оставалось делать? Ждать, пока его убьют, как были убиты все его родственники в Цзянькане, виновные лишь в том, что они принадлежали к опальной фамилии? Этот принц выбрал жизнь, что дало перевес табгачам.

---

¹⁹ Н. Я. Бичурин, История Тибета..., стр. 102.

²⁰ W i e g e r, стр. 1263.

²¹ I b i d., стр. 1266.

Южане героически оборонялись в крепостях, но новая 50-тысячная армия под командованием хана Тоба Сэ взяла Лоян, после чего захватила всю Хэнань и Шаньдун. Плоды завоеваний Лю Юя были утрачены.

Южан спас героизм гарнизонов осажденных Си Цзинем крепостей, которые в конце концов пали, но стоили осаждающим столь больших потерь, что наступление табгачей было остановлено. Это позволило южнокитайскому правительству обвинить юношу-императора в легкомыслии, а затем и убить, возведя на престол его младшего брата, Лю И-луня, правившего до 453 г. В том же, 423 г. умер Тоба Сэ, передав престол своему сыну, Тоба Дао.

В 430 г. империя Сун сделала попытку вернуть Хэнань. Вступив в союз с ордосскими хуннами, готовыми поделить Северный Китай²², и собрав 50 тыс. латников, император Вэнь-ди послал Тоба Дао ультиматум, требуя вернуть китайские земли южнее Хуанхэ. Хан занял выжидательную позицию, так как летом переправа конницы через Хуанхэ затруднительна. Сунские войска, не встретив сопротивления, заняли Лоян и все крепости Хэнани, но зимой табгачские всадники перешли Хуанхэ по льду, разбили южан в открытом бою и возвратили себе все крепости. Южане бежали, побросав тяжелое оружие и речные суда. Конница табгачей уничтожила все запасы продовольствия в зоне военных действий, вследствие чего южная армия, оторвавшаяся от противника, начала испытывать голод. Но сунский полководец Тань Дао-цзи сумел восстановить порядок в разбитой армии, дезинформировать табгачей до такой степени, что они прекратили преследование, и отвести остаток армии в сунские земли. Только благодаря его выдержке и стойкости империя Сун избежала вторжения табгачского хана. «В благодарность за подвиг» он был в 436 г. арестован и казнен вместе со всеми родственниками по навету императорского министра, интриговавшего против боевого генерала. Эта казнь вызвала живую радость в Тоба Вэй, переставшей опасаться своего южного соседа.

Совсем иначе отметил победу Тоба Дао. Он устроил пир для своих офицеров, освободил от уплаты налога за 10 лет солдат, участвовавших в походе, а прочее население

---

²² *Ibid.*, стр. 1276.

ние — за год. После торжеств и наград в империи Тоба-Вэй говорили: «Чтобы служить императорам Китая, надо иметь собачье сердце и сносить собачье обращение»²³. Не только кочевники, но и завоеванные тибетцы, тангуты, китайцы предпочитали милость табгачского хана произволу южнокитайских чиновников. Судьбы Северного и Южного Китая с этого времени разошлись на целых полтора ста лет.

Дальнейшие события развивались для династии Сун неблагоприятно. В 433—434 гг. в княжестве Уду произошел переворот. Уду заключило союз с Тоба-Вэй и начало войну с Южным Китаем за область Ханьчжун, расположенную в Шэньси, южнее хребта Циньлин. Область была страшно опустошена. Дисские воины оделись в доспехи из кожи носорога, которую копье не пробивало, но китайцы применили алебарды и в рукопашных боях нанесли противнику большие потери, что позволило им отбросить войска Уду на север²⁴. После этого поражения княжество Уду представляло дань обеим империям и фактически вышло из войны.

Р. Груссе, описывая это время, уподобил ситуацию той, которая сложилась в Европе после Великого переселения народов. Роль Византии, по его мысли, выполнял Южный Китай, а табгачи и хунны соответствовали франкам, лангобардам и готам²⁵. Если принять эту иллюстративную аналогию, то можно сравнить Лю Юя с Юстинианом, завоевания которого еще при его жизни сделались для Византии источником бедствий, после чего захваченный варварами Запад стал развиваться независимо от защитившего себя Востока. Действительно, романизация франков и готов сделала из них французов и испанцев, а китаизация табгачей превратила их в северокаитайский этнос. Поворотным пунктом этого процесса в Северном Китае был 431-й год, когда общность интересов и исторической судьбы табгачского племени и китайского населения Хэбэя стала очевидна им самим. Но этому повороту предшествовали годы тяжелых испытаний, которые особенно важны для нашей темы: на пути табгачей стояли хунны.

---

²³ Ibid, стр. 1229.

²⁴ Н. Я. Бичурин, История Тибета..., стр. 103—104.

²⁵ R. Grousset, L'Empire..., стр. 103.

Хуннское царство Ся было не менее грозным, нежели Тоба-Вэй. Оно располагало прекрасной армией, состоявшей из природных кочевников Ордоса, и черпало ресурсы из богатой хлебом долины р. Вэй, поныне являющейся житницей Северо-Западного Китая²⁶. Основатель этой державы Хэлянь Бобо был человек незаурядный. Китайская историография относится к нему враждебно, называет его «варваром, не расстававшимся с луком и мечом». Он будто бы выкалывал глаза людям, смотревшим ему в лицо, отрезал губы, улыбавшимся в его присутствии, рубил головы спорившим с ним и т. д.²⁷ Однако, вероятно, он имел и другие, более полезные качества, позволившие ему воссоздать погубленную державу с помощью людей, примыкавших к нему добровольно. Во всяком случае, пока он был жив, табгачи не посягали на Ордос. Умер он в 425 г.

Близкое соседство воинственной хуннской державы не могло не беспокоить табгачских ханов, но Тоба Сэ завоевывал юг, а Тоба Дао сразу после вступления на престол подвергся нападению жужаней, которые в 424 г. сожгли столицу Тоба-Вэй—Пинчэн. Тоба Дао отразил жужаней, а в 425 г. совершил контрнабег на Великую степь и загнал жужаней в горы Хамар-Дабан. Так он избавил свое государство от опасностей, грозивших с юга, севера и востока, где царство Северное Янь являлось одновременно союзником жужаней и Китая и, можно думать, посредником между ними. Одно оно не решалось выступить против Тоба-Вэй. В следующем году табгачский хищник решил вступить в поединок с хуннским, причем для последнего это оказалось неожиданным, так как хунны повода для войны не подавали. Но ведь внезапность удара обеспечивает половину успеха, не так ли?

В начале 426 г. табгачская конница перешла Хуанхэ по льду и обрушилась на Тунвань — ставку хуннского шаньюя, который пировал, не подозревая, что война началась. Хунны отбили набег, но табгачи разграбили и выжгли весь район Тунвани и отошли, уведя 10 тыс. пленных. В то же время полководец Си Цзинь, герой войны

²⁶ И. Х. Овдиенко, Китай, М., 1959, стр. 267.

²⁷ W i e g e r, стр. 1255.

против Сун, взял Чанъань и подчинил державе Тоба-Вэй обитавших там тибетцев и тангутов. Услышав о табгачских победах, тибетское племя танчанов²⁸ и княжество Хэси предложили союз Тоба Дао²⁹. Царство Ся оказалось в кольце врагов.

На следующий, 427 год хунны собрались с силами и пошли в контрнаступление. Князь Хэлянь Дин осадил Чанъань и стеснил Си Цзиня. Тоба Дао, рассчитав, что главные силы хуннов оттянуты на юг, с 30 тыс. всадников, без пехоты, повторил набег на Тунвань. Он рассчитывал на внезапность, на легкомыслие хуннского вождя и на стойкость своих косоплетов, не потерявших навыков степной войны. Спрятав свои лучшие войска в засаде, он подошел к стенам Тунвани с малым отрядом и сразу отступил, оставив доверенных людей, передавшихся хуннам и сообщивших им, что хан пришел в набег с малыми силами. Хэлянь Бобо на такую удочку не попался бы, но Хэлянь Чан вывел 30 тыс. всадников в погоню за врагом. Тоба Дао увлек хуннов к месту, где стояла засада, и втянул в бой при равных силах. Бой был жесток; конь под табгачским ханом был убит, а сам он чуть не попал в руки хуннов, но спасся, хотя и израненный. Однако в рукопашной схватке табгачей одолеть не мог никто. Хунны рассеялись. Хэлянь Чан, покинув столицу, бежал на юг, в долину р. Вэй, где надеялся получить помощь от Хэлянь Дина. Разгоряченный боем, Тоба Дао ворвался в Тунвань, защитники которой успели закрыть крепостные ворота и чуть было не прикончили табгачского хана. Но его воины при помощи арканов и копий перелезли через крепостную стену, и после суток уличных (если так можно говорить об укрепленном кочевье) боев хунны сдались.

Огромную добычу скотом и людьми Тоба Дао распределил между своими соратниками, удовольствовавшись для себя тем, что подорвал материальную и моральную базу своего соперника. В самом деле, узнав о падении Тунвани, Хэлянь Дин снял осаду с Чанъани и пошел на соединение с Хэлянь Чаном. Тоба Дао поручил Си Цзиню покончить с хуннами и вернулся в свою столицу Пинчэн, покрытый славой и ранами, которые было необходимо лечить.

---

²⁸ Н. Я. Бичурин, История Тибета., стр. 111.

²⁹ W i e g e r, стр. 1272.

В 428 г. Хэлянь Чан попробовал возобновить наступление и в верховьях р. Цзинь стеснил войска Си Цзиня. Хунны тревожили врагов постоянной перестрелкой и лишили возможности пополнять припасы продовольствия, что вызвало среди изголодавшихся табгачей ропот, разумеется против командующего.

Тогда один из офицеров Си Цзиня собрал 200 еще не съеденных коней, посадил на них отборных воинов, прошел в тыл хуннов, захватил Хэлянь Чана и бежал вместе с пленником к своему хану. Это не очень изменило положение блокированной табгачской армии. Командование хуннами принял способный полководец Хэлянь Дин и, когда Си Цзинь попробовал напасть на хуннов, заманил его в засаду, где погибло 7 тыс. табгачей, а Си Цзинь был взят в плен хуннами.

Хэлянь Дин развил успех, вернул Чанъань и очистил от врагов всю долину р. Вэй. Снова перед Тоба Дао стояла боееспособная хуннская армия, опиравшаяся на богатую хлебом страну, в то время как его лучшие войска полегли в бою. Разгневанный хан велел казнить Хэлянь Чана, но это не принесло ему никакой пользы. Наоборот, Хэлянь Дин заключил с империей Сун наступательный союз против державы Тоба-Вэй, чтобы разделить пополам Северный Китай. Это и вызвало неудачное наступление сунской армии в 430 г. В ответ Тоба Дао договорился с сянбийцами Западной Цин, теснимой хуннами князя Хэси, обещав им за помощь земли царства Ся. Жужани, конечно, готовы были в любую минуту напасть на тылы табгачей, но их связало выступление Юебани³⁰ в 429 г., оттянувшее большую часть их сил в Джунгарию, что развязало руки табгачам. Наконец, в царстве Северная Янь в 430 г. умер энергичный царь Фэн Ба. Его брат Фэн Хун, стремясь к власти, убил законного наследника — своего племянника и еще более ста родственников. Такое потрясение государства лишило Северную Янь возможности вести активную политику, о чем было рассказано выше. Но пока Тоба Дао одерживал победы в Хэнани, Хэлянь Дин столкнулся с царем Западной Цинь, Цифу Мумо, в Шэньси.

---

³¹ Хуннская держава в Семиречье и Тарбагатае, основанная во II в. при отходе хуннов на Запад.

КОНЕЦ ЗАПАДНОЙ ЦИНЬ

В 430 г. война табгачей против всех их соседей дошла до высшей точки, ибо Тоба Дао захватил инициативу. Одновременно с войной на юге он развернул кампанию на севере против жужаней. Огромное, по степным масштабам, войско вошло в Великую степь. Жужани рассеялись по ущельям, не пытаясь оказать сопротивление, а хан их Датань бежал на запад и пропал без вести. Телеты, кочевавшие южнее Гобийской пустыни, передались табгачам и вымещали на жужаньских беглецах былые обиды. Сын Датаня, Уди, признал себя данником империи Тоба-Вэй³¹.

К осени табгачи перебросили силы в поход против «горных хуннов»³². Под личным командованием хана (и императора) они окружили вождя горных хуннов, носившего китайское имя Бай Лун (Белый дракон), и в жестоком бою уничтожили их без остатка. Но все эти операции прошли столь успешно потому, что главные силы хуннов были связаны войной против западных сяньбийцев, напавших на войско Хэлянь Дина с юга.

Положение Западной Цинь с каждым годом становилось все более острым. По сути дела это государство было военным лагерем в чуждой и враждебной сяньбийцам стране. Тибетцы, тангуты, хунны и тогонцы тяготились Западной Цинь как занозой, прочно засевшей и вызывающей воспаление тканей. Однако выдернуть эту занозу им было не под силу, так как воевать сяньбийцы умели хорошо. Но вот прошло 40 лет (386—426), одно поколение завоевателей сменилось другим, надежды на покой не было... И Цифу Мумо решил покинуть верховья притоков Хуанхэ и уйти со своим народом в степи, поближе к соплеменникам — табгачам. В 430 г. он сжег свою ставку, уничтожил недвижимое имущество и с 15 тыс. семей потянулся на север через долину р. Вэй.

³¹ См.: Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, стр. 15.

³² Что это за «горные хунны», в источнике не пояснено (Wiegert, стр. 1290—1291). Можно думать, что речь идет о той части хуннов, что после разгрома Хэлянь Чана в 428 г. укрылась в Алашане, или Иньшане, и оказалась вблизи от войск Тоба Дао, оперировавших в степях севернее Ордоса. При такой гипотезе противоречий с хронологией и географией не возникает.

На богатые территории бывшего царства Западная Цинь претендовал хуннский князь Хэси — Мэн Сунь, но тогонский царь Мугуй оказался более расторопным и успел присоединить эти земли к своему царству³³. В этой акции содержалась тонкая дипломатическая коллизия: Тогон был союзником Южного Китая³⁴, а следовательно, и Хэлянь Дина, надеясь на победу которых он только и мог удержать захваченные земли; Хэси вошло в дружеские отношения с Тоба-Вэй³⁵, скрепленные династическим браком, что давало Мэн Суню повод надеяться на помощь табгачей против тогонцев. Но все дипломатические ухищрения меркнут перед силой факта победы, а эта причудница криво улыбалась и Хэлянь Дину и Цифу Мумо.

В начале 431 г. хунны остановили продвижение сяньбийцев на север и блокировали их ставку, что вызвало там голод. Тщетно Цифу Мумо ждал помощи от своего союзника. Табгачские войска ограничились тем, что оккупировали северную Шэньси (между китайской стеной и долиной р. Вэй) и предоставили осажденных своей участи. Цифу Мумо сдался Хэлянь Дину, и все истомленные голодом сяньбийцы были убиты разъяренными хуннами. Еще одним этносом стало меньше.

КОНЕЦ СЯ

Одержав блестящую победу, Хэлянь Дин не обманывал себя и не надеялся выиграть войну. Союзники были разбиты, земли захвачены табгачами, а его собственное войско было утомлено походом. Он избрал старинный хуннский способ спасения — отход на запад. Зная, что Мэн Сунь находится в контакте с Тоба Дао, а Мугуй является союзником хуннов, Хэлянь Дин повел свой народ вверх по течению Хуанхэ, чтобы через Тогон пройти в необъятные просторы западных степей. Но Мугуй заботился о своих интересах, а не о верности договорам. В узком ущелье, через которое несется еще маловодная, но уже стремительная Хуанхэ, во время переправы хуннов на

---

³³ Wieg er, стр. 1277.

³⁴ Ibid, стр. 1263.

³⁵ Ibid., стр. 1272.

них обрушилась 30-тысячная тогонская армия и почти без сопротивления захватила в плен ошеломленных предательством беглецов. Этим поступком Мугуй стремился оправдать себя перед Тоба Дао, чтобы тот позволил ему оставить за Тогоном захваченные земли.

В разделе хуннского наследства приняло участие и Уду, захватившее покинутый Хэлянь Динем город Шаньинь³⁶. Но Тоба Дао не был склонен делиться добычей. Его военная диверсия против Уду в том же, 431 г. заставила это княжество умерить аппетит. Стремясь избежать конфликта с табгачами, Мугуй выдал им Хэлянь Дина, но получил за очередное предательство только грамоту, утверждающую его царем Тогона, которым он и без того был. Мугуй обратился к Тоба Дао с посланием, искренним до цинизма: «Государь! Я взял в плен самозванца и представил к твоему двору. Хотя ты и возвысил мое достоинство, но не прибавил ни пяди земли. Хотя ты придал блеск моим колесницам и кортежу, но не наградил меня сокровищами. Желательно, чтобы ты обратил внимание на сие»³⁷. Но советники табгачского хана нашли, что его заслуги малы, ибо он вернул не всех пленных, и отказали в просьбе. Волей-неволей Мугую пришлось вернуться к союзу с империей Сун и ждать своей очереди в ряду жертв табгачского оружия.

Падение царства Ся не могло не отразиться на взаимоотношениях Тоба-Вэй с хуннами Хэси. Пока их разделяла мощная и воинственная держава в Ордосе, Мэн Сунь полагал полезным и выгодным для себя контакт с табгачским ханом. Когда же границы обеих держав сомкнулись, а земли Западной Цинь уплыли из-под рук Мэн Суня, он пересмотрел свои политические симпатии. То же самое сделал Тоба Дао, который вдруг вспомнил, что Мэн Сунь — ревностный буддист, а сам он предпочитает учение даосов. В 432 г. Тоба Дао потребовал, чтобы Мэн Сунь вернул ему назад сестру, некогда вышедшую замуж за хуннского князя, под тем предлогом, что приехавший из Средней Азии буддийский учитель, вызывавший демонов и лечивший путем магических заклинаний, может иметь на принцессу дурное влияние. Требование было одновременно наглым и фальшивым. Мэн Сунь вышел из

---

³⁶ Н. Я. Бичурин, История Тибета..., стр. 104.

³⁷ Там же, стр. 80.

себя и приказал убить посла, что означало разрыв, а может быть, даже и войну³⁸. Этого-то и хотел Тоба Дао, так как ему стало известно, что Мэн Сунь в старости стал жесток, развратен и потерял популярность, а его законный наследник слишком юн.

Однако судьба благоволила хуннам. В 433 г. Мэн Сунь тяжело заболел и хуннские старейшины призвали на престол его незаконного, но способного сына Мугяня. Тот, дождавшись смерти отца, немедленно принес извинения табгачскому хану, чем отвратил готовившуюся войну. Тоба Дао, нимало не огорченный оттяжкой событий, которые он считал неизбежными, перенес военные действия на восточную окраину своей империи.

КОНЕЦ СЕВЕРНОЙ ЯНЬ

После победы над хуннами, доставшейся табгачам более дорогой ценой, чем все прочие, Тоба Дао обратил свое внимание на последнее самостоятельное государство в бассейне Хуанхэ — Северную Янь. Царствовавший там братоубийца и узурпатор Фэн Хун мог только просить помощи у империи Сун, но о получении ее не могло быть и речи. Тогда, видя, что напор табгачей на его маленькое царство проводится планомерно и последовательно, он обратился за помощью к корейцам.

Когда в 436 г. табгачские войска вторглись в Северную Янь, корейцы прислали небольшое войско, но не для того, чтобы защищать союзную страну, а для того, чтобы овладеть особой царя, что им и удалось. Оставив столицу — Лунгчэн врагам, Фэн Хун уходил под защитой корейцев, увозя за собой население, сжигая жилища, грабя страну. Уцелевшие жители вздохнули спокойно, только попав под власть императора Тоба-Вэй. Они были китайцы, и для них он не был ханом.

В 438 г. Фэн Хун, живя в Корее, принял посланца из империи Сун, что стало известно корейскому царю. Тот, усмотрев в этих переговорах измену, приказал казнить Фэн Хуна с сыновьями и внуками. На этом закончилось объединение бассейна великой реки Хуанхэ, за исключе-

---

³⁸ W i e g e r, стр. 1279—1280.

нием ее истоков, где держался Тогон. Процесс этот занял всего 30 лет, т. е. объединение страны было делом рук одного поколения табгачей. Правда, за это время сменилось три хана, но юноши, участвовавшие в последних походах Тоба Гуя, стали командирами своих детей при победах над хуннами, китайцами и жужанями. Традиция степной доблести и верности не прерывалась. Эта инерция степной культуры обеспечила победы Тоба Дао и дальнейшие успехи табгачского оружия, но в самой империи Тоба-Вэй наметился перелом, связанный с тем, что китайское население покоренных областей стало численно и культурно преобладать над иноплеменным. Это придало последующей истории новую, неожиданную окраску.

ОБРАЗОВАНИЕ КОАЛИЦИЙ

Быстрый рост табгачского могущества и естественные опасения по этому поводу хуннов и жужаней вызвали образование коалиций. Занятый войной на востоке, Тоба Гуй на время отказался от проникновения на запад, но уже в 436 г. «владельцы: кучаский, кашгарский, усуньский, юебаньский, шаньшаньский, карашарский, чешиский и согдский в первый раз отправили к Северному Двору посланников с дарами»¹. Это означало, что оседлые владения Западного края сочли целесообразным ориентироваться на северокитайскую империю. Против кого? Конечно, против кочевников, значит — против жужаней.

Еще более важным событием был переворот в китайском городе Гаочане, расположенном в Турфанской впадине. Китаец Гань Шуан захватил власть в городе, отказал в подчинении князю Хэси и попытался завязать сношения с Тоба Дао, однако жужани перехватили табгачское посольство и только после долгих переговоров отпустили пленников домой². В 437 г. другое табгачское посольство сумело добраться через долину Тарима в Среднюю Азию. Оно было прекрасно принято в Фергане и Чаче (Ташкенте). Оседлые владельцы оазисов подтвердили свое желание торговать с Китаем³. Для них не имело значения то, что династия была кочевнической; они хотели наживы, как всякие истые купцы. Тоба Дао тоже решил восстановить сношения с Западом. Причина этого проста: в это самое время Хэси, Тогон и Жужань заключили союз против растущей агрессии империи Тоба-Вэй.

---

¹ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 241.

² Там же, стр. 250.

³ W i e g e r, стр. 1291—1292.

Первым и главным мероприятием жужаньского хана и цзюйкюя было прервать сообщение между Тоба-Вэй и владениями Западного края. Сделать это было им очень легко, так как послы не могли миновать их владений, и они сделали это. Таким образом, нашелся повод для войны, которая вспыхнула в 439 г.

В поисках причин этой войны особенно мудрить не приходится. И для жужаней, и для табгачей война и грабеж были родной стихией, без которой они не мыслили существования. Более культурные хунны и обитатели оазисов Западного края, хотя сами без войны могли обойтись, отнюдь не хотели стать жертвой варварских вождений. Значит, им пришлось защищаться. Но интересы их были различны: хуннам угрожали косоплеты, обитателям оазисов — жужани; поэтому они вошли в союз с врагами своих врагов. Распределение сил определялось исключительно политической конъюнктурой.

ВОЙНА ЗА ХЭСИ

Тоба Дао начал войну нападением на самого сильного врага — жужаней. Однако те успели откочевать, и табгачи, дойдя до восточного Тяньшаня и не встретив неприятеля, вынуждены были вернуться ни с чем. При этом они потеряли около половины людского и конского состава ⁴.

Но мало этого, восточная колонна табгачей в составе пятнадцати отрядов была разбита жужанями, и командир ее, князь Пи, брат императора, попал в плен ⁵.

Цзюйкюй Мугянь обнародовал весть о победе своего союзника главным образом для того, чтобы отвлечь западные владения от союза с Тоба-Вэй. Но прежде чем пропаганда дала результаты, табгачские войска вступили в Хэси.

Поход был подготовлен тщательно, так как в императорском совете высказывалось мнение, что пустыня, окружающая Ганьчжоу, безводна, и если осажденные пере-

---

⁴ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. I, стр. 191—192; Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия...*, стр. 184.

⁵ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. II, стр. 242.

кроют каналы, снабжающие оазис водой, то экспедиционный корпус может погибнуть от жажды⁶. Эти сведения были устарелыми. Уже много лет Хэси получало достаточно атмосферной влаги для прокорма огромных стад и постоянно растущего населения. Здоровый скепсис большинства советников толкнул их на поддержку намерения хана, и осенью 439 г. табгачи подошли к Ганьчжоу. Сяньбийские племена, в разное время покоренные хуннами, передались на сторону единоплеменников, и после двухмесячной осады город сдался на милость победителя. Милость хуннскому князю была оказана. Приведенный пленником, он получил в жены сестру Тоба Дао и почет, достойный ханского зятя. Однако через год несчастная царица стала вдовой. Дело в том, что победа табгачского хана и императора не была полной. Братья Мугяня, Ухой и Аньчжоу, отступили в Дуньхуан и продолжали сопротивление. Стараясь спасти своего союзника, жужаньский хан Уди произвел диверсию и, обойдя заставу в горах Иньшаня, подступил к городу Датунфу, чем вызвал панику в столице. Однако пограничные табгачские войска разбили резервы жужаней к северу от Иньшаня⁷ и этим заставили самого хана поспешно отступить. Свой гнев император выместил на беззащитном, пленном хуннском князе, казнив его.

После победы над жужанями у Тоба Дао оказались развязанными руки для войны на западе и юго-западе, но тут вмешался в войну Тогон.

Династия, правившая в Тогоне, принадлежала к фамилии Муюн. Это обстоятельство не меньше, чем давний союз с хуннами, определило решительную антитабгачскую позицию тогонского государя Мулияня.

Поддержка Тогона дала возможность Ухою и Аньчжоу выиграть кровопролитный бой за Дуньхуан, взять обратно город Цзюцюань (Сучжоу) и дойти до р. Эдзин-Гол, но под Ганьчжоу хунны потерпели поражение. Вслед за тем табгачи взяли обратно Сучжоу, голодом⁸ принудив его к сдаче, и в 441 г. Ухой был вынужден принять предложение Тоба Дао — занять пост лянчжоуского губернатора с титулом князя.

---

⁶ W i e g e r, стр. 1281.

⁷ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т I, стр. 192

⁸ Г. Е. Грум-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 187.

Такая уступчивость императора находит объяснение в том, что вскоре ему пришлось послать свои лучшие войска, во главе которых встал герой жужаньской войны князь На, против Тогона. Мулиянь бежал через Цайдам на запад, не приняв боя. Дойдя в 445 г. до Хотана, тогонцы взяли город, убили правителя и «произвели великое кровопролитие в народе»⁹. Однако их появление и проявленное ими зверство вооружили против них княжество Лобинь¹⁰, откуда выступили войска для отражения врага. Ход войны нам неизвестен, но удержать Хотан тогонцы не смогли и год спустя вернулись обратно, на берега Кукунора.

Падение хуннского царства в Хэси было не только концом еще одного эфемерного государства, но и началом двух мощных процессов этногенеза. Среди сторонников Мугяня были люди, которые по разным причинам не хотели подпасть под владычество табгачского хана. Одним из таких был Ашина, который увел 500 семейств на север, к своим союзникам — жужаням, и получил от них разрешение поселиться на склонах Алтая. От него и его дружины повелись древние тюрки¹¹. Вторым был бывший князь Южной Лян — Туфа Фань Ни, который увел свой отряд в Тибет и стал родоначальником династии тибетских царей, насаждавших в этой стране буддизм¹². Несмотря на то что род туфа являлся ответвлением табгачского народа, Фань Ни предпочел трудную судьбу изгнанника переходу под власть соплеменника. Мы не знаем его мотивов, но думается, что религиозный момент в данном случае оказался более сильным, чем родо-племенной.

В 440 г. Тоба Дао успел проявить себя как активный враг буддизма и сменить былое безразличие к вопросам совести на нетерпимость неопита. Фань Ни же прожил много лет в буддийской стране, а его потомки искренне боролись за буддизм. Думается, что свои идейные симпатии они могли принести в Тибет из Хэси. Это только гипотеза, но она помогает понять дальнейшее развитие ис-

---

⁹ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 247; История Тибета..., стр. 82.

¹⁰ Н. Я. Бичурин считал Лобинь Бадахшаном, но, возможно, это любое из припамирских княжеств.

¹¹ Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, стр. 22—24.

¹² Л. Н. Гумилев, Величие и падение Древнего Тибета,— в кн.: Страны и народы Востока, VIII, М., 1969, стр. 157.

торической судьбы народов Срединной Азии, выходящее за хронологические рамки нашего повествования.

Итак, последовательное прослеживание хода событий как рабочий метод оказывается полезным. Поэтому вернемся к политической истории, чтобы понять, почему князь На отказался от завоеванного им Тогона. Его отказ продлил жизнь этому реликту азиатского великого переселения народов на 200 лет и позволил ему пережить империю Тоба-Вэй.

ВОЙНА ЗА УДУ

Отправляясь в поход на запад, Тоба Дао принял меры для охраны южной границы. Пострадав в минувшую войну, империя Сун не отваживалась совершить прямое нападение на Тоба-Вэй, но постоянно интриговала в буферном государстве Уду. Это последнее древнетангутское княжество благодаря своему выгодному географическому положению держало под контролем северную Шэньси и северную Сычуань. Поэтому симпатии дисских князей покупались равно северянами и южанами. В 439 г. один из дисских правителей получил из рук Тоба Дао царский титул в своем отечестве. В 441 г. он совершил нападение на Сычуань, стремясь выгнать оттуда сунские войска, но в 442 г. прибывшие из Китая подкрепления наголову разбили тангутов. Княжество их было оккупировано китайцами и превращено в область, правителем которой был назначен другой тангутский князь — сторонник Китая.

В 443 г. табгачское войско выгнало китайцев из Уду. Китайский ставленник бежал, но и табгачский ставленник, вернувшийся вместе с северной армией, под давлением своих соплеменников попытался отложиться от империи Тоба-Вэй. Табгачский полководец заманил князя к себе и убил. В ответ на это вспыхнуло восстание всего народа, и потребовалась помощь из метрополии, чтобы спасти табгачский экспедиционный корпус от ярости дисцев. Повстанцы получили военную помощь из Южного Китая, но в открытом бою табгачи разбили войска империи Сун. Тангуты сопротивлялись табгачам до 448 г., но были побеждены. Вождь их бежал в Южный Китай, где его лишили княжеского титула и земель, сочтя виновником поражения. Часть тангутов примирилась с властью

табгачей, и, когда в 450 г. прокитайски настроенный князь вернулся освобождать свой народ, ему было оказано такое сопротивление, что китайские хозяева наказали его за неудачу. Уду осталось разделенным на две части, большая из коих оказалась во владении Тоба-Вэй¹³.

Эта, казалось бы незначительная, война поглотила те табгачские силы, которые должны были бы удерживать нагорья вокруг оз. Кукунор, благодаря чему Тогон был спасен от верной гибели, а его народ обрел покой. Новые важные внутренние дела парализовали наступательный порыв табгачей. Но и до той поры упрямые тогонцы поддерживали дипломатическую связь с Южным Китаем и охраняли свою родину от посягательств Северного. Вот яркий пример того, что народ, даже небольшой, может отстоять свою независимость, если он действительно этого хочет.

ВОЙНА ЗА ЗАПАДНЫЙ КРАЙ

Тем временем неукротимый Ухой задумал новый план восстановления хуннского самостоятельного государства. В Дуньхуане он был зажат между табгачами, державшими Хэси, и Шаньшанью. Видя невозможность возвращения своих наследственных земель, он попытался овладеть Шаньшанью и создать базу для борьбы с Тоба-Вэй. Собрав отряд в 5 тыс. всадников, он поставил во главе их своего брата Аньчжоу и послал его на завоевание Шаньшани. Некоторое время шаньшаньцы оказывали энергичное сопротивление, но, поняв безнадежность борьбы, опустошили сами свои земли и ушли на запад, в оазис Гюймо, расположенный на берегах Черчендарьи¹⁴. Тоба Дао усмотрел в этом, и вполне справедливо, вызов и направил полководца Ван Ду-гуя в Шаньшань с задачей ликвидировать хуннскую самостоятельность. Ухой не стал оборонять Дуньхуан и ушел со всеми своими сторонниками к своему брату на запад, но так как держаться в окровавленной Шаньшани было невозможно, хунны обошли пустыню Такламакан в ее узкой, восточной части, передохнули в гостеприимном Карашаре и двинулись оттуда

---

¹³ Н. Я. Бичурин, История Тибета..., стр. 105—107.

¹⁴ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 245; Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 130.

в Турфанскую котловину, где обострение политической ситуации благоприятствовало их вмешательству.

В эту эпоху Турфанская впадина была куда более благодатным местом, нежели в XX в.¹⁵ Тогда еще текла река, окруженная деревьями, впоследствии разобранная на орошение и ставшая после вырубki тростника на топливо источником эоловой эрозии. В V в. оазис делили местные жители княжества Чешы и китайцы Гань Шуана, засевшие в крепости Гаочан. Мира между ними не было. Жители Чешы получили поддержку хамийского князя. Гань Шуан обратился за помощью к Ухою. Это его погубило.

В 442 г. Ухой без труда разгромил чешысцев и хамийцев, но заодно выгнал и Гань Шуана, занял Гаочан и основал новое хуннское княжество. Вскоре к нему примкнул Аньчжоу, оставивший в Шаньшани наместника. Поскольку властители степей — жужани были союзниками хуннов, Турфан представлялся Ухою надежным укрытием.

Можно было думать, что владельцы Западного края с восторгом будут ждать прибытия табгачского войска, которое прогонит кочевников. Однако за несколько лет знакомства с империей Тоба-Вэй их политические симпатии изменились. Может быть, свою роль сыграла жужаньская дипломатия, поскольку еще до рокового 439 года жужаньский посол объявил всем обитателям оазисов, что будто бы «дом Вэй обессилел, а он, жужаньский хан, сделался сильным в Поднебесной», и запретил снабжать чем-либо послов из Северного Китая. Не исключено, что многие этому поверили, но так или иначе Западный край не желал допустить табгачей в свои пределы. Поэтому миссия Ван Ду-гуя преследовала двойную цель: покончить с хуннами и заставить обитателей оазисов уважать особу императора Вэй. Сам же Тоба Дао взялся за жужаней и увяз в степной войне до 444 г.

Ван Ду-гуй, заняв Дуньхуан, оставил там обозы и с 5 тыс. легкой конницы вступил в Шаньшань. Оставшиеся при хуннах шаньшаньцы в ужасе перед союзником разбежались и попрыгались, а владелец, оставленный там Ухо-

---

¹⁵ Об антропогенном факторе образования центральноазиатских пустынь см.: Э. М. Мурзаев, Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии, М., 1966, стр. 279—280; Г. Е. Грумм-Гржимайло, Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период, — Известия ВГО, 1933, т. 65, вып. 5.

ем, добровольно сдался, умоляя пощадить неповинный народ. Ван Ду-гуй отправил пленника в столицу (Пинчэн) и, оставив в Шаньшани гарнизон, двинулся в обход Лобнора, думая добраться до хуннов через Карашар.

В ту эпоху Карашар был княжеством, включавшим в себя девять оазисов. Владелец его носил титул *лун*. Карашарцы были не прочь ограбить китайские посольства, но, самое главное, были настоящими буддистами. Появление войск заклятого врага буддизма грозило им весьма тяжелыми последствиями, и они решились на сопротивление. Сначала Ван Ду-гуй взял крепости Цзохо и Халгамань и осадил Юанькюй. Лун Гюхубина собрал 50 тыс. человек (явное преувеличение) и попытался организовать оборону. Ван Ду-гуй решил на любовой удар. В рукопашной табгачи одержали полную победу. Карашарцы рассеялись, столица сдалась, а лун Гюхубина ускакал в Кучу, владетель которой, бай (титул) Угемути, был его зятем. Угемути выступил против захватчиков с 3-тысячным войском (эта цифра ближе к истине), а у Ван Ду-гуя оставалась всего тысяча всадников. Очевидно, победа над Карашаром далась недешево. Однако Ван Ду-гуй пошел навстречу кучасцам и «обратил их в бегство, положив до 200 человек»¹⁶.

О походе на Кучу, конечно, не могло быть и речи. Даже Карашар удержать Ван Ду-гуй не смог, так как кучасцы могли возобновить нападение, а сяньбийцам неоткуда было пополниться. Ван Ду-гуй счел за благо очистить Карашар и удовлетвориться присоединением Дуньхуана и Шаньшани. Это не помешало китайским хроникам приписать Тоба Дао покорение Западного края¹⁷.

Таким образом, хуннское княжество в Турфане уцелело, а новые столкновения с жужанями и южными китайцами заставили Тоба Дао отказаться от попыток проникновения на запад.

В 444 г. умер Ухой, оставив престол восстановленного им княжества своему брату и сподвижнику Аньчжоу, который княжил до 460 г. (Он был современником Атиллы). О том, чем все это кончилось, мы расскажем в следующей главе.

¹⁶ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 257.

¹⁷ Н. Я. Бичурин, Записки о Монголии, т. III, СПб., 1828, стр. 183; Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 189.

ОГНИ ГАСНУТ

ПЛОДЫ ПОБЕД

Нет сомнения в том, что табгачи проявили несравненное мужество, победив за полвека всех своих соперников. К середине V в. в бассейне Хуанхэ сгорело все, что могло гореть, но, продолжая метафору, скажем, что раскаленные головни тлели повсюду и дышали таким жаром, который не уступал пожару. Окинем взглядом, хотя бы бегло, состояние новорожденной империи, так как ей пришлось пережить коллизии, по сложности и ответственности не уступавшие самым тяжелым войнам.

Несмотря на блестящие победы, положение самого Тоба Дао и всего народа косоцветов было крайне сложным и напряженным. Прежде всего, надо учесть, что сяньбийцев-тоба (табгачей) было не очень много, а прочие племена были врагами империи Вэй. Одни — из-за родственных связей с вырезанными Муюнами; другие, как, например, кидани и хи (татабы), предпочитали дикую волю и охотничьи забавы службе в императорской коннице; третьи, жужани, не просто уклонялись от подданства, но вложили всю свою энергию в борьбу против новорожденной империи. Утрата Халхи лишила табгачских властителей возможности черпать людские пополнения из кочевого мира, поэтому одной из основных проблем тоба-вэйской политики была необходимость любыми средствами привязать к себе немногих телеутов, не откочевавших на север и обитавших по северную сторону Иньшаня¹. Еще более острым был китайский вопрос. Китайское население численностью значительно превосходило инородческое и уступало тому лишь в военном искусстве.

---

¹ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия, стр. 199—200.

Но самым опасным врагом военной империи оказался буддизм. Эта система идеологии превращала закаленных воинов в пламенных аскетов и отшельников. Понятно, что такая пропаганда вырывала из рядов сяньбийского войска людей, абсолютно необходимых для военной службы. В V в. буддийская пропаганда в Центральной и Восточной Азии была особенно активна. Тоба Дао не мог ее игнорировать, да и не хотел. Итак, империи Вэй пришлось вести беспощадную войну на три фронта и опираться при этом исключительно на свои собственные силы ².

ФЕОДАЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ИМПЕРИИ ВЭЙ

Приобретения Тоба Гуя на юге и потери на севере поставили табгачскую орду в совершенно непривычное положение. Кочевники утеряли степь, но оказались господами многолюдной земледельческой страны. Нужно было примениться к новым условиям. В подобных ситуациях способ был всегда один — феодализм как институт ³.

Но прежде чем табгачи пришли к этому выводу, они перепробовали несколько возможностей приспособления орды к господству над культурной страной, сопряженного со стремлением возможно большего сохранения своих кочевнических обычаев. Этот процесс нашел свое выражение в реформах Тоба Гуя ⁴.

Еще в 394 г., до победы над муюнами, Тоба Гуй создал земледельческие военные поселения, в которых табгачи в принудительном порядке обучались у китайцев возделыванию проса. В восьми аймаках, на которые разделялось коренное табгачское население, были назначены инспектора по земледелию. В зависимости от урожая табгачские земледельцы награждались или наказывались.

Победа над муюнами в 396 г. и приобретение богатых территорий поставили перед табгачским ханом проблему их использования. В 398 г. Тоба Гуй раздавал «новому

---

² R. Grousset et S. Regnault-Gatier, *L'Extrême-Orient*,—*Histoire Universelle*, I, Paris, 1965, стр. 1655.

³ *Ibid.*

⁴ Л. И. Думан, К истории государств Тоба Вэй и Ляо и их связей с Китаем,—*Ученые записки ИВАН*, т. XI (китайский сборник), М., 1955.

народу» земельные участки и коров, т. е. стремился восстановить в завоеванных областях хозяйство, разрушенное войной. Естественно, он собирался получить с новых подданных налог, однако это еще трудно рассматривать как феодальное обращение свободных крестьян в крепостных, так как сами табгачские кочевники в это время несли государственные повинности. Из этой затеи ничего не получилось; это видно из того, что уже в 410 г. Тоба Сэ стал селить на своих опустелых землях китайцев, ранее бежавших из-под власти кочевников и возвращавшихся домой, на условиях наделного землепользования. Так был сделан первый шаг примирения кочевой орды с китайским оседлым населением. Эти мероприятия избавили табгачей от необходимости заниматься земледелием. Фискальные мероприятия 413 г., когда был установлен налог: с 60 дворов — 1 строевая лошадь, и 421 г.: от 100 голов рогатого скота — 1 строевая лошадь, показывают, что табгачи вернулись к привычному занятию скотоводством⁵. Затея Тоба Гуя, имевшая целью создать земледельческую орду из военнопоселенцев, последствий не имела.

Вместо того чтобы организовать табгачское собственное земледелие, Тоба Гуй восстановил для китайского населения своей державы китайский земельный налог и промысловую подать. Это позволило его преемникам сохранить большую часть своего племени как постоянную армию с пожизненным сроком службы. Можно ли считать такую ситуацию феодальной? Ни в коем случае! Это не что иное, как попытка стабилизации варварской орды, разумеется, обреченная на неудачу, как и любая попытка приостановки исторического процесса. Табгачские всадники еще не были феодалами, а китайских крестьян нель-

---

⁵ Вряд ли будет правильно рассматривать закон 421 г. как усиление налогового обложения. Во-первых, сама система обложения основана на другом принципе, что было бы невозможно, если бы первый принцип сохранялся в силе. Во-вторых, в 413 г. табгачи еще вели войну на три фронта, а к 421 г. уже одержали полную победу; странно было бы при этих обстоятельствах удваивать налог строевыми лошадьми. В-третьих, для оседлого населения в это время была восстановлена китайская система обложения; если допустить, что закон 413 г. продолжал действовать, то придется считать, что оседлые табгачи платили двойной налог, т. е. больше, чем китайцы, что исключается. На основании этих соображений следует сделать вывод, что закон 421 г. пришел на смену закону 413 г., а не дополнил его.

зя считать крепостными на том только основании, что они вносили налог государству на содержание армии.

В 398 г. при провозглашении империи, Тоба Гуй перевел в свою столицу Пинчэн (в Шаньси) из различных областей свыше 100 тыс. семейств (цифра условна, но, видимо, близка к истине), среди которых было много ремесленников. Последние были закреплены за казной — частным лицам не дозволялось иметь рабов-ремесленников. За нарушение этого закона полагалось поголовное истребление виновного рода. Дети ремесленников в обязательном порядке наследовали занятие и профессию родителей.

Можно ли считать ремесленников государственными рабами? В европейском понимании слова *раб* — нет! Это были люди, закрепленные за местами работы, но охраняемые законом, не подлежащие купле и продаже. Это чисто кочевая форма зависимости. Такие же ремесленники были через 200 лет у тюркютов. Они назывались кул, что переводят как «раб», но этот перевод не адекватен⁶.

А настоящие рабы у табгачей тоже были — военнопленные и преступники. Существовало и долговое рабство. Рабов использовали сначала в качестве домашней прислуги, впоследствии — на сельскохозяйственных работах, причем рабам давался для обработки такой же надел земли, как и свободным крестьянам. Это показывает, что рабовладение не привилось у табгачей, ибо не развилась работорговля, без которой рабовладение неминуемо вырождается в колонат.

Чрезвычайно важным мероприятием Тоба Гуя был закон о престолонаследии. У всех сяньбийских племен положение женщины было очень высоким. Ханша имела подчас решающее влияние на государственные дела, а ее родные проникали в органы правления. Отсюда возникала постоянная борьба за власть между родами хана и ханши. Чтобы избежать этой системы ограничения ханской власти, при преемниках Тоба Гуя была введена практика убийства ханши после объявления ее сына наследником престола. В результате знатные табгачи старались не отдавать дочерей в императорский гарем и ханам приходилось брать в жены чужестранок или пленниц. Это повело к отчуждению хана, ставшего императором, от

---

⁶ Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, стр. 54—55.

своей аристократии и определило возможность китаизации табгачей сверху, ибо на замену табгачских родовичей во дворец приходили чуждые им китайцы — родственники цариц.

Однако без своей знати ханы не могли и не хотели обходиться. Для нее они создали систему чинов по китайскому образцу, но в отличие от китайских должности и титулы были наследственными. Это был еще не совсем феодальный институт, но решительный шаг к нему. Распределение произошло в 404 г.

Первые четыре ранга, носившие китайские названия: ван, гун, хоу и цзы, принадлежали аристократам по праву рождения:

ваны (10 человек)	получили в управление	большой округ
гуны (22 »)	»	» малый округ
хоу (79 »)	»	» большой уезд
цзы (103 »)	»	» малый уезд

Следующие пять рангов — служилое дворянство, военные и чиновничество — состояли при вельможах. Вану полагалось 200 человек, гуну от 100 до 50, хоу — 25 и цзы — 12 чиновников. Вначале эта система действовала только на завоеванных территориях, но в 417 г. она была распространена на табгачские кочевья. Там было создано «Управление старшин шести аймаков», причем старшины получили титул «гун».

Несмотря на то что этот аппарат был скопирован с бюрократической системы империи Цзинь, наследственность должностей придала ему характер, позволивший ему перерасти в феодальную систему. На первых порах знатность подразумевала обеспеченность, но не богатство. С течением времени вельможи стали сосредоточивать в своих руках земли, которые превратились в латифундии.

Делались попытки учредить и ленные владения. После разгрома Хэси цзюйкою Ухоу была пожалована западная окраина современного Ганьсу и город Сучжоу на условии лояльного управления его собственной страной. Та же самая мера в 439 г. была применена к князю Уду, Ян Бао-цзуну, которому были «пожалованы» его родина и высокий военный чин⁷. Этим способом какой-то прожектёр из числа советников Тоба Дао хотел

⁷ Н. Я. Бичурин, История Тибета..., стр. 105.

организовать управление завоеванными окраинами, а это и есть известная всем ленная система, без которой немислим юридически оформленный феодализм⁸.

Однако то, что так блестяще привилось в Западной Европе, в Северном Китае оказалось мертворожденным. Племенные вожди, которых правительство Тоба-Вэй стремилось превратить в феодалов, не понимали, чего от них хотят. Будучи князьями, они оставались членами рода, установления и интересы которого воспринимались ими как очевидный императив. Они не могли предать своих соплеменников, потому что тем самым они предавали бы себя. Им просто в голову не приходило, что можно отказаться от своей среды и кровных взаимоотношений, потому что эта среда была для них воздухом, без которого организм гибнет. Их нельзя было подкупить, ибо шелка и золото имели для них лишь потребительскую ценность. Так, при избытке шелка, когда у всех ханских жен было по халату, излишек отдавался женам сановников, боевых командиров и, наконец, отличившихся воинов. Ну как можно было растолковать такому князьку, что он должен блюсти интересы чужеземного завоевателя в ущерб своим родственникам?

Другое дело, если бы подданными подобного наместника были китайцы, но для управления этой частью населения была сохранена привычная ему бюрократия. Назначаемые и часто смещаемые чиновники совмещали административные и судебные функции; замещение должностей шло не по наследству, а по протекции.

Итак, юридический феодализм не получил развития в империи Тоба-Вэй в царствование Тоба Дао, что не мешало существовать экономическим формам феодальной эксплуатации. Задержка в социальном развитии в значительной мере объясняется теми потрясениями империи, которые вызвала религиозная нетерпимость Тоба Дао и связанные с ней экзекуции.

---

⁸ «Происхождение феодализма коренится в организации военного дела у варваров во время самого завоевания, и эта организация лишь после завоевания, благодаря воздействию производительных сил, найденных в завоеванных странах, развилась в настоящий феодализм», — К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 3, стр. 74.

Три идеологии оспаривали друг у друга первенство в Китае; даосизму выпала самая худшая доля. Конфуцианцы занимали первые места в бюрократических системах империй Цзинь и Сун; буддисты обрели приют при дворах тибетских, тангутских и хуннских царей; даосы нашли приверженцев в среде восстававших крестьян... и гибли вместе с ними. Однако учение их не исчезло и, наконец, обрело могучего покровителя.

Тоба Гуй был человеком веротерпимым и практичным. Завоевав Шаньси, он не преследовал сбежавшихся туда даосов, но служебные вакансии предоставлял конфуцианцам. Для даосов и это было благо, ибо их не жаловали даже кроткие буддисты. В тангутском и тибетском царствах Цинь за чтение даосских книг полагалась смертная казнь. А кому не надоест вечно скрываться?

Главный советник хана Тоба Сэ, начитанный и умный Цун Хао, терпеть не мог и даосов, и буддистов. Особенно последних. Он говорил: «Зачем нам, китайцам, почитать варварских богов?»⁹ Этот открытый шовинизм вместе с повышенным вниманием советника к прекрасному полу позволили табгачским вельможам добиться его опалы. Очутившись в немилости, он начал увлекаться даосизмом. Как раз в это время от подпольной даосской общины к императору Тоба-Вэй прибыл «Учитель правил Небесного дворца» — Коу Цянь-чжи. Цун Хао оказал ему протекцию и благодаря этому сам вышел из-под опалы, так как теперь уже и Тоба Дао увлекся даосским учением. Последнее понятно: каждому интересно научиться летать в пространстве, жить без пищи, узнавать будущее и т. п. Таким образом, союз фанатика и пройдохи обеспечили даосскому учению свободу проповеди в империи Тоба-Вэй и царское благоволение (423 г.).

Лиха беда начало! Поскольку врагами Тоба Дао были южнокитайские конфуцианцы, хуннские буддисты в Хэси и язычники-политеисты — жужани, то даосская идеология, отвергнутая повсюду, кроме табгачской столицы, стала для табгачского хана надежной опорой во внешней и внутренней политике. А даосам было как нельзя более выгодно пользоваться милостью сильнейшего из владык.

⁹ W i e g e r, стр. 1267.

Союз трона и алтаря после каждой победы укреплялся и через пятнадцать лет стал давать плоды религиозной нетерпимости.

Наиболее опасными соперниками для даосов были буддисты, и первый удар пришелся по ним. В 438 г., готовясь к войне с Хэси, Тоба Дао указом вернул в мир буддийских монахов моложе 50 лет, сославшись на нужду в воинах¹⁰. Это мероприятие остановило распространение буддизма. В 440 г. под влиянием Коу Цянь-чжи Тоба Дао учредил новую эру летосчисления и провозгласил себя «Государем-покровителем наивысшего покоя», чем официально включился в даосскую общину¹¹.

Первые шаги на поприще даосизма были безвредны. Так, для уединенных размышлений царя было приказано построить высокую башню, куда бы не доносился никакой отвлекающий шум вроде лая собак и крика петухов. Башню начали, но не достроили. Дальше пошло хуже: начались казни за применение магии, и даже за толкование снов. В 444 г. был издан указ, согласно которому все, от князя до простолюдина, обязаны были выдавать властям известных им незарегистрированных буддийских монахов и частных колдунов; за уклонение от выполнения указа полагалась смертная казнь вместе с семьей. Второй указ предписывал обязательное обучение в государственных школах и запрещение школ частных¹². Мысль в государстве была взята под контроль даосской общины.

Затем пришла очередь язычников. Табгачи, попав в Китай, приняли местный культ — поклонение Небу, Земле, предкам и божествам (шэням), сохранив почитание своих древних богов. В 444 г. последнее было запрещено и всем родовичам предложено почитать лишь китайских богов¹³.

Вскоре последовали эксцессы. Тоба Дао, будучи в 446 г. в Чанъани, посетил буддийский монастырь и случайно обнаружил там склад оружия, винокурню и женщин. Это, конечно, нарушение устава, но казнь всех монахов была воспринята как неожиданность. Это была первая ласточка новой политики, а два года спустя, в 446 г.,

---

¹⁰ Ibid., стр., 1313.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid., стр. 315.

¹³ Ibid., стр. 316.

последовал указ об уничтожении всех буддийских икон и статуй, сожжении индийских книг и преданию смерти всех монахов, без учета возраста. Каждый, почитавший чужеземных богов и делавший идолов из серебра или меди, обрекался на смерть вместе со всеми родственниками. Автором текста указа был не кто иной, как Цун Хао¹⁴. Такой ценой он снова обрел царскую милость.

Указ поразил всех, в первую очередь табгачскую знать. Многие вельможи и принцы крови были знакомы с буддийским учением, и если не симпатизировали ему, то по крайней мере интересовались. Других оно увлекало. В их числе был принц Тоба Хуан, человек искренний и смелый. Он решился задержать опубликование указа, о содержании которого все уже знали, чем дал возможность многим монахам скрыться и спасти книги и иконы. Но кумирни были уничтожены все.

По поводу этого указа в исторической литературе сохранилась интересная полемика. Один известный автор считал казни монахов справедливыми, так как, живя в Китае, они чтити чужеземный закон, согласно которому не несли воинской повинности, нарушали долг детей перед родителями (отказываясь от мира) и родителей перед детьми (соблюдая целомудрие), изнуряли себя постом (грех перед телом) и собирали милостыню, т. е. не работали. Все вместе рассматривается как непростительное преступление.

Другой автор возражает первому. Если государь любит тех подданных, которые мудры, то он должен жалеть тех, которые глупы, и просвещать их, а не казнить, лишая возможности исправиться. Поэтому не следовало казнить буддистов, не предупредив их о недозволенности буддийского учения, нужно было дать им время и возможность пересмотреть свои верования. К тому же сердце человеческое непреодолимо склонно к одному либо к другому осмыслению действительности (мы бы сказали: «органически»). Поэтому Тоба Дао должен был распространять конфуцианскую истину, которая кладет конец буддийским заблуждениям, без напрасного кровопролития¹⁵.

Итак, расправа над беззащитными мечтателями вызвала протест не только со стороны табгачей, но и слу-

¹⁴ Ibid., стр. 1317.

¹⁵ Ibid., стр. 1317—1319.

жилых китайцев, принципиальных противников буддизма, но поборников законности. Тоба Дао не склонен был терпеть оппозицию и решил добить конфуцианство, так же как он истребил буддизм. Поход на юг был предпринят.

Нельзя не отметить, что религиозная реформа больше всего ударила по сторонникам и друзьям табгачского хана. В число чужеземных богов попали родовые табгачские духи-хранители, и космополитический буддизм был принесен в жертву идеологической диверсии китайцев, которые по-прежнему не любили завоевателей. Ведь эту акцию можно сопоставить с политическими авантюрами Цзинь Чжуня и Жань Миня: только на этот раз были использованы конфессиональный принцип и фанатическое ослепление хана. Даосизм был слишком заумен для того, чтобы стать системой мировоззрения кочевников. По существу он явился в данном случае формой китайского стремления к изгнанию иноземцев из интеллектуальной сферы. Но по неумолимой логике событий жертвой шовинистического движения должно было стать вполне китайское конфуцианство, на которое в 450 г. Тоба Дао обрушил то последнее, что у него оставалось, — военную силу.

ПОХОД НА ЮГ

Осенью 450 г. Тоба Дао, видимо, решил, что введение принудительного единомыслия достаточно укрепило его державу для того, чтобы покончить с Южной империей. Силы Вэй и Сун были не только не равны, а несоизмеримы; южане даже не надеялись устоять. Правителям пограничных областей была дана инструкция в случае серьезного нападения табгачей отходить, уводя с собой население. Но нападение оказалось столь внезапным, что этот план не успели выполнить. И тут возник первый сюрприз. Небольшая крепость Хуань Пао с гарнизоном меньше тысячи человек отбила все приступы многочисленного противника и дождалась подкреплений, которые заставили табгачского хана снять осаду. Такого оборота дела не ожидал никто.

Больше того, отряд южнокитайских войск совершил глубокий рейд через долину р. Хань в долину р. Вэй и

нанес сильное поражение табгачам у крепости Ся, прикрывавшей горный проход из Шэньси в Хэнань. Захваченные в плен китайцы, состоявшие на службе Северной империи, сослались на безысходность своего положения — они были вынуждены драться против своих соотечественников. Довод был признан убедительным, и пленных отпустили на свободу. Этот акт великодушия получил широкий отклик. Хунны, тибетцы и прочие инородцы, жившие в долине р. Вэй, предложили свои услуги южнокитайскому полководцу, но, поскольку главные силы северян вели широкое наступление на востоке и уже захватили Шаньдун, южнокитайский отряд отошел на юг, не закрепившись в Шэньси¹⁶.

Этот поход сам по себе был не более чем эпизодом, но он показал, насколько упала популярность табгачского правительства за последние годы. Однако вскоре мы увидим, что настолько же снизилась боеспособность табгачской армии, дотоле не знавшей поражений.

Оставив без внимания западную окраину, Тоба Дао пятью колоннами повел наступление на долину р. Хуай. На этот раз Хуань Пао была взята и дорога на юг открыта. Полевые войска южнокитайцев были настигнуты при отходе и изрублены табгачской конницей. Но крепость Хуи на р. Хуай не открыла ворот противнику, и Тоба Дао был вынужден блокировать и оставить ее в тылу, чтобы не снижать темп наступления. Его войска уничтожали все на своем пути; китайское население бросало имущество и бежало на юг. Двигавшееся по опустошенной стране войско Тоба Дао начало испытывать голод, но хан довел его до голубых вод Янцзы и стал станом против Цзянькана, находившегося на южном берегу. Только речные волны защищали южную столицу, где возникла паника, охватившая и начальство, и народ. С башни столичной цитадели стан врагов был виден как на ладони, и бледный от страха император плакал от горя и раскаяния.

Но и положение Тоба Дао было нелегким. Кормить войско было нечем, организовать переправу — невозможно: кочевники не умели делать лодки. Поэтому табгачский хан счел за благо предложить мир и богатые подарки. Обрадованный император согласился и послал

¹⁶ Ibid., стр. 1306.

еще более роскошные дары. Торжественно отпраздновав (что праздновали, трудно определить)... Тоба Дао повернул свои войска на север и по дороге сделал попытку взять крепость Хуи. Он бросил на штурм этой крепости телеутов, хуннов, тангутов и тибетцев, крича осажденным: «Убивайте их, если можете; вы окажете мне услугу, уменьшив число разбойников в моем государстве»¹⁷. Бои шли тридцать дней; крепость устояла и дождалась флотилии речных судов, доставивших по р. Хуай подкрепление и продовольствие. Тоба Дао сжег осадные машины и ушел в свою страну. Преследовать его южнокитайские воеводы не решились.

ГИБЕЛЬ ТИРАНА

Война 451 г. показала, что сравнительно с эпохой Фу Цзяня II и Север, и Юг потеряли ту пассионарную энергию, которая толкала людей IV в. на поступки, ставшие невозможными в середине V в. В самом деле, разве можно было обрекать на гибель хуннов Лю Яо и Ши Лэ или тибетцев Яо Хуна, заявляя, что смерть их пойдет на пользу государству? Да они бы ни минуты не потерпели такого обращения с собой, потому что умели идти на смерть сами — за свое дело, за свое племя, за свою доблесть, а не ради каприза презиравшего их деспота. А в V в. их потомки стали больше бояться «палки капрала, чем штыков противника». Соответственно изменилась и власть. Если Тоба Гуй был табгачским ханом, Тоба Сэ — ханом и императором, то Тоба Дао стал императором Вэй и в то же время оставался ханом, не неся положенных хану обязанностей. Вместо консолидации степных племен долины Хуанхэ он учредил империю с китайской идеологией, где степняки, включая табгачей, лишились всех прав, кроме права на безусловное подчинение царю. Выиграли при этом только те китайцы, которые сумели втереться в милость к монарху и использовать его доверие для своих подлых целей. Таким был гвардейский офицер Цзун Ай, враг наследного принца Тоба Хуана.

Наследник престола зарекомендовал себя как человек смелый и добрый уже потому, что он спас много будди-

¹⁷ Ibid, стр. 1310.

стов от ярости своего отца. Можно было бы думать, что Цзун Ай был даосом и потому возненавидел царевича, но дело обстояло проще: Цзун Ай был всего-навсего мерзавцем. Когда Тоба Дао вернулся из похода и искал, на ком бы сорвать злобу, Цзун Ай обвинил в измене наследника и его друзей. Придворных казнили без суда и следствия. Царевич, «потеряв лицо», кончил жизнь самоубийством.

Такого оборота дела Цзун Ай не предвидел. Скандал получился такой, что к нему обратилось внимание двора и царя. Найти клеветника было просто, но Цзун Ай, пользуясь своим положением дворцового гвардейца, при помощи нескольких сообщников задушил царя¹⁸.

Хан умер, да здравствует хан! Табгачские вельможи предложили возвести на престол принца Тоба Ханя, но Цзун Ай успел тайно договориться с принцем Тоба Ю, пьяницей, страстным охотником и лентяем. Вооружив дворцовых евнухов, Цзун Ай пригласил во дворец министров, и по мере того как они входили, им рубили головы. Заодно Цзун Ай прикончил своих товарищей по заговору и принца Тоба Ханя, а затем возвел Тоба Ю на престол, за что получил титул имперского маршала. Опять китаец-заговорщик захватывает власть в «варварском» царстве: случаев столько, что это уже система.

Дружба нового хана с фаворитом продолжалась недолго. К концу 452 г. они начали тяготиться друг другом, и Цзун Ай приказал дворцовому евнуху убить хана, что тот и исполнил. Но тут вмешался другой гвардейский офицер, Лю Ни, который крикнул толпе народа, что произошло убийство, и провозгласил царем законного наследника — Тоба Сюня. Народ его поддержал, убийцы были схвачены и после многих пыток казнены. Опять получилось так, как во всех описанных нами случаях, за исключением частных деталей.

Но здесь важно другое: взойдя на престол, Тоба Сюнь отменил указ своего деда о запрещении буддизма. Он даже разрешил строить пагоды, хотя и с ограничением: не больше одного монастыря с 40—50 монахами на уезд¹⁹. Смерть больше не грозила буддистам, а даже сам царь брил голову в знак уважения к «Учению».

И все-таки религиозная реформа Тоба Дао не прошла

---

¹⁸ Mailla, IV, стр. 80

¹⁹ Wiegeler, стр. 1319.

бесследно для его народа. Обрядовые традиции, принесенные табгачами, не восстановились. Конечно, табгачи не превратились в китайцев — сторонников даосизма, но за протекшие шесть лет они перестали обращаться к своим родовым духам и заполнили возникшую в психике пустоту... пьянством. Этот порок поразил больше всего их, не имевших повода бунтовать против своего хана и не хотевших принять чужой образ мысли. Пьянство развилось настолько, что в 458 г. Тоба Сюнь издал закон о смертной казни за самовольное курение вина. Но уже в 465 г. его пришлось отменить²⁰. Было поздно.

Однако на первых порах двойное царевубийство оздоровило империю Тоба-Вэй. Проснулась табгачская военная доблесть, что немедленно испытала на себе империя Сун, попытавшаяся использовать гибель Тоба Дао для контрнаступления на табгачей. В 452 г. южнокитайская армия вторглась в империю Вэй и осадила крепость Гаонай. Защитники крепости вырыли подземный ход, неожиданно появились среди осаждающих и учинили там такую резню, что китайцы немедленно вернулись восвояси²¹.

Удачно стали складываться дипломатические дела. В 452 г. в Тогоне умер враг табгачей царь Мулиянь, а заменивший его Шэинь вступил в союз с империей Тоба-Вэй. Отмена указа о преследовании буддизма благотворно повлияла на отношения северокитайской империи с княжествами Западного края, и уже в 456 г. табгачи без сопротивления заняли оазис Хами, обеспечив себе контроль над великим караванным путем, по которому везли на Запад шелк.

Но больше всего от реформы Тоба Дао выиграл сам буддизм. Поскольку непопулярный правитель ополчился на эту концепцию, то к ней примкнули все недовольные властью — тибетцы, тангуты и хунны, а также многие китайцы, как на Севере, так и на Юге. «Золотистое учение» давало утешение, нужное обиженным людям, и не требовало от неопита отказа от привычных воззрений. Число кумирен, идолов и икон возросло до такой степени, что южное правительство (Сун) обеспокоилось утечкой из обращения драгоценных металлов и шелка. Еще опаснее

---

²⁰ Ibid., стр. 1338.

²¹ Ibid., стр. 1321—1322.

было влияние монахов на женщин из знатных фамилий. В 458 г. в империи Сун был издан специальный указ, запрещающий монахам беседы с императорскими женами, а в 462 г. был восстановлен древний культ «Пяти царей», призванный заменить конфуцианство, бессильное против буддийской проповеди. Однако новый возврат к древности только дал повод для зубоскальства, потому что в этих «царей» уже никто не верил²².

Медленно и постепенно холодное золотистое сияние загасило желтое пламя на Севере и красное — на Юге Китая. Только синий хуннский огонек мерцал в Турфанском оазисе, но вскоре угас и он.

ГИБЕЛЬ ХУННОВ

Последним реальным успехом Тоба Дао был разгром (хотя и не покорение) жужаньского ханства. Покорить жужаней было невозможно — они переносили войну в пространство и прятались в ущельях Хэнтея и Монгольского Алтая, дожидаясь, пока утомленные враги уйдут, а потом собирались снова. Но каждое поражение уносило из их среды бойцов, а естественный прирост не восполнял убыли. В 445 г. умер отважный враг табгачей хан Уди, а сменивший его Тухэчжэнь вынужден был ограничиваться обороной или мелкими грабительскими набегами. В 448 г. Тоба Дао принял посольство княжества Юебань, т. е. среднеазиатской ветви хуннов, жившей в это время в Тарбагатае и Западной Джунгарии. Переговоры, занесенные в историю, означали заключение союза, который мог иметь только одну цель — войну с жужанями. Если бы юебаньцы стеснили жужаней с Запада, то те сразу бы потеряли возможность маневрировать. Правда, прямых сведений о войне в Джунгарии у нас нет, но, судя по ходу событий, мира там тоже не было и Жужань стала клониться к упадку.

Какова в этой ситуации могла быть позиция хуннского князя Аньчжоу? Он был союзником жужаней, но соплеменником юебаньцев; войска у него было мало, а население Турфанской котловины относилось к нему враждебно. Ему приходилось маневрировать, лгать, изворачивать

²² Ibid., стр. 1334—1335.

ваться, но всему приходит конец. В 460 г. жужаньское войско осадило его крепость, а когда она сдалась, все хунны, находившиеся там, были убиты.

И не странно ли, что на эти самые годы приходится столь же трагический конец западной ветви хуннов, которую принято называть гунны, чтобы подчеркнуть этническую модификацию, возникшую вследствие смены места обитания и интенсивного смешения с уграми и аланами²³. Могучее царство гуннов не только пало, но и исчезло без следа.

Трудно утверждать, что хронологическое совпадение гибели азиатских хуннов и европейских гуннов было случайностью, но столь же трудно усмотреть здесь прямую историческую закономерность. Однако нельзя не отметить, что если в 451 г. Атила решал судьбы Римской империи, то уже в 454 г. его сын и наследник Эллак пал смертью храбрых у р. Недао, а его братья, Денгизих и Ирник, тщетно пытались закрепиться в причерноморских степях. Агония гуннов продолжалась до 469 г., когда голова Денгизиха была доставлена в Константинополь. Агония эта была осложнена событиями, происшедшими в Средней Азии, казалось бы равно далекой и от Турфана и от Черного моря.

Здесь мы отойдем от принятой манеры повествования, т. е. прямых ссылок на источники, потому что реконструкция хода событий, с одной стороны, слишком громоздка, а с другой — сделана нами в ряде узкоспециальных исследований²⁴.

Но краткая справка о событиях в Средней Азии в V в. нужна, чтобы связать историю азиатских хуннов с всемирной историей.

В середине V в. хунны Юебань, базировавшиеся на склонах Саура и Тарбагатая, на юге граничили с племенем абар, или «истинных авар», называемых так в отличие от «псевдоавар», или племен «вар», живших на Яике

²³ К. А. Иностранцев, Хунну и гунны, Л., 1926.

²⁴ См. работы Л. Н. Гумилева: Эфталиты и их соседи в IV в. — ВДИ, 1959, № 1; Некоторые вопросы истории хуннов, — ВДИ, 1960, № 4; Три исчезнувших народа, — в кн.: Страны и народы Востока, II, М., 1961; Эфталиты — горцы или степняки?, — ВДИ, 1967, № 3; В кн.: М. И. Артамонов. История хазар, Л., 1962, прим. ред. 13, стр. 106—107; Древние тюрки, стр. 35; Ирано-эфталитская война в V в., — в кн.: F. Altheim und R. Stiehl, Die Araber in der Alten Welt, Bd V, 2, Berlin, 1969.

и Эмбе. Около 460 г. эфталиты совершили поход на север и так напугали абар, что те бросились спасаться и напали на племя сабир²⁵, обитавших в Западной Сибири, на границе тайги и степи²⁶. Эти последние двинулись на Запад и столкнули с места угорские племена сарагуров, оногуров и урогов, которые в 463 г. победили гуннское племя акациров, чем лишили западных гуннов тыла и обрекли их на поражение. Дальнейшая история этих племен исчерпывающе изложена М. И. Артамоновым²⁷, а нам важнее события, происходившие в Средней Азии.

Юебаньские хунны воспользовались ослаблением абар и распространились на все Семиречье, куда абары вернулись, но уже не как самостоятельное племя. Им пришлось кооперироваться с мукринами, одним из сяньбийских племен, еще во II в. прикочевавшим на склоны Тяньшаня и некоторое время существовавшим там самостоятельно под названием Западносяньбийской орды. В VI в. эти племена слились и образовали народ тюргешей. Юебань же просуществовала всего до конца 80-х годов V в. Ее самостоятельность была уничтожена телеутами, отложившимися в 487 г. от Жужани. Но и счастье тех было недолговечно: их завоевали в 495—496 гг. эфталиты, а затем разгромили жужани и, наконец, в 547 г. покорили тюркюты. А потомки среднеазиатских хуннов уцелели. Они образовали четыре племени: чуоуе, чуми, чумугунь и чубань, игравшие огромную роль во время существования Великого тюркского каганата и после него; но хуннами их уже называть нельзя, хотя они, бесспорно, потомки хуннов.

Но тут мы натолкнулись на основную проблему этнологии: что такое этнос? Все народы имеют предков, входящих к палеолиту; большинство народов, исчезая, оставляет потомков. Этногенез хуннов — только фрагмент этнической истории человечества: в нем, как и в других отдельных случаях, частное перепутано с общим настоль-

---

²⁵ Самодийское племя. См.: P. H a j d u, Die ältesten Berührungen zwischen den Samoieden und die jennisseischen Völkern,—Acta Orientalia, t. III, стр. 88—89.

²⁶ Предполагалось, что «абарами», толкнувшими сабиров, были жужани. Помимо всего прочего, читатель может видеть, что в 460 г. жужани были в таком положении, что скорее их можно было толкать; кроме того, они не граничили с народами Сибири, ибо их разделяла Юебань.

²⁷ М. И. Артамонов, История хазар, Л., 1962, стр. 61.

ко, что расчлениить одно от другого невозможно. Поэтому отошлем читателя к нашим специальным рассуждениям о природе этноса и ритме этногенеза, а пока попытаемся ответить на поставленный выше вопрос: гибель хуннов случайна или закономерна?

Во второй половине V в. хуннский этнос исчез в четырех районах, не похожих друг на друга ни по природным условиям, ни по населению, ни по культуре. Точнее, погибли четыре народа, в которых хунны присутствовали как необходимый компонент. Это скорее говорит о том, что хунны несли в себе зародыш гибели. Но это не значит, что сами члены хуннского этноса были неполноценными людьми. Как только исчезла этническая целостность, они нашли для себя возможности существования в рамках других этнических целостностей. Так, акациры смешались с сарагурами и породили древних болгар; ганьсуйские хунны вошли в состав орды тюркютов Ашина; чуйские племена поддерживали величие Западнотюркского каганата и выделили из своей среды героическое племя тюрков-шато, в X в. вновь овладевшее Китаем. Наконец, хунны, оставшиеся в Ордосе, Шэньси и Шаньси, смешались с табгачами и разделили судьбу империи Тоба-Вэй, что понуждает нас вернуться к истории зоны этнического контакта, чтобы проследить исчезновение народа, хронологически отставшее от падения его политической самостоятельности.

П. Будберг, отмечавший кровные связи хуннов с табгачами, датирует последнее самостоятельное выступление хуннов в Шаньси 525—526 гг., когда их вождь Лю Ли-шэн принял титул хана²⁸.

Правда, самоназвание этого племени было не хунну, а «ши ху», или в другом месте текста, «горные ху», что дает повод усомниться в их генеалогии, но их этнокультурная принадлежность к хуннской культуре сомнений не вызывает. По-видимому, это был реликт, сохранявшийся на северной окраине империи Вэй до VI в. Это последнее упоминание о хуннах как об отдельном народе. Оно в сочетании со всеми высказанными соображениями дает нам право проследить последнюю страницу истории этнического контакта в эпоху, когда межплеменные коллизии уступили место социальным.

---

²⁸ P. Woodberg, Two Notes..., стр. 297—п. 55.

УГЛИ ОСТЫВАЮТ

ЦАРЬ-МОНАХ

За двенадцать лет своего царствования Тоба Сюнь боролся разве только что с пьянством. Эта откровенная пассивность правительства, равно терпевшего даосов и буддистов, позволила последним полностью овладеть общественным мнением страны. Даосы успели опостылеть всем, и китайцам и «варварам», а буддизм был ничей и годился для всех, кто нуждался в утешении. А кто в нем не нуждался!

В 465 г. на престол вступил Тоба Хун I. Он был искренний и ревностный буддист, ознаменовавший свое царствование сооружением не дворца или парка с павильонами для наложниц, а гигантской статуи Будды, на которую пошло неимоверное количество меди и золота. Впрочем, набожность не помешала ему удачно разрешить сложные проблемы внешней политики. В 466—469 гг. табгачи победили южных китайцев, заняли Шаньдун и провели границу по р. Хуай, а в 470 г. нанесли поражения тогонцам и жужаням, чем заставили тех и других приостановить грабительские набеги на империю Вэй. В 471 г. Тоба Хун отрекся от престола в пользу своего малолетнего сына и ушел в буддийскую обитель спасать душу, но продолжал руководить политикой, к великой досаде своей жены, императрицы Фэн¹, ставшей регентшей. В 475 г. царь-монах издал указ, запрещающий приносить в жертву животных, так как в любом из них может оказаться душа человека (путем метампсихоза). Другим указом он воспретил казнить родственников преступника, как это практиковалось в Китае, ограничиваясь казнью самого виновника. Но среди первых

---

¹ В переводе — Феникс, мифическая птица. См.: Wiegert, стр. 1355.

же нескольких чиновников-плутов, которых он казнил, оказался фаворит императрицы Фэн. Эта энергичная дама вскоре отравила своего мужа и взяла власть в свои руки (476 г.). Политическая линия при этом не изменилась.

Достигнутый компромисс с буддийскими монахами дал возможность Тоба Хуну I усилить нажим на своих китайских подданных. В 465 г. был запроектирован закон о землепользовании и рабовладении. Неизвестно, был ли осуществлен этот закон, но сам смысл его говорит о многом. Согласно этому закону, предполагалось ввести земельные наделы — по 80 му мужчинам и по 40 му женщинам во временное пользование; по достижении мужчиной предельного возраста — 66 лет надел возвращался в казну. Надо думать, что наделались не все подданные империи, а только сянбийские воины, на что указывает установление предельного возраста держателя надела: старики для службы не годились. Таким образом, можно рассматривать надел как бенефиций — раннефеодальное учреждение. Тот же закон ограничивал рабовладение: свободным людям (т. е. простым воинам) и мелким чиновникам разрешалось иметь до 60 рабов, а знати — от 100 до 300². Интерпретируя смысл этой реформы независимо от того, осуществилась ли она, мы видим, что направлена она была против китайской земельной аристократии. Именно в северных районах Китая располагались громадные латифундии, приобретенные пограничными генералами, образовывавшими чиновные династии вроде Юаней или Ма. Обрабатывались эти земли либо крестьянами, которых всемогущие вельможи могли к этому легко принудить под любым предлогом, либо рабами из военнопленных. Обращение с рабами было весьма жестоким, например однажды за прелюбодеяние раба с рабыней хозяин хотел их казнить, но, сжалившись, лишь наказал влюбленных, дав обоим по 40 палок³.

Очевидно, что табгачи, овладев Северным Китаем, ликвидировали китайскую земельную аристократию, и из латифундий составилась земельный фонд казны. Первое время кочевники жили за счет своих стад и военной до-

---

² С. В. Киселев, Древняя история южной Сибири, стр. 488.

³ Ло Гуаньчжун, Троецарствие, т. I, стр. 304.

бычи — война кормила войну, но долго так продолжаться не могло — нужно было изыскать внутренние средства для содержания постоянной армии. Эти средства могла дать земля, обрабатываемая рабами. Итак, земельная реформа Тоба Хуна I была своеобразным феодально-рабовладельческим гибридом, позволявшим приостановить завоевательные, т. е. грабительские, войны и перенести центр тяжести на эксплуатацию уже завоеванных территорий. Такая система была равно не похожа ни на китайскую (значит, китаизация табгачей была чисто внешней), ни на хуннскую, где, как известно, хозяином земли был род. Она проистекала из принципа «орды», т. е. формы военной демократии «варваров», и из фактической необходимости кормить досыта войско, не давая воинам отвлекаться от военных упражнений мирным трудом. Возможность продажи земли отпадала, так как с III в. в самом Китае натуральный обмен заменил денежный. В качестве денежных единиц стали употребляться зерно и ткани, а у кочевников — шкуры и скот. Последний без земли не мог быть накоплен⁴.

Однако табгачские вельможи от этой реформы не пострадали, так как ограничение землевладения не затронуло бенефициев, которыми владели чиновники. Больше того, за ними были закреплены наделы от 600 до 1500 му (36,15 — 93,6 га), в зависимости от ранга. Рабовладельцы, сверх того, получали наделы на рабов, которые, таким образом, из пленных становились колоннами. А кто были рабовладельцы, понятно: воины и воеводы, имевшие возможность захватить пленных, т. е. табгачи, а отнюдь не китайские подданные империи. Эта деталь заставляет думать, что под властью косоплетов Северный Китай отнюдь не процветал; площадь обрабатываемых земель сокращалась, и поэтому надел стремились дать каждому, кто был в состоянии его обработать. Но из этого числа исключались лица, явно не лояльные правительству, т. е. китайская знать. В принципе табгачское правительство ничего не имело против крупного землевладения. Например, оно стало наделять огромными имениями буддийские монастыри. Но оно хотело получать налоги с наделов⁵ и желало, чтобы сяньбийские воины

⁴ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, стр. 490.

⁵ Земельный налог с пахоты; промысловая подать с тутовников и коноплянников.

использовали труд рабов на земле⁶, т. е. превратились в мелких помещиков. Это уже бесспорно феодальная система; жаль только, что неизвестно — была ли она осуществлена. Зато точно известно, что она была недолговечна.

ЦАРИЦА-МОДНИЦА

В правление регентши-мужеубийцы произошло несколько событий, важных и показательных. На южной границе начались неудачи. Гнилую династию Сун в 479 г. сменила новая династия — Ци, сразу переманившая на свою сторону княжество Уду и отразившая два натиска северян в 480 и 481 гг. Зато на северной границе наметилось улучшение. В 479 г. заявил о своем существовании народ киданей. Это древнемонгольское племя, обитавшее в северо-западной Маньчжурии, испытывало натиск со стороны Когурё и потёмно добровольно подчинилось империи Вэй, согласившись представлять дань⁷, но отказавшись давать людей для пополнения вэйской армии. В 480 г. потомки юйвэньцев, татабы, просили разрешения поселиться в пределах империи и были приняты в число подданных⁸. Жужань ослабела, так как от нее отделились телеуты. Они откочевали на запад и создали самостоятельное владение, искавшее союза с империей Вэй. Наконец, Тогон, естественный враг империи Вэй, увяз в мелкой войне с танчанами — кочевыми тибетскими племенами нагорий Амдо⁹ и перестал тревожить западную окраину империи¹⁰. Но все эти события происходили почти без участия правительства императрицы Фэн, которое больше занималось внутренней перестройкой своего государства.

Двор в Пинчэне постепенно, но неуклонно терял свой кочевнический облик и превращался в обычную роскошную столицу Китая. Инициатива перестройки принадлежала придворным кругам.

---

⁶ Рекомендовалось иметь 60 рабов, т. е. идти на войну и поймать их. Стимул к поднятию падающей воинственности.

⁷ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 74.

⁸ Там же, стр. 73.

⁹ Н. Я. Бичурин, История Тибета..., стр. 83.

¹⁰ Попытка царя Фулянчоу порвать отношения с Вэй и исправить границу была пресечена в 492 г. См. там же, стр. 84.

Говоря об экономическом развитии страны, следует учитывать не только как собираются богатства, но и на что они растрачиваются. Императрица Фэн устанавливала при своем дворе китайские моды. Для придворных разных рангов как знаки различий были введены значки в виде красивых подвесок, брелоков и лент. Кочевнические халаты оказались вытесненными красивыми красными куртками. Во дворце соорудили роскошный тронный зал. Для детей знатных табгачей учредили школу с китайскими учителями¹¹. Однако жестокий сяньбийский обычай, по которому мать наследника престола предавали смерти, чтобы лишить ее влияния на будущего царя, остался в силе¹². Табгачское государство, становясь китайским, в конце V в. переживало мучительную стадию перерождения; оно превратилось в кочевническо-китайскую химеру.

Скомпрометированный даосизм, уступивший свое влияние на «варварское» население империи Вэй буддизму, терял последние позиции при дворе, понемногу вытесняемый конфуцианством. В 482 г. юный император Тоба Хун II впервые совершил церемонию поклонения предкам по конфуцианскому ритуалу¹³. Это одно должно было обеспокоить даосов, но в 485 г. последовал указ против магии и гаданий, т. е. против узкой специальности даосских монахов. Мотивом запрещения было противоречие науки о предсказывании будущего классическим книгам, и особенно строго воспрещалось гадать о судьбе народа. Гадательные книги было предписано сжечь, хранение их квалифицировалось как преступление¹⁴. Указ лишил даосов права на всякую деятельность, но окончательная гибель их общины, разумеется в легальной форме, наступила год спустя, после смерти императрицы Фэн, т. е. в 491 г. Тогда был убран знаменитый алтарь Лао-цзы, сооруженный Тоба Дао, запрещены старинные табгачские обряды и введен новый культ — поклонение солнцу и луне, в 492 г. замененный обычным китайским культом пяти великих мужей, т. е. конфуцианством¹⁵.

Реформы культа и изменение обычаев можно рас-

---

¹¹ W i e g e r, стр. 1366.

¹² Ibid., стр. 1363.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid., стр. 1364—1365.

¹⁵ Ibid., стр. 1368—1370.

сма­тривать как индикатор изменения политической ори­ен­тации. Правительство императрицы Фэн явно предпо­чи­тало китайских подданных табгачским. Ради примире­ния с китайским населением в 484 г. была проведена ре­форма налогов. До этого налог взимался с группы, сос­то­явшей из 3—10 семей, плативших в казну 2 куска тка­ни, 2 фунта пряжи, фунт шелковой нити и 200 мер зерна. Кроме того, в пользу местного правителя добавлялся один кусок ткани, а часто и больше. Из собранного на­лога местные правители брали себе столько, сколько хо­тели, а остальное сдавали в казну. Реформой было уста­новлено жалованье чиновникам и снижен налог: 2 куска ткани и 29 мер зерна в казну и 2 куска ткани — чинов­никам. За ра­гхищение и вымогательство должностные лица подвергались смертной казни¹⁶.

Эта реформа об­лег­чила положение китайского крестьянства, но за счет табгачской знати, утер­явшей все плоды своих побед. Преимущество­нное положение детей завоевателей превратились в фикцию, и было ясно, что это только начало процесса.

Еще раньше получили об­лег­чение жители городов, об­служивавшие двор и придворных. Сразу вслед за отрече­нием царя-монаха Тоба Хуна I указом 471 г. было ос­вобождено большое количество рабов, что подрывало экономическую мощь табгачской знати, и были сняты все ограничения с ремесленников, населявших города. С этого времени они получили право выбирать место жительства, свободно передвигаться по стране и менять профессию¹⁷.

Как и в средневековой Европе, престол в борьбе про­тив феодалов блокировался с горожанами.

Реформа коснулась и администрации.

Чиновники в округах и уездах были переведены на жалованье, определявшееся в зависимости от численности населения¹⁸. Этим мероприятием табгачские фео­далы были отстранены от управления, а на ответственные должности назначены китайцы¹⁹.

Была создана новая система сельского самоуправле­ния.

---

¹⁶ Ibid., стр. 1364.

¹⁷ Л. И. Думан, К истории государства Тоба Вэй и Ляо и их связей с Китаем, стр. 12.

¹⁸ Там же, стр. 13.

¹⁹ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 200.

ния — институт «трех старшин» (саньчжан). Каждые 5 дворов составили соседскую общину с квартальным старшиной; 5 таких общин — деревенскую общину; 5 деревенских общин — сельскую общину. В обязанности старшин входили: учет населения; распределение налогов и повинностей; ежегодный передел земли; наблюдение за политической благонадежностью населения. Для табгачей, не растворившихся в китайской массе, места в жизни не оставалось.

ИЗМЕНА ПРОШЛОМУ

Императрица Фэн скончалась в 490 г., и юный Тоба Хун II получил всю полноту власти. От отца он унаследовал энергию своих табгачских предков, а от матери — утонченность китайских. Поэтому он с отцовской страстью продолжал материнское дело — китаизацию табгачей. Для начала он обеспечил тыл империи. Одним удачным походом Жужань была сокрушена, но, конечно, не завоевана, ибо жужани, как всегда, разбежались и спрятались в горных ущельях Хангая и Хэнтея. Другой поход в том же, 491 г. вернул к покорности Тогон, причем император милостиво отпустил пленных. В 493 г. Тоба Хун II выступил против Южного Китая, но дожди и недостаток необходимого снаряжения заставили его прекратить военные действия и остановиться в Лояне.

Древний китайский город произвел на Тоба Хуна II такое впечатление, что он решил перенести туда столицу своей империи и в 494 г. выполнил это намерение. Ему казалось, что, имея базой Лоян, близкий к театру военных действий, он легко добьется победы над империей Ци, но наступление «северян» захлебнулось. Это еще раз заставило Тоба Хуна II пересмотреть порядки в своем государстве.

За сорок лет относительно мирного существования табгачи потеряли многие степные традиции и усвоили много китайских обычаев. Это не могло не повлиять на военную выучку табгачской молодежи; она была просто необстреляна. Но Тоба Хун II счел повод достаточным, чтобы разочароваться в своем народе. В 495 г. он издал указ, запрещающий употребление сяньбийского языка, ношение сяньбийской одежды и косы, бывшей отличительной особенностью табгачей. Китайский язык, одеж-

да и прическа были объявлены обязательными под угрозой разжалования в рядовые. Были также запрещены браки табгачей с соплеменниками, сяньбийские имена велено было сменить на китайские и даже запрещалось хоронить покойников в родных степях. Доводя дело до конца, Тоба Хун II изменил даже название династии: Тоба на Юань²⁰.

Разумеется, среди табгачской знати возникла оппозиция реформе, во главе заговора оказался наследник престола. Он просто хотел вернуться в родной Пинчэн и жить по-старому, но на пути домой его арестовали вместе со спутниками, и все они были казнены. Феодализм пожрала полицейско-бюрократическая система — наследие ханьского Китая.

Реформа 495—497 гг. превратила форпост кочевого мира в заурядное китайское царство. При следующих императорах при дворе началось полное разложение: процветали ханжество, лицемерие, фаворитизм. Огромные суммы уходили на постройку буддийских храмов и на содержание индийских монахов, число которых в одном Лояне достигло 3 тыс. Расходы двора потребовали введения новых налогов, а армия, оставленная без внимания, быстро превращалась из табгачской в китайскую.

А теперь обратимся к нашей основной проблеме — этногенезу народов зоны контакта в зависимости от их исторической судьбы. Объединение племен под властью табгачского хана повело к укреплению и углублению связей между ними. Совсем исчезли перегородки племенных традиций, препятствовавшие смешанным бракам, хотя они и дотоле не очень им мешали. Полвека спокойной жизни после гибели Тоба Дао способствовали включению в табгачский этнос потомков хуннов, тибетцев и осколков сяньбийских племен, но все они, сливаясь, противопоставляли себя китайцам. Китаефилия Тоба Хуна II коренным образом изменила положение. Хранить обычаи предков значило теперь быть нелояльным к власти. Тоба Хун II перестал быть ханом и остался императором. Принудительная смена разговорного языка, одежды, причес-

---

²⁰ Мотивом переименования было происхождение Тоба от Хуанди (конечно, вымышленное) и фантастическая этимология этнонима, который означал землю и потому мог быть переведен на китайский язык как «желтый цвет». См.: Mailla, V, стр. 185.

ки — это не просто бутафория. Люди при этом меняют систему поведения, а Конфуций учил: китаец, живущий среди «варваров» по их обычаю, — «варвар»; «варвар», живущий среди китайцев по принятому этикету, — китаец. Стереотип поведения — это основа этнической традиции; ломка его — это смена этноса. Именно этот процесс произошел с табгачами и всеми примкнувшими к ним племенами.

Мало этого, конструкция империи китайского типа, в которую сначала по названию, а затем и по существу превратилось табгачское ханство, требовала в качестве чиновников людей грамотных и хитрых, а не смелых и верных. Поэтому высшие и средние должности стали замещаться китайцами конфуцианского направления, а низшие и придворные — китайцами-буддистами, ибо их поддерживали царицы и фаворитки царей. А природным табгачам оставалось либо служить в армии, либо бездельничать в имениях северной Шаньси и Хэси, которые они успели приобрести до того, как звезда их народа затухла. И все-таки, несмотря на сложившуюся ситуацию, агония табгачского этноса затянулась на сорок лет.

ИНЕРЦИЯ ПОБЕД

Нельзя утверждать, что, искажая облик своего народа, Тоба Хун II руководствовался исключительно эмоциональными побуждениями. Политический расчет у него был, и, более того, это был правильный расчет. Для победы над извечным врагом табгачей — Южным Китаем сочувствие китайских подданных было тем козырем, которого до сих пор не хватало вэйским владыкам. Как ни мерзко вели себя императоры — вырожденцы из династий Лю-Сун и Ци, население Южного Китая предпочитало их деспотизм власти чужеземцев. Тайные и явные убийства представителей правящих династий мало трогали народные массы, которые зато справедливо опасались вторжения «варваров». Крестьянские восстания 469 г. и 485 г. были кратковременны и напомнили правителям провинций, что у народа есть граница терпения, за которой летят головы чиновников. К тому же сельское хозяйство страны было на подъеме. Бежавшие от хуннов крестьяне Шэньси и Хэнани принесли на юг приемы глу-

бокой вспашки. Они умели применять удобрения, пользовались орошением, что в корне изменило былое подсечное хозяйство южан. Морское побережье было укреплено дамбами, и этот обширный и прежде малонаселенный район был превращен в плодородный, богатый и густозаселенный край. Равным образом развивалось ремесло, особенно техника плавки железа, что было необходимо для перевооружения армии. Расцветала и торговля, особенно морская, потому что караванные пути находились под контролем империи Вэй.

Короче говоря, Южный Китай был достойным противником Северного, тем более что у последнего в тылу лежала непокоренная степь. Война между двумя империями иногда затихала, но никогда не прекращалась.

В 497 г. Уду, бывшее вассальным княжеством империи Юань-Вэй, передано на сторону империи Ци. Тоба Хун II был вынужден послать туда большую армию, которая одержала в открытом бою победу, но только в 505 г., после покорения исконно китайской области Ханьчжун, последнее сопротивление храбрых тангутов было подавлено, и в 506 г. их княжество стало областью империи Юань-Вэй.

Не меньше хлопот доставил Тоба Хуну II север. В 496 г. восстали поселенные в пределах империи татабы, но с ними удалось справиться быстро. Тогда же империя Юань-Вэй лишилась тех позиций в Западном крае, которые приобрела империя Тоба-Вэй. Эфталиты подчинили себе Хотан и Карашар, а житница Срединной Азии — Гаочан передался Жужани. Но самые большие огорчения доставили императору, отказавшемуся быть ханом, иньшаньские телеуты. Когда в 498 г. их попробовали мобилизовать для похода на Южный Китай, они взбунтовались и убежали к своим врагам — жужаням, явно предпочитая подчинение степнякам службе в войске китайского владыки. В этой связи любопытно донесение китайского пристава (ду-ду), сообщившего, что эти кочевники «не считаются с велениями законов (видимо, вновь установленных, т. е. китайских. — Л. Г.) и легкомысленно относятся к условиям общественной жизни (опять-таки к новым порядкам, ибо прежде они были лояльны. — Л. Г.); применяемые к ним меры строгости, не убеждая их в необходимости нести государственные повинности, ведут лишь к возмущениям; тем не менее уп-

равлять ими возможно, но для этого нужен человек, который сумел бы завладеть их доверием: действуя одним лишь убеждением и справедливостью, он мог бы достичь очень многого»²¹.

Этот документ показывает, насколько популярна была реформа Тоба Хуна II среди тех самых кочевников, которые подняли его династию на престол Китая. Тоба Хун II вынужден был сдаться и издать указ, удовлетворивший кочевников, которые, получив гарантии, что их не будут «переделявать» в китайцев, вернулись обратно и выслали в Лоян депутацию с изъявлением покорности.

Тем не менее Тоба Хун II прервал начатое наступление на Хэнань, где он успел взять г. Юань, и совершил поход на север. Там он, казнив одного из зачинщиков мятежа, установил с остальными мир и союз.

СЕВЕР ПРОТИВ ЮГА

В северном походе Тоба Хун II заболел и вернулся в столицу. Когда он проезжал через город во дворец, его поразило, что некоторые прохожие носили шапки и короткие одежды. Реформа встречала сопротивление. Во дворце он узнал, что его любимая жена, мачеха наследника, ему неверна. Все вместе так повлияло на него, что он вскоре умер, завещав наследнику Юань Ко слушаться дядей и казнить мачеху, что тот и сделал (499 г.), отомстив за убитую мать.

А затем возобновилась война с Южным Китаем, жестокая и бессмысленная для обеих сторон. Увеличение числа китайских подданных снижало процент табгачей в империи Вэй, что только ослабляло ее. И все же идея объединения Китая была для правящих кругов Юань-Вэй этико-политическим императивом и обсуждению не подлежала. Война могла быть тяжелой, даже неудачной, но у северян нашелся реальный союзник — император династии Ци, Сяо Бао-гуань. Этот самодур считал, что

---

²¹ Г. М. Грумм-Гржимайло датирует этот мятеж 487—493 гг. (Западная Монголия..., стр. 199—200), опираясь на «Исторический очерк уйгуров» Д. Позднеева (стр. 28—29), но предпочтительнее дата, указанная Wieger (стр. 1377), так как поход начался именно в 498 г.

смысл его царствования заключается в доставлении удовольствий самому себе, а советников, понимавших всю сложность ситуации, он казнил. Жизнь обитателей не только дворца, но и всей столицы превратилась в кошмар; каждый с минуты на минуту ждал, что его убьют императорские холоуи, причем никаких причин для этого не требовалось, достаточно было попасться на глаза развлекающемуся извергу. Этого не стерпели даже патриотично настроенные китайские воеводы. Командующий флотилией речных судов на р. Хуай, собрав своих офицеров, заявил им, что император — дикий зверь и надо спасти страну. Те приняли воззвание с восторгом, двинулись на столицу и осадили дворец, но были разгромлены войсками князя Сяо И, пришедшими на выручку царю. Из-за этого неудачного мятежа войска северян без особых трудов заняли в 500 г. несколько территорий между реками Хуай и Янцзы. Это была кульминация успехов империи Юань-Вэй.

Сяо Бао-гуань остался верен себе и немедленно отравил своего спасителя. Но как только весть об этом преступлении распространилась, брат погибшего, Сяо Янь, правитель г. Сянъяна, поднял восстание и двинулся на столицу. Высланные против него войска разбежались, города, верные правительству, были взяты, но Сяо Бао-гуань так и не понял серьезности своего положения. Даже будучи осажденным в столице, он продолжал развлекаться. Наконец в 501 г. один из секретных агентов открыл ворота дворца, а его соумышленники отрубили голову императору, спокойно игравшему на флейте. Сяо Янь занял столицу, казнил наложниц и любимцев тирана и объявил всеобщую амнистию. Законным наследником считался брат убитого императора, Сяо Бао-жун, но он отрекся от престола и был пожалован высоким титулом князя первого ранга. Однако это его не спасло: через несколько дней ему было предложено кончить самоубийством. Мальчик (ему было 15 лет) заявил, что предпочитает выпить вина, напился... и был удушен.

Взойдя на престол, Сяо Янь объявил, что начинает новую династию Лян. Он царствовал до 549 г. и ознаменовал свое правление исключительной благосклонностью к буддизму.

Эта трагедия обеспечила дальнейшие успехи империи Юань-Вэй, но отнюдь не табгачского народа, который

превратился в собственной стране в угнетаемое этническое меньшинство, стиснутое между некогда покоренными им и озлобленными массами и правительством, предавшим свой народ. Империя-победительница была явно нежизнеспособна, но маразм наступал постепенно, и еще одно поколение прожило, не зная, какой конец его ожидает.

Итак, по культуре сяньбийцы заняли совсем особое положение, которое нельзя считать промежуточным между Китаем и Степью. Скорее это была третья вершина треугольника. В этом была их сила, но это же обрекло их империю на гибель, так как их не питала ни Широкая Степь, ни Великий Китай. Добившись культурной неповторимости, они оказались предоставлены собственным силам, которые иссякли. Но древняя доблесть, борясь с неизбежностью, сделала конец империи Вэй мучительным и страшным.

ПЕПЕЛ

ЗАГНИВАЮЩИЙ ФЕОДАЛИЗМ

Пятнадцатилетнее царствование императора Юань Ко протекало слишком благополучно. «Слишком» — в том смысле, что благополучие было обманчивым. Внешнеполитическая ситуация сложилась в пользу империи Юань-Вэй. На юге, в междуречье Хуай — Янцзы, северяне одерживали победы над южанами. Эти победы, ничего не решая, давали только лишние участки территории, населенной китайцами, что усиливало антитабгачский элемент в империи, но сам факт побед льстил самолюбию императора и его двора. На севере Жужань слабела, изнемогая в войне с восставшими западными телеутами, и, следовательно, была неопасна. Эфталиты, еще недавно угрожавшие Западному краю, увязли в Индии, где местное население ополчилось против них и в 510 г. разгромило их войска. У императора Юань Ко были все основания почитать на лаврах своих предков, иначе говоря — проводить досуг в гареме. Так он и поступал.

Тут-то и проявила себя традиционная ненависть к варварам, пусть даже миролюбивым и доверчивым. На этот раз против остатков табгачской традиции выступила сила женских чар фаворитки Гао. По ее навету император позволил убить своего «наставника», завещанного ему отцом в качестве главы правительства. Власть перешла от табгача к китайцу Гао Чжао, брату фаворитки.

Следующий шаг совершила другая дама — Ху. В 510 г. она забеременела и заявила, что готова отдать свою жизнь ради того, чтобы принести отцу и императору наследника — сына. Эта самоотверженность столь тронула окружающих, что, после того как родился мальчик, его мать не убили. Видимо, правившие в этот мо-

мент китайцы не сочли необходимым проливать кровь зря. Но через пять лет император Юань Ко умер, четырехлетний Юань Сю был возведен на престол, а его мать стала полновластной правительницей страны, потому что табгачи еще не разучились уважать женщин. Мать хана была для них особой неприкосновенной.

Это сочувствие значительной части двора и вельмож позволили даме Ху расправиться с дамой Гао. В 515 г. первый министр Гао Чжао был убит, а его сестра с обритой головой отправлена в буддийский монастырь, где ее продержали три года, а затем тоже убили. Но дама Ху быстро забыла, чем она обязана табгачской династии. Она была развратницей и ханжой. От табгачских полководцев она легко избавилась, отправив их воевать против Южного Китая, где они в 516 г. овладели г. Сюйши, а сама завела фаворитов и, чтобы замолить грехи, в 518 г. объявила буддизм государственной религией Северного Китая. В последнем она была не оригинальна: годом раньше ту же религиозную реформу провели император династии Лян — У-ди и хан жужаней Чеуну. Фактическими господами всей Восточной Азии сделались отрeksiеся от мира монахи. А это означало усиление налогового пресса и сокращение жалованья императорским чиновникам, потому что государственные доходы были обращены на строительство кумирен и оплату миссий в Западный край и Индию за религиозными рукописями, стоившими по тем временам немалых денег. Жертвой безответственного хозяйничанья чиновников, пользовавшихся покровительством всемогущей буддийской общины, стали даже драгоценные памятники китайской старины. В 518 г. были разбиты 46 мраморных досок с изображениями древних царей, уцелевшие в многострадальном Лояне со времен ханьского императора Лин-ди (167—189). Мрамор понадобился для строительства пагоды, и, вместо того чтобы выломать и привезти плитняк, уничтожили дивные произведения искусства. Когда же правительница по просьбе культурных чиновников приказала изъять разбитые куски и реставрировать плиты, то ее приказ просто забыли выполнить¹.

Легкомысленное поведение правительницы и полное ее небрежение к государственным делам дало возмож-

---

¹ Mailla, v. V, стр. 242—243.

ность принцу Тоба И при содействии гвардейского капитана Лю Тэна произвести дворцовый переворот. В 520 г. заговорщики ввели войска во дворец, арестовали регентшу, казнили ее фаворита и провозгласили императором одиннадцатилетнего Юань Сю, внука Тоба Хуна II. Дама Ху, мать царя, была оставлена в живых. Ее заключили в крошечную комнату во дворце и держали впроголодь, только чтобы она не умерла. Юный император даже не знал, где томится его мать.

Новый правитель, Тоба И, оказался еще хуже, чем дама Ху и ее фавориты. В 523 г. поднялась кровавая зоря народной войны. Но узурпатор удержал власть до 525 г., когда в его отсутствие даме Ху удалось выбраться из темницы и увидаться со своим сыном-императором. Со слезами она умоляла сына отомстить за обиды матери. Тот, будучи все-таки табгачом, растрогался и немедленно возвел ее в звание регентши. После этого дворцовая стража закрыла ворота перед вернувшимся Тоба И. Для узурпатора все было кончено. Его семью уничтожили, имущество — конфисковали, а ему самому была оказана последняя милость — дозволено покончить самоубийством.

Почтительный сын вскоре разочаровался в своей мамаше. Дама Ху спешила наверстать время, проведенное в тюрьме. Она доверила власть фаворитам, делившим с ней ложе, а сына держала под строгим надзором, скрывала от него все государственные дела и удаляла симпатичных ему людей. Вскоре вместо искренней сыновней любви она снискала столь же искреннюю ненависть, а исторические события развивались своим путем и вели страну к гибели.

Дворцовые перевороты и связанные с ними опалы, преследования семей опальных, интриги и т. п. не могли не сказаться на военной мощи империи Юань-Вэй. За десять лет (с 516 по 526) гегемония в Восточной Азии была утрачена. Южнокитайская империя Лян перехватила инициативу в военных операциях и вернула пятьдесят городов в бассейне р. Хуай. Самой тяжелой утратой для северян была потеря в 526 г. крепости Шоюан; это свело на нет все успехи Тоба Хуна II и Тоба Ко.

На западе в 525 г. отложился Тогон. Маленький свободолюбивый народ использовал свое географическое положение, для того чтобы изолироваться от общего про-

цесса этнической деформации, протекавшего на просторах Срединной равнины и Великой степи. В VI в. Тогон превратился в реликт эпохи переселения племен, но именно сохранение традиций кочевого быта обеспечило ему столетие независимости.

Владения Западного края также вышли из-под контроля Северного Китая, так как эфталиты, господствовавшие в Хотане, Кашгаре и Куче и державшие в своих руках караванный путь на Запад, с 516 г. вступили в переговоры с империей Лян² и затем заключили с ней союз, отрезав империи Вэй путь в Индию и Среднюю Азию.

На севере усилилась Жужань, в 524 г. победившая западных телеутов. Хан Анахуань возглавил борьбу за восстановление своей кочевой державы и к середине VI в. перехватил гегемонию у империи Юань-Вэй, ту самую, которую его предки уступили империи Тоба-Вэй. Видимо, смена названия отражала процесс коренной ломки, кризиса, положившего грань между остывающей золой испепеленной древности и буйными ростками страстного Средневековья. Но прежде чем давать определения, академически строгие или литературно-образные, проследим ход событий последнего десятилетия существования империи Вэй, как табгачской (Тоба), так и китаизированной (Юань).

ДЕФОРМАЦИЯ ХИМЕРЫ

Оглянемся назад. Империя Тоба-Вэй в V в. объединила все племена Срединной равнины, ассимилировала их и противопоставила как нечто монолитное китайскому населению страны. Тоба Хун II реформой 495 г. положил конец этому противопоставлению и создал Юань-Вэй, т. е. табгачско-китайскую химеру. Люди, жившие в этой стране, стали рассматриваться не как табгачи или китайцы, а только как подданные императора. Конечно, его современники не могли сразу забыть свои обычаи и нормы поведения, но их дети, рожденные около 490 г., выросли в обстановке не только утраты, но прямого запрещения всех традиций. К двадцатым годам VI в. они достигли

---

² R. Grousset, L'Empire... стр. 111.

зрелости, и, хотя еще помнили, что их отцы были табгачами или китайцами, сами уже не были ни теми ни другими. Весь сознательный период их жизни прошел в обстановке жестокого правительственного зажима, основанного на подчинении народа грубой силе. В качестве же идеологического утешения им был предложен буддизм, рекомендовавший не придавать значения мирским благам, поскольку и горе и радость — иллюзия. Однако налоги взимались отнюдь не иллюзорно и службу приходилось выполнять неукоснительно, так что действительность ежеминутно вступала в конфликт с идеалами. Поскольку тяготы жизни увеличивались, а правительство постепенно теряло силу, то дети табгачей и китайцев совместно выступили против выродившейся династии. В 423—426 гг. народные восстания потрясли Северный Китай.

Однако, хотя этнические традиции иссякли, инерция их еще ощущалась. Все восстания возникли севернее Хуанхэ, и заводилами были дети кочевников. А там, где население было сплошь китайским, — в Хэнани и Шаньдуне, оно оставалось в покое, несмотря на то что лянские войска двигались на север и несли освобождение от «варваров». Но освобождение запоздало, его перестали желать и ждать.

В 523 г. восстало население шести северных округов к востоку от Цинь и Лун (восточная Ганьсу) и к северу от Цзи и Бин (северная Шаньси)³. Поводом к восстанию послужили насилия чиновников правителя-узурпатора Тоба И. Эти округа были населены главным образом южными телеутами, но и китайское население примкнуло к повстанцам. Во главе восстания был некий Полу Хань Ба-лин, судя по первой части имени — жужань. Чиновники, застигнутые врасплох, были перебиты, а три армии, брошенные на подавление в 524 г., двигались столь медленно и боязливо, что были наголову разбиты повстанцами. Вэйское правительство обратилось за помощью к жужаням, и хан Анахуань привел степную конницу, которая одержала скорую и решительную победу, разграбив при этом север Китая.

Но этим иностранным вмешательством дело не кончилось. В 525 г. восстание перекинулось в Хэси, где некий

---

³ Ш а н Ю э, Очерки..., стр. 169.

Моци Чоу-ну объявил себя императором⁴. В Шаньси, очищенном жужанями, появились хунны под именем ши ху; их вождь Лю Ли-шэн принял титул хана⁵. Но самым грозным оказалось восстание в Хэбэе, возглавленное популярным полководцем табгачом Гэ Жуном, к которому примкнули массы китайского населения. В 526 г. Гэ Жун разбил вэйский карательный корпус, занял г. Инчжоу (Хэцзянь в Хэбэе) и провозгласил себя императором государства Ци. Любопытно, что табгач, ставший вождем китайцев, избрал для своего государства название Ци, наименее «варваризованное» из всех древнекитайских царств. А как мы убеждались раньше, название заключало в себе политическую программу.

В 527 г. власть Гэ Жуна распространилась на весь Хэбэй, северную Хэнань и часть Шаньси. Правительственные войска отступали перед повстанцами.

Причина поражения вэйских войск крылась не столько в понижении боевых качеств воинов, сколько в руководстве из дворца. Так, направляя в поход против Гэ Жуна одного полководца, ему придали в качестве помощника его личного недруга. Полководец просил доверить операцию кому-либо одному из них, но юный император оставил в силе оба назначения, и соперники-полководцы погибли вместе с вверенной им армией⁶. Этот эпизод показывает, что безответственность и беспринципность придворных превратилась в национальное бедствие. Пользуясь слабостью противника, Гэ Жун осадил город Е.

И вот тут в историю вошел последний яркий представитель эпохи и носитель «духа времени» — Эрчжу Жун. Это был «вождь племени», очевидно сяньбийского, осевшего в Шосяне, в северной Шаньси⁷. Род Эрчжу, подобно другим знатным сяньбийским родам, получил большие земельные владения, и бывшие старейшины стали латифундиалами. Эрчжу Жун, не удовлетворенный спокойной жизнью, в 527 г. продал свои земли и на вырученные деньги нанял бродивших без дела солдат. Принимал он

⁴ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 201.

⁵ P. Woodberg, Two Notes., стр. 297.

⁶ W i e g e r, стр. 1416.

⁷ Cordier, стр. 352; W i e g e r, стр. 1417; У Шан Юэ (Очерки. . стр. 170) ошибочно написано «Шэньси». См. Н. Я. Бичурин, Собрание сведений по исторической географии ..., стр. 61.

к себе, очевидно, с большим выбором, потому что его средств хватило всего на 7 тыс. человек. Зато это были отборные вояки. С этим отрядом в 528 г. он выступил на защиту престола и около Е напал на стотысячное ополчение Гэ Жуна. Как не раз бывало в истории, крестьянское войско при сильном ударе рассыпалось и покинуло вождя, попавшего в плен. Эрчжу Жун не стал преследовать бегущих. Он удовлетворился тем, что доставил Гэ Жуна в Лоян, где тот был казнен. На этом закончилась народная война против деспотического режима императрицы Ху⁸.

Теперь попытаемся предложить осмысление событий. Гэ Жун возглавил поколение «детей» из народных масс и выступил против своих вельможных сверстников. Эрчжу Жун, возросший на окраине империи, по складу относился к поколению «отцов», т. е. остался сянбийцем. Но к себе в войско он набрал не членов рода, а «внуков», т. е. молодых людей смешанного происхождения, без домашнего воспитания, без традиций, принципов и даже без воспоминаний о таковых. По существу его отряд был бандой профессиональных убийц, кондотьеров, но ведь и при конце славной династии Хань такой же кондотьер Лю Бэй таким же образом подавлял крестьянское восстание «желтых». И так же, как Лю Бэй не ужился с Цао Цао, Эрчжу Жун, по смыслу истории, должен был поссориться с императрицей Ху и ее придворными, которых он спас от ярости народной. Разрыв был неизбежен потому, что императрица, ублажая себя, вела страну к краху и не имела ни ума, чтобы это понять, ни реальной военной силы, чтобы себя защитить, а Эрчжу Жун обладал и тем и другим. Поэтому события покатились как лавина.

НЕЖЕЛАННЫЙ СПАСИТЕЛЬ РОДИНЫ

Правительство императрицы Ху было предельно непопулярно в стране. Но инерция власти и разобщенность подданных, уже лишенных былых племенных связей, по-

---

⁸ Кордые, опираясь на Mailla (стр. 286—290), дает другую версию, по которой Гэ Жун был разбит позже переворота. Однако см.: W i e g e r, стр. 1422 и Ш а н Ю э, стр. 170.

зволяли придворным и чиновникам по-прежнему пользоваться благами своего положения, тем более что угроза крестьянского восстания была устранена. Единственной реальной силой в стране был отряд Эрчжу Жуна, усиленный после победы над повстанцами приливом добровольцев, авантюристов, людей нищих, но честолюбивых и алчных. Среди них оказался китаец Гао Хуань, снискавший к себе симпатию вождя усмирением ретивого коня, а затем ставший его советником. Именно Гао Хуаню приписывается программа замены разложившегося правительства военной диктатурой⁹. Эрчжу Жун этот план принял без опасений за свою жизнь, договорился с несколькими принцами Тоба, и даже с самим юным императором, который так страдал под игом материнских любовников, что предпочел покровительство полководца. В 528 г. Эрчжу Жун двинулся на столицу спасти императора от фаворитов. Ху немедленно отравила «любимого» сына и объявила императором трехлетнего внука, но это ее не спасло. Эрчжу Жун без сопротивления вступил в Лоян, арестовал регентшу, ее внука и около 2 тыс. чиновников и провозгласил императором принца Тоба Цзы-ю. Засим последовала расправа. Регентшу и ее внука бросили с моста в воды Хуанхэ, а арестованные чиновники были изрублены конниками Эрчжу Жуна, после чего была объявлена общая амнистия.

Переворот, совершенный наемной армией, не вызвал восторга ни у населения, ни у принцев Тоба. Еще во время пира по поводу коронации, когда пьяный Эрчжу Жун свалился под стол, новый император просил своих приближенных сломать ему шею, но те не решились. Очнувшись, Эрчжу Жун почуял опасность и стал беречься яда и кинжала. Украшенный титулами канцлера и маршала, он сделал своей резиденцией г. Цзиньян, поручив наблюдение за императором своей дочери, которая стала императрицей. Но положение его было нетвердо.

Господствующие классы вэйского общества — «лоянцы, хэнаньцы» и прочие «дети» табгачей и китайцев — были довольны порядком. Перемена императорской фамилии Тоба на Юань и связанные с этим реформы их полностью удовлетворяли. Конечно, безобразия фаворитов регентши Ху не вызывали у них симпатии, и они спокой-

⁹ W i e g e r, стр. 1421.

но позволили истребить непопулярное правительство. Однако деклассированная молодежь, объединявшаяся вокруг Эрчжу Жуна, вызывала в них законные опасения. Сам Эрчжу Жун был осколком ненавистного прошлого, когда походы отважных косоплетов залили кровью Северный Китай. Его воины казались обывателям призракoм еще более нежеланного будущего, так как они не имели ни традиций, ни общественных связей, ну, словом, ничего, кроме безудержной смелости и профессиональных военных навыков. Оказаться в их власти было равносильно тому, чтобы попасть в положение завоеванного народа, и потому общие симпатии обратились к династии Юань, невзирая на ее «варварское» происхождение.

В 529 г. против Эрчжу Жуна выступил принц Юань (Тоба) Хао и нашел поддержку как в самой стране, так и за ее пределами. Укрывшись от казни, ожидавшей его наравне с прочими вельможами, Тоба Хао бежал в Южный Китай, где император У-ди принял его и послал в помощь ему армию для изгнания узурпатора — Тоба Цзы-ю. Эта армия легко взяла Жунчэн и Суйян, после чего Тоба Хао провозгласил себя императором и с триумфом вступил в Лоян. Тоба Цзы-ю успел бежать на север к Эрчжу Жуну.

Хэнань охотно подчинилась новому государю, но гарнизон Цзиньчжоу отказал ему в покорности на том основании, что он привел лянские войска. Для того чтобы продолжать активные военные действия, надо было просить подкреплений с юга, а советники Тоба Хао не рекомендовали ему полностью отдаваться во власть войск союзника¹⁰. Не зная на что решиться, Тоба Хао предался всем возможным в Лояне порокам.

Тем временем Эрчжу Жун и Тоба Цзы-ю собрались с силами и двинулись на юг. Тоба Хао успел дать приказ разрушить мост через Хуанхэ и не ожидал удара. Войска Эрчжу Жуна переправились через реку на плотках и бросились на Лоян. Обыватели немедленно покинули Тоба Хао, а когда он, спасаясь, вошел в г. Линьин, жители города убили его. Южнокитайская армия отступила в порядке, но все захваченные ею территории вернулись к империи Вэй¹¹. Эрчжу Жун в третий раз спас отечество.

---

¹⁰ Mailla, v. V, стр. 293—294.

¹¹ Ibid., стр. 296.

Тоба Цзы-ю вознаградили своего спасителя и полководца как умел. В 530 г. он заманил его в Лоян, сообщив, что его дочь, императрица, уличена в супружеской неверности. Эрчжу Жун приехал в Лоян ради спасения дочери и в тронном зале был заколот самим императором¹². По этому случаю придворные устроили великолепный пир. Наконец-то они избавились от человека, умевшего одерживать победы над врагами.

Нет, здесь не только злая воля и неблагодарность высокородного вырожденца! Предательство не могло бы совершиться, если бы ему не сочувствовали широкие круги общества. Но что это было за общество, столь последовательно стремившееся к бесславному концу? Почему оно вело себя столь близоруко, аморально и трусливо? Думается, что в принятом нами аспекте возможно найти объяснение хода событий.

До тех пор пока империя Вэй была табгачско-китайской химерой, она оставалась конструкцией, где соперничество этнических субстратов цементировало государственную целостность. Традиции, в том числе и этнические, переплетались, но не исчезали. Когда же ассимиляция стала фактом, химера превратилась в огромную амёбу, расплывающуюся от столицы до границ государства. Исчезло противопоставление этносов, но вместе исчезли и принципы этики, на которых эти этносы держались. Все племена и классы смешались... и потекла кровь.

АГОНИЯ

Радость лоянцев по случаю убийства их защитника от внешних и внутренних врагов была преждевременна. Более того, она была бы непонятна, если бы мы не учитывали тех изменений, которые, постепенно нарастая, изменяли психологию и стереотип поведения потомков табгачей и китайцев. Население многолюдной столицы империи Северная Вэй не объединяли ни предания, унаследованные от предков, ни цели, к которым все стремились бы, ни противопоставление себя чужеземцам, ни мечты о подвигах и свершениях, так как буддисты научили их не придавать значения мирским деяниям. Единственное, что у них было общего, — это легкий и веселый быт бо-

---

¹² W i e g e r, стр. 1424.

гатого города: базары, театр, кабачки с девицами, уютные дома и уверенность, что кто-то должен их оберегать и ублажать. Неизбежным спутником такой самовлюбленной обывательщины всегда бывает самый близорукий эгоизм. Ни один из лоянцев не рискнул бы жизнью ради того самого императора, который символизировал своей особой процветание и величие. У них даже атрофировалось воображение: они не могли себе представить, что есть некто, для кого долг и справедливость дороже жизни. Но отсталые табгачи северной Шаньси воспринимали жизнь как цепь обязанностей: к роду, к военачальнику, к семье, даже к своему стаду или табуну. Поэтому как только в Цзиньян прилетела весть об убийстве Эрчжу Жуна, его брат Эрчжу Ши-лун поднял по тревоге всех имевшихся под рукой всадников, которых оказалась всего одна тысяча, и вступил в Лоян, разметав преградивших ему путь императорских гвардейцев. Он требовал выдачи тела брата, а заодно попытался схватить предателя-царя. Сожжение моста через Хуанхэ одним храбрым гвардейским офицером приостановило приток подкреплений к Эрчжу Ши-луну и задержало пятый акт трагедии. Но когда северные всадники переправились через Хуанхэ и подошли к столице, императорская гвардия разбежалась, покинув свои посты. Как заяц в силки, попал Тоба Цзы-ю в железные оковы, а оттуда в шелковую петлю, перетянувшую его горло, в то время когда победители грабили город и его обитателей.

Но заслуживают ли они сострадания? Вот пример поведения, характерного для той эпохи. Советник плененного императора покинул его в беде, забрал золото и табун коней и скрылся у своего друга, за пределами опасности. Друг прикончил гостя и отослал его голову Эрчжу Ши-луну, а богатства оставил себе. Ночью призрак убитого явился к Эрчжу Ши-луну и пожаловался тому на потерю казны. Последний приказал вернуть награбленное, а похитителя и гостеубийцу казнить со всей семьей¹³. Так говорит легенда, но откуда все-таки Эрчжу Ши-лун мог узнать о судьбе императорского имущества? Только из доносов соседей убийцы. Предательство в квадрате, даже в кубе! На что же могло надеяться столь разложившееся общество?! Только на то, чтобы стать

¹³ W i e g e r, стр. 1425—1426.

жертвой военной диктатуры, которую осуществили члены сяньбийского рода Эрчжу и бывший советник убитого вождя китаец Гао Хуань. А царем они назначили принца Тоба Хуа.

Но если основная масса населения молчала и терпела, то группа кочевников из Хэси, по-видимому телесского племени¹⁴, восстала и обрушилась на Северный Китай. Выступивший против них Эрчжу Дао (брат Эрчжу Жуна и Эрчжу Ши-луна) потерпел несколько поражений и вынужден был просить поддержки у Гао Хуаня, командовавшего в то время гарнизоном Цзиньчжоу. Гао Хуань разбил кочевников и выгнал их из пределов Китая, за что ему был пожалован титул принца и область Гичжоу, ставшая базой его честолюбивых замыслов.

В 531 г. члены семьи Эрчжу сместили с престола Тоба Хуа и возвели Тоба Гуна, который восемь лет считался глухохемым. Сев на престол, он заговорил, и оказалось, что этот принц таким способом спасал свою жизнь в обстановке роскошного дворца. Но говорить ему пришлось недолго.

Гао Хуань не любил сяньбийцев вообще, а семью Эрчжу в особенности. Как только представилась возможность, он восстал, захватил город Е и посадил там императором Тоба Лана, став при нем канцлером. Выступивший против него Эрчжу Дао был разбит. Вслед за тем, в 532 г. Гао Хуань взял Лоян и низложил Тоба Гуна, а заодно и собственного принца Тоба Лана, а возвел на престол Тоба Сю. От имени этого царя Гао Хуань казнил трех экс-императоров, а год спустя разгромил Эрчжу Дао и истребил всех членов этой фамилии. Но стать единоличным владыкой Китая ему не удалось.

Последний энергичный принц фамилии Тоба, Сю, в безнадежнейшем из положений сделал попытку спастись. В 534 г. он бежал от своего министра и сумел добраться до Шэньси, где правитель этой области Юйвэнь Тай принял императора и защитил его от погони. Гао Хуань не растерялся и посадил на престол другого принца, благо их было много. Женив его на своей дочери, Гао Хуань управлял страной как подобает военному диктатору. Последнее не могло прийти по вкусу богатым помещикам

---

¹⁴ Титул их вождя — фу означает «бег», это свидетельствует о их тюркоязычии, см.: Н. Cordier, стр. 253.

еще не разоренного Шаньдуна¹⁵. Они сочли за благо последовать за своим императором в Шэньси, где их поселили в уездах Гуаньчжун и Лунси. Там они породнились с местными китайскими землевладельцами, и так составила группа Гуаньлун, сказавшая свое слово в последующую эпоху¹⁶. Но они ничего не сделали для несчастного Тоба Сю, которого Юйвэнь Тай отравил, чтобы заменить более сговорчивым принцем. Так, в 534 г. северокитайская империя распалась на Восточную и Западную Вэй, но обе уже были просто китайскими царствами. С кочевым элементом южнее Великой китайской стены было кончено.

Это не значит, конечно, что все сяньбийцы, хунны и тибетцы, пришедшие в III в. в долину р. Хуанхэ, погибли, не оставив потомства, хотя многие из них действительно сложили головы. Этнос—не арифметическая сумма человеческого поголовья, а стройная динамическая система с оригинальным (в каждом отдельном случае) ритмом. Именно эти системы исчезли, когда в середине VI в. в стране на время воцарился хаос. Разделение империи немедленно вызвало войну между Востоком и Западом, а голод 536 г. унес около 80% населения в небытие¹⁷. Несчастное население дошло до людоедства.

Эти бедствия изменили лицо страны. В отличие от войны голод убивает не наиболее, а наименее активную часть населения. Те, кто предавал своих вождей, и те, кто равнодушно смотрел на предательство или убийства, оказались предоставленными самим себе. Гао Хуань и Юйвэнь Тай кормили только тех, кто был им нужен или близок. А так как война между ними не затихала, то уцелели (вернее, имели больше шансов уцелеть) активные сторонники той или другой партии. Последние члены фамилии Тоба были никому не нужны. Некоторое время Гао Хуань и Юйвэнь Тай их держали для придания своей власти нужного блеска, но вскоре это стало излишним. Тогда проявилась долго сдерживаемая китайская ярость. В 550 г. преемник Гао Хуаня объявил себя императором Северной Ци и приказал изрубить на куски всех членов царственной фамилии Тоба. Останки их были брошены

---

¹⁵ Ш а н Ю э, Очерки..., стр. 170.

¹⁶ Л. Н. Г у м и л е в, Древние тюрки, стр. 51.

¹⁷ W i e g e r, стр. 1428 (опечатка, вместо 536 г. написано: 526).

в волны Хуанхэ, и память о династии ушла в прошлое. В 557 г. почти то же самое сделал преемник Юйвэнь Тая. Он заставил последнего подставного императора отречься от престола и вскоре отравил его. Так умерла эпоха.

В те же жестокие годы получила смертельный удар южнокитайская империя Лян. После смерти Гао Хуаня в 547 г. наместник Хэнани, Хоу Цзин, восстал против Восточной Вэй и передался Юйвэнь Таю. Но через месяц он предал и его, предложив императору Лян, У-ди, покорность и совместное завоевание Северного Китая. У-ди доверчиво принял хэнаньского владыку за патриота и поддержал его, но тот, потерпев поражение от северных войск, снова переменял фронт и напал на южную столицу — Цзянькан. После шестимесячной осады город пал и был отдан на разграбление солдатам. В 549 г. пепел Цзянькана прибавился к пеплу Лояна.

Хоу Цзин не смог установить в Южном Китае тот режим военной диктатуры, который привился на Севере, и в 552 г. погиб. Но это не принесло Китаю мира. Воевали все против всех: северяне против южан, принцы династии Лян друг против друга, кидани и жужани против Китая, землевладельцы против восставших крестьян и т. д. К счастью, нам нет больше необходимости проследживать перипетии этих войн, так как они всецело относятся к истории Китая. Достаточно сказать, что в 557 г. бедный крестьянин Чэнь Ба-сянь, сделавший карьеру при подавлении крестьянского восстания в Гуанчжоу, низверг династию Лян и объявил себя императором династии Чэнь. При этом он, вернее, его государство окончательно потеряло спорные земли в бассейне Хуанхэ, отошедшие к северокайтайским царствам. Во время этих смут сторонники одного из принцев династии Лян, движимые отчаянием, ибо пощады от противников они не ждали, создали в 554 г. при помощи войск Западной Вэй маленькое государство в Центральном Китае. Оно называлось Поздняя Лян.

Из всех царств, действовавших в эпоху восточного великого переселения народов, уцелел только Тогон, прикрытый оснеженными хребтами Наньшаня и далекий от тех процессов этногенеза, которые привели к гибели кочевые народы, вступившие на землю Срединной равнины. Тогон превратился в изолят, когда на месте динамики развития возникает гомеостасис, консервируются обы-

чай, экономика, прирост населения, а история сводится к взаимоотношениям с соседями. А когда тех поблизости нет — можно жить долго.

Древний Китай погибал. Никто не был в состоянии воспрепятствовать идущему процессу, как нельзя остановить наводнение или выветривание почв. Логика событий столь же неуклонна.

Двести тридцать лет война не утихала. Ради войн на народ были наложены двойные налоги. Податные слои, спасая жизнь и свободу, покидали разоренные дома и бродили по стране в поисках пропитания. Этим пользовались богатые семьи, умевшие при сменах власти ценой предательства приобрести обширные земли. Они предлагали бродягам работать у них за половинный, сравнительно с казенным, оброк или служить при доме. Число бедняков, поступивших в услужение богачам, насчитывалось сотнями семей в одном богатом доме¹⁸.

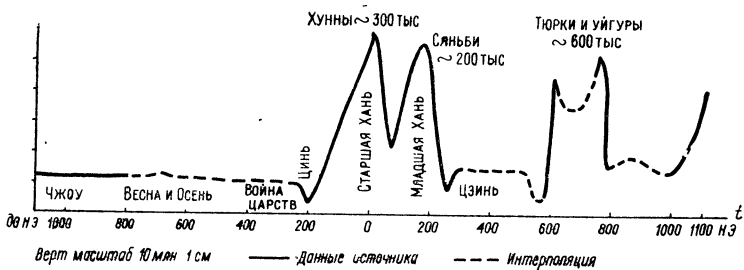
Утечка налогоплательщиков вынуждала правителей перекладывать тяжесть налогов на оставшихся, что, в свою очередь, толкало тех на бегство. Правительство слабело и становилось добычей соседа или мятежника, а тогда катились головы богатых, имущество которых имело смысл конфисковать. Но награбленные богатства доставались хищным чиновникам, ленивым, беспечным и невежественным, умевшим только растрачивать, но не созидать. И даже самые лучшие законы, в другое время составившие бы счастье людей, не могли спасти страну и народ от бедствий. Они просто не соблюдались и при всеобщих злоупотреблениях теряли силу. Чтобы найти выход, нужны были не законы, а люди — честные, преданные, мужественные и способные на самопожертвование, хотя бы ради иллюзий. И пока они не родились сразу в большом числе — страна катилась в пропасть. Но они появились внезапно, и история началась заново.

---

¹⁸ И. Захаров, Историческое обозрение народонаселения Китая, — Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, I, СПб., 1852, стр. 276—278.

Оглянемся назад, на описанные три века. Невольно напрашивается мысль, что они нарисованы слишком мрачными и темными тонами. Неужели же за столь долгий период не было места для радости созидания, искренности, милосердия и благородства души? Это кажется невероятным, однако вспомним, что это была эпоха долгого и неотвратимого упадка, и что у нас есть для него объективный критерий — кривая численности населения¹⁹.

В эпоху династии Хань население Китая, как писал И. Захаров, насчитывало 59 594 978 человек (2 г. н. э.). Это можно считать оптимальным наполнением вмещающего ландшафта, без необходимости изнурения природных ресурсов. Реформы Ван Мана и связанные с ними экзекуции вызвали восстание «краснобровых» и резню, погубившую около 70 % жителей. Но как только порядок был восстановлен, прирост покрыл потерю, и к 157 г. число китайцев достигло 56 486 856 человек. Однако это были уже иные люди.

Как бы ни пыжилась Поздняя Хань, какие бы победы ни одерживали ее дипломаты, умевшие натравить сяньбийцев и динлинов на хуннов, потенция страны шла на убыль, ибо строгие нравы уступили поприще уменью устраиваться при дворе и пользоваться минутами милости для личного обогащения. Разочарованность стала лозунгом века. Она пронзила сердца не только ученых и знатных, но и простых крестьян, взалкавших «Желтого

¹⁹ Там же, стр. 270—274.

неба справедливости» вместо «Синего неба насилия». И тогда потекла кровь.

После смуты Троецарствия население Китая составило 7 672 881 человек, причем окраины пострадали меньше, нежели сердце страны. Это означало повышение удельного веса инородческих племен при ослаблении традиции древней культуры. И даже когда население Центрального Китая возросло к 280 г. до 16 163 863 человек, то это были усталые и деморализованные люди, неспособные защитить себя и свою страну от пришельцев. Это объясняет успехи хуннов, тангутов и сяньбийцев.

Вполне понятно, что за период постоянных смен правлений, сопровождаемых кровопролитиями, переписи населения не проводились. Следующая цифра, столь же неточная, падает на 589 г. — 11 млн. человек²⁰, из которых 1,5 млн. в Южном Китае. При этом надо учесть, что в течение 30 лет население интенсивно росло. Следовательно, в наиболее тяжелое двадцатилетие — с 534 по 554 г. — численность населения Китая упала еще ниже, нежели после Троецарствия, а последующий подъем произошел к 606 г., когда она поднялась до 46 млн.²¹ — это опять-таки результат естественного прироста, характерного для земледельческих стран с мягким климатом.

Однако имеем ли мы право, следуя традиции, считать эту новую популяцию продолжением старой, ханьской? Для этого нет никаких оснований, кроме средневековой историографии, которая, мягко говоря, устарела. Ведь население Северного Китая сложилось из хунно-сяньбийско-китайских, а Южного — из ханьско-маньских метисов. По сути дела, это были новые этносы, с новым стереотипом поведения, с новыми идеалами и навыками, вкусами и потребностями, несмотря на то, что характер ландшафта диктовал людям формы хозяйства, сходные с прежними, а этническое окружение вынуждало императоров династий Суй и Тан относиться к тюркам примерно так же, как ханьцы относились к хуннам. Но несмотря на обусловленные природой совпадения, между древним и средневековым Китаем ощущается различие, сказавшееся на истории Азии и ее культуры.

---

²⁰ Там же, стр. 278—279.

²¹ Там же, стр. 281.

История — ровесница человечества, и, следовательно, в пределах его существования она не имеет ни начал, ни концов. Но если бы это было так, то ее было бы невозможно изучать, потому что изучение есть сравнение соразмерных явлений, установление их сходств и различий и выявление их взаимосвязей. Если явление одно, то оно несравнимо ни с чем; можно без конца перечислять события, но нельзя уловить их смысла, и даже установить, имеется ли таковой в самом деле.

Эту особенность трудности изучения истории подметил великий историк китайской древности Сыма Цянь и нашел выход в тезисе, ставшем заголовком данного раздела. Действительно, если уподобить историю не струе воды, текущей из крана, а потоку зерна, выдаваемого элеватором, то ясно, что каждое зернышко имеет форму, вес, заряд биохимической энергии и некоторые индивидуальные черты, отличающие его от прочих зерен. Но оно в струе прочих влекомо на мельницу.

Сыма Цянь не только предложил условное деление истории Китая (ему известной) на периоды, но открыл в этих периодах реальную сущность квантов исторического времени²². Цепочки событий, связанные причинностью, не бесконечны, иначе не было бы места ни случайности, ни вероятности. Начавшись с какого-то, иногда очень незаметного, факта, события растут как лавина, до тех пор пока не иссякнет инерция и остатки материала, вовлеченные в поток закономерности, не улягутся на дне глубокого ущелья или широкой равнины. Тогда, и только тогда, начинаются новые процессы, неповторимые в деталях и сходные в общих чертах. Так протекала и та эпоха, которую мы проследили от начала до конца.

Отличительной чертой «эпохи пяти варварских племен» (У-ху) было возникновение весьма тесного контакта между народами, вытесненными засухой III в. из Великой степи, и аборигенами Срединной равнины, т. е. Северного Китая. До этого те и другие развивались самостоятельно и находились в фазе исторического упадка²³.

²² См.: Н. И. Конрад, Запад и Восток, стр. 76—78.

²³ Л. Н. Гумилев, Этногенез и этносфера, — Природа, 1970, № 2, стр. 43—45.

Для развития культуры, как таковой, контакт двух различных суперэтносов оказался неплодотворным. Действительно, все участники событий погибли, за исключением двух небольших групп, успевших бежать с поля постоянных сражений. В 439 г. сяньбиец Туфа Фань Ни увел небольшую группу своих соплеменников в Центральный Тибет, а другой сяньбиец, Ашина, с отрядом из «пяти сот семей» откочевал в Восточный Алтай. Обе группы беглецов дали начало могучим державам средневековья: Тибетской империи и Тюркютскому каганату²⁴. Положив между собой и мятушимся Китаем преграды из высоких гор и песчаных пустынь, они обеспечили своим потомкам жизнь и свободу.

Но и сам Китай не остался прежним. С гибелью рода Эрчжу равнина по обе стороны Хуанхэ перестала быть зоной этнического контакта. Она опять превратилась в Северный Китай, отграниченный от Великой степи линией, обозначенной руинами китайской стены. Этническая изоляция, нарушенная событиями минувшей эпохи, восстановилась. После страшных 30-х годов VI в. население Северного Китая начало быстро расти, но в числе новорожденных не было ни родовичей кочевых племен, ни древних китайцев—наследников империи Хань. Возникший новый этнос мы условно называем северокитайским, а современники по привычке именовали его табгач. На самом деле, он не был ни тем ни другим, а созданная им культура эпох Тан и Сун была еще более блестящей и многогранной, чем утраченная древняя. Преемственность же культур обеспечивалась не живыми ритмами этногенеза, а иероглифической письменностью, игравшей в Китае ту же роль, которую в Европе выполнил мертвый латинский язык. Средневековые китайцы, как и европейцы, часто хотели, но никогда не могли воспроизвести утраченную античность.

Итак, прослеженная нами эпоха, с одной стороны, самостоятельный период взаимного погашения этнических противоположностей, приведших к исчезновению их носителей, а с другой — переходный период, когда возникавшие царства питались соками уходящих культур, степной и китайской. Эти царства были некрофаги. Они ни-

---

²⁴ См. работы Л. Н. Гумилева: Древние тюрки; Величие и падение древнего Тибета.

чего не накапливали, а только тратили богатства, добытые копьём, и этим невольно подрывали основу собственной жизни. Но для этнолога равно интересны подъемы и упадки, расцвет и гибель, созидание и разрушение. То и другое равно характеризует многогранный противоречивый процесс развития, являющийся предметом исторического исследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Синхронистическая таблица

Годы	Китай	Зона контакта (Хунны и сяньби)	Срединная Азия
190—263	Падение династии Хань; Троецарствие: Цао-Вэй, У и Шу.	Южные хунны в составе царства Цао-Вэй усваивают китайскую цивилизацию.	Распадение державы сяньби на племена. Табгачи переселились к Иньшаню.
265	Основание династии Цзинь.	Основание царства Дуань в Ляоси. Добровольное переселение хуннов из Великой степи в Китай.	Упадок табгачского ханства.
266—281	Объединение Китая. Восстание хуннов подавлено.	Образование княжеств Муюн и Юйвэнь.	Хунны Юебань вытеснили усуней из Семиречья.
282—291	Усиление Китая. Переворот императрицы.	Муюн Хой захватил Фуюй и воевал против Китая.	Усиление Карашара. Фергана, Аксу, Карашар и Рим шлют послов в Китай. Разделение табгачей на три аймака.
292—301	Раздоры принцев в династии Цзинь.	Муюн Хой завоевал Ги (около Пекина).	Поход табгачского хана Ито до верховьев Иртыша.
302	Основание царства Чэн (Хоу-Шу) в Сычуани.	Восстание хуннов и кянов подавлено. Муюн Хой нанес поражение Юйвэньскому Мохою. Китай признал Юйвэнь и Дуань.	
303	Распря князей Сыма Ина и Сыма Юя.		

Годы	Китай	Зона контакта (Хунны и сяньби)	Срединная Азия
304	Поражение Сыма Ина.	Восстание хуннов под предводительством Лю Юаня.	
305	Резня в Чаньани, произведенная наемными сяньбйцами Сыма Юя.	Лю Юань объявил себя Хань-ваном.	
306	Поражение и гибель Сыма Ина. Ограбление императора Хойди; возведение на престол Хуай-ди.	Восстание хуннских, кулов под предводительством Ши Лэ. Муюн Хой объявил себя «великим шаньюем сяньби», заняв город Гичэн (около Мукдена).	Объединение табгачских аймаков и союз их с Муюном Хоем.
307	Восстание Цзи Сана, взятие им Е и разгром его Сыма Юем.	Набег хуннов на Лоян. Лю Юань объявил себя императором Хань.	
308	Корейцы отняли у Китая Ляодун.	Поражение китайцев у Хуанхэ, хуннов у Лояна. Хуннский рейд к р. Хуай.	
309	Восстание народа против чиновников, облегчившее рейд хуннов.	Лю Юань умер; вступил на престол Лю Цун, убив своего брата Лю Хо.	
310	Интриги императора Хуай-ди против Сыма Юя. Союз с табгачским ханом Илу против хуннов.	Союз хуннов с белыми сяньби (в Шаньси). Муюн Хой подчинил племена Сухи и Мувань.	
311	Поражение Сыма Юя. Ши Лэ. Падение Лояна; взятие Чаньани хуннами. Восстание беженцев на юге Китая подавлено.	Победа табгачей над хуннами; бегство белых сяньби к оз. Кукунор. Поход Ши Лэ к р. Хуай и ликвидация китайского правительства.	Табгачам уступлена область Бинчжоу в сев. Шаньси за помощь в войне против хуннов.
312	Китайцы вытеснили хуннов из Чаньани.	Разгром хуннов Лю Яо табгачами. Ши Лэ отбил нападение Дуани и за-	Образование царства Тогои.

313	Мин-ди вступил на престол в Чань-ани. Образование княжества Лян (от Синна до Лянчжоу). Отложение Ван Сюня правителя Ючжоу.	ключил с ней мир. Муюн Хой нанес поражение Дуани. Нападение хуннов на Чаньань отражено китайцами. Ши Лэ захватил Ючжоу; Лю Яо разбит под Чаньанью. Наступление хуннов на Чаньань отбито южнокитайскими войсками. Лю Яо взял Чаньань и пленил императора.	Табгачи овладели г. Чэнло и укрепились в сев. Шаньси. Хан Илу получил титул Дай-ван.
314	Сыма Жуй в Цзянькане взял власть в свои руки.		Лусю, сын Илу, убил отца. Распря, ханом стал Юйлой.
315	Казнен император Мин-ли. Цзу Ти разбил Ши Ху в Хенани.	Хунны захватили западную часть Дуани.	Хан табгачей Юйлой завоевал степи до Лобнора и северо-западную Маньчжурью.
316	Основана династия Восточная Цзинь на юге Китая. Сыма Жуй — император Юань-ди.	Умер Лю Цун Переворот Цзинь Чжуна. Лю Яо дал династии название Чжао. Союз Муюнов с Цзинь.	
317	Цзу Ти повел наступление против Ши Лэ.	Хой разгромил Юйвэнь и занял Ляодун.	
318	Признание Муюна Хоя великим шаньюем.	Заговор и мятеж дисцев против Лю Яо погашен амнистией.	
319	Цзу Ти умер, и наступление китайцев на хуннов остановилось.	Ляодун официально уступлен Муюну Хую.	Юйлой убит заговорщиками. Ханом стал Хэну.
320	Отложилось от Китая царство Уду. Мятеж Ван Дуна.		
321	Мин-ди вступил на престол.	Ши Лэ объявил войну империям Цзинь и Чжао.	
322	Подавлен мятеж Ван Дуна.	Ши Ху разбил войска Лю Яо под Ляоном.	
323	Китай потерял земли севернее р. Хуай.		Табгачский хан Хэну бежал от народа и умер; возведен его брат Гэна.
324			
325			

Годы	Китай	Зона контакта (Хунны и сяньби)	Срединная Азия
326	Сыма Янь вступил на престол (посмертный титул — Чэн-ди).	Лю Яо разбил Ши Ху при Пуфане, но сам разбит под Лояном, взят в плен и казнен.	Табгачи утратили северные степи.
328		Разгром Старшей Чжао (хуннов).	Гэна бежал от народа в Юйвэнь. Возведен Ихуай, сын Юйлюя.
329		Ши Лэ объявил себя императором Младшей Чжао.	
330		Ши Лэ умер. Ши Ху, вырезав его родных и друзей, вступил на престол.	
331		Муюн Хой умер. Муюн Хуан вызвал восстание своего брата Муюна Жэнь в союзе с Дуань против себя.	
332		Повстанцы имели успех, но не развинули его. Муюн Хуан отбил натиск дуаней и подчинил Ляодун.	Гэна вернул престол; Ихуай бежал к Ши Ху.
333		Муюн Хуан разбил и казнил своего брата.	
334	Восточная Цзинь напала на Младшую Чжао.	Муюн Хуан принял титул Янь-ван.	
336		Ши Ху и Муюн Хуан разгромили Дуань.	Ши Ху поставил ханом табгачей Ихуаяна. Хан Ихуай умер. Хан Шеигянь успокоил народ; он покорил степи до Джунгарии (южнее Гобн) и северную Шаньси.
337			
338			

339	Цзиньский генерал Юй Лян разбит хуннами в Хубэе.	Муюн Хуан совершил поход на Корею.	Шенгянь установил штат чиновников-китайцев.
340		Неудачный поход Ши Ху на Муюна Хуана.	
341	Цзинь признала царство Янь (Муюнов).		
342	Чэн-ди умер.	Муюны разгромили Корею.	
343	Сыма Ю вступил на престол (посмертный титул Кан-ди)	Корея прислала дань Муюнам.	
344	Кан-ди умер.		
345	Основание Ранней Лян.	Муюн Хуан покорил Юйвэнь.	
	Сыма Дэ вступил на престол (посмертный титул Му-ди).		
346		Война Младшей Чжао с восставшей Лян.	
347	Диский князь Фу Хун собрал вокруг себя кочевников, поселившихся в Шэньси.		
348		Муюн Хуан умер; возведен Муюн Цзюнь.	
349	Союз Лян с Муюнами. Восстание Фу Хуна.	Восстание Лян Ду разгромлено.	
350	Основание царства Цинь. Разгром Яо Сяна Фу Хуном. Отравление Фу Хуна генералом Ма Цзю.	Ши Ху умер; распри принцев. Переворот Жэнь Миня; истребление хуннов в Младшей Чжао. Завоевание Дуани Муюном Цзюнем.	
351	Взятие Чаньвани Фу Цзянем I. Фу Цзянь I вступил на престол в империи Цинь.	Восстание хуннов против Жэнь Миня при поддержке Муюна Цзюня. Поражение хуннов.	
352		Поражение и казнь Жэнь Миня. Создание сяньбийской империи Янь.	

Годы	Китай	Зона контакта (Хунны и сяньби)	Срединная Азия
353	Инь Хао разбит Яо Сянем. В Лянь умер Чжан Чжун-хо.		Хиониты ворвались в Согдиану и столкнулись с Ираном.
354	Поход цзиньцев на Цинь и отступление.		
355	В Лянь низложен Чжан Яо-лин, вступил Чжан Цзо, вскоре убитый Чжан Хуай-цзинем.		
356	Фу Цзянь I умер. Фу Шэн начал казни вельмож. Разгром Яо Сяна тангутами.	Утрата Муюнами Лояна.	Шапур II воюет на восточной границе «с трудностями и не без потерь».
357	Фу Шэн убит Фу Цзянем II.		Мир Ирана с хионитами.
358			Образование орды Жужань.
359			
360	Ухуани и сяньбийцы подпались Фу Цзяню II, который выселил их за Кятайскую стену. Му-ди умер.	Муюн Цзюнь умер, на престол вступил Муюн Вэй.	
361			
362	Сыма Пэй вступил на престол (помертвый титул Ай-ди).	Неудачное наступление Муюнов на Лоян.	Союз хана Шейгяня с Лю Вэйцзнем.
363	В Лянь убит царь Чжан Хуан-цзинь; вступил на престол Чжан Тянь-си.		
364			

365	Ай-ди умер.	Муюны вернули Лоян.	Отложение Лю Вэйчэ- ня от табгачского ханст- ва.
366	Сыма И возведен на престол (по- смертный титул Ди И).	Муюны захватили бассейн р. Хуай и Шаньдун.	
367	Восстание тангутских князей про- тив Фу Цзяня II; подавление и казнь их.	Умер Муюн Ко — наставник царя.	Разгром табгачами Лю Вэйчэня.
368	Цзиньцы напали на муюнов и раз- громлены.	Бегство Муюна Чуя в Цинь. Война Фу Цзяня II против Муюнов; взятие Лояна.	
370	Военный переворот в Восточной Цзинь.	Взятие Цзиньяна и разгром Мую- нов. Конец империи Янь.	
371	Сыма Ю возведен на престол (по- смертный титул Цзянь Вэнь-ди) и умер.		Неудачное покушение на хана Шенгяня.
372	Возведен на престол Сыма Яо (по- смертный титул Сяо У-ди).		Восстание в Балхе на- местника Аршакида, раз- бившего персов, при под- держке хионитов.
373	Указ Фу Цзяня II против даосов.		
374	Фу Цзянь II завоевал Лян и совер- шил интервенцию в степь. И (племя) покорилось Цинь.		Хан Шенгянь убит за- говорщиками.
375	Хуннские князья признали власть Фу Цзяня II.		
376	Нападение Цинь на Цзинь — осада Саньяна.	Лю Кучжэню подчинены восточные, а Лю Вэйчэню — западные табгачи.	Табгачи покорены Фу Цзянем.
377	Падение Саньяна и переход цинь- ских войск за р. Хуай.		Восстание Аршакида подавлено эфталитами.
378			
379			

Годы	Китай	Зона контакта (Хунны и сяньби)	Средина Азия
380	Основание военной школы в Цинь.		
381	Все инородцы, жившие в Китае (И), подчинились Цинь.		
382	Подготовка Фу Цзянем войны против Цзинь.		62 среднеазиатских владетеля прислали посольства в Цинь.
383	Битва при Фэйшуй.	Восстание сяньбийцев на р. Вэй против тангутов.	Теле перекочевали в северные степи.
384		Основание ими царства Западная Цинь.	Поход тангутов в Западный край, взятие Кучи.
385	Гибель Фу Цзяня II.		Эфталиты появились в персидском войске при осаде Эдессы.
386	Основана Младшая Лян. Основана Младшая Цинь. Цзиньцы заняли Лоян.	Муюн Юн основал Западную Янь и разбил Фу Пяэ, отошедшего в покинутый Лоян.	Тоба Гуй возведен на престол с титулом Вэйван.
387	Тангуты выступили против тибетцев	Разгром Лю Сяна муюнами и табгачами.	
388		Разрыв табгачей с Муюном Чуем.	
389	Тибетец Яо Чан разбил тангута Фу Дэна.		
391		Разгром Лю Вэйчэня Тоба Гуем. Резня 30 тыс. хуннов бежали в Южный Китай.	Поход Тоба Гуя на Жужань и покорение телеутов табгачами.
392		Ликвидация Муюном Чуем орды «длинна» Ди Шао, который потом убит в Западной Янь.	Кидани разбиты Тоба Гуем и бежали на север.

393	Яо Чан умер, на престол Младшей Цзинь вступил Яо Син.	Еще 10 тыс. хуннов приковали в Южный Китай.	Распря в Жужаньском каганате.
394	Яо Син разбил тангутов окончательно. Конец Великой Цинь.	Еще 15 тыс. хуннов пришли в Южный Китай. Муюн Чуй занял Западную Янь.	Восстание жужаней против Тоба-Вэй.
395	.	Война Тоба-Вэй против Муюнов-Янь. Победа табгачей.	Переход жужаней на север от Гоби и союз ханов на Шелуня с Яо Сином. Ли Гуан объявил себя царем Младшей Янь.
396	Сяо У-ди убит. Возведен на престол Сыма И-дэ (посмертный титул Ань-ди). Цзинь признали Уду суверенным государством.	Разгром Муюнов. Тоба Гуй принял на службу китайских чиновников.	
397	Вступление на престол Ань-ди и мятеж Ван Гуна.	Наступление табгачей остановлено Муюнами. Распри среди Муюнов. Тоба Гуй занял г. Е.	Хунны в Хэси отделились от Младшей Янь, создав свою Северную Янь. Сяньбийцы Туфа основили Южную Янь.
398	Даосское восстание Сунь Тая и Сунь Эня.	Тоба Гуй принял титул императора Северной Вэй; Муюн Дэ основал Южную Янь; Муюн Шэн взял власть в Поздней Янь.	У Гу (Южная Янь) покорил верховья Хуанхэ и окрестности Слина.
399	Яо Син покорил Лоян и бассейны Хуанхэ.	Тоба Гуй разбил жужаней и покорил телеутов.	Основана Западная Янь.
400			Уничтожена Младшая Янь, а земли захвачены хуннами.
401			
402	Сунь Энь разгромлен, но восстание продолжается. Мятеж Хуан Сюаня против временщика Сыма Дао-цзы.	Тоба Гуй разбил Яо Сина.	

Годы	Китай	Зона контакта (Хунны и сяньби)	Срединная Азия
403	Хуан Сюань узурпировал престол Цзинь.		Шэлунь напал на табгачей и отошел без потерь, уведя в Джунгарию пленных телеутов.
404	Лю Юй разбил Хуань Сюаня и истребил его род, после чего взял фактическую власть.	В Тоба-Вэй создана система наследственных чинов.	
405	Яо Син уступил Южному Китаю 12 областей и обратил свой народ в буддизм.	В Южной Янь умер Муюн Дэ, вступил на престол Муюн Чао.	
406	Фэн Ба взял власть в Поздней Янь.	Хэлянь Бобо создал хуннское царство Ся.	Разгром Южной Лян хуннами. Набег жужаней на табгачей.
408		Хэлянь Бобо разбил войско Яо Сина.	Южная Лян отбила наступление Яо Сина.
409		Фэн Ба (китаец) основал Северную Янь.	Набег жужаней на Тоба.
410	Лю Юй разгромил повстанцев, наступавших на Цзянькан.	Убит Тоба Гуй, на престол Тоба-Вэй вступил Тоба Сэ.	Набег жужаней на Тоба огражен. Шэлунь умер, ему наследовал Хулной.
411	Крестьянское (даосское) восстание подавлено.	Лю Юй уничтожил Южную Янь. Конец Муюнов. Тоба Сэ привлекает китайских крестьян на опустевшие земли.	Жужани покорили Саяны и Баргу.
412	Лю Юй подавил мятеж Лю И.	Хэлянь Бобо вторгся в Шэнси, разбил войска Яо Сина и переманил к себе его воинов.	

413	Китайцы в Тоба-Вэй обложены налогом.	Союз Хулюя с Фэн Ба. Южная Лян захвачена сяньбийцами Западной Цинь. Датань захватил престол Жужани.
414		
415	Яо Син умер; вступил на престол Яо Хун.	Набег жужаней на Тоба-Вэй.
416	Царство Уду пало на Позднюю Цинь.	
417	Лю Юй взял Чанъань и уничтожил Позднюю Цинь.	В Тоба-Вэй бюрократизация: создано «Управление старшин шести аймаков».
418	Удавлен император Ань-ди; возведен его брат Гун-ди, но правит Лю Юй.	Хэлянь Бобо взял Чанъань и уничтожил южнокитайскую армию.
419		Война между Жужанью и Юебань. Основание царства киданей.
420	Лю Юй взял власть, прекратил династию Цзинь и основал династию Сун.	Мэн Сунь покорил Западную Лян и Гаочан.
421	Удавлен Гун-ди.	
422	Лю Юй умер.	
423	Сун признала Уду. Тогок заключил союз с Сун против Тоба-Вэй.	Западная Цинь подчинилась Тоба-Вэй.
424	Мань (в Сычуани) подчинилась Тоба-Вэй. Шао-ди низложен и убит. Возведен Лю И-лун (посмертный титул Вэнь-ди).	Жужани разгромили столицу Тоба-Вэй.

Годы	Китай	Зона контакта (Хунны и сяньби)	Срединная Азия
425	Танчаны вступили в союз с Тоба-Вэй.	Хэлянь Бобо умер, передав престол Хэлянь Чану.	Жужани разбиты и отогнаны табгачами.
426	Чангъань захвачена табгачами.	Набег табгачей на хуннов и отход с пленными.	Северная Лянь и танчаны заключили союз с Тоба-Вэй.
427		Хунны осадили табгачей в Чангъани.	Разгром кидаритов персами, а эфгалитов — индусами.
428		Табгачи взяли ставку Хэлянь Чана, принудив снять осаду с Чангъани.	
429		Хэлянь Чан попал в плен, его сменил Хэлянь Дин, который вернул Чангъань.	
430	Вторжение сунских войск в Хэнань и разгром их табгачами.	Хэлянь Дин заключил союз с Сун, обещав поделить «Север» (Китай), а Тоба Дао — с Западной Цинь, теснимой хуннами Хэси. Династический переворот в Северной Янь: кровопролитие после смерти Фэн Ба.	Юебань заключила союз с Тоба Дао против жужаней.
431		Хэлянь Дин истребил 15 тыс. сяньбийцев Западной Цинь. Хэлянь Дин разбит тогонцами и пленен.	Сяньбийцы Западной Цинь вторглись в Шэньси, а их земли заняли тогонцы. Поход табгачей на жужаней и бегство жужаней. Умер хан Даянтань.
432		Хэлянь Дин выдан Тоба Дао и казнен.	Мир Жужани и Тоба-Вэй.
433	Восстание Уду против Сун и союз с Тоба-Вэй.		

434	Китайцы выгнали удусцев из Ханьчжуна.	
435		Брачный союз правителей Жужани и Тоба-Вэй. Умер Мэн Сунь, наследовал Мугань. Шаньшань вступила в союз с Тоба-Вэй. Отложился от Хэси Гаочан. Набег жужаней на Тоба-Вэй.
436		Жужани отбили нападение табгачей.
437	Табгачи захватили Северную Янь.	Хунны держатся в Дуньхуане и воюют против Шаньшани.
438	Табгачское посольство в Среднюю Азию.	Вторжение Ухоя в Хэси. Ухой взял Гаочан. Ухой овладел Шаньшанью и разграбил Чэши.
439	Тоба Дао вернул в мир буддийских монахов моложе 50 лет.	Поход табгачей на Жужань. Умер Ухой, вступил на престол Аньчжоу.
440	Тоба Дао завоевал Хэси.	
441	Тоба Дао провозгласил даосизм официальной религией.	
442	Нанесено поражение нападавшим жужаням.	
443	Казни в Тоба-Вэй.	
444	Указ Тоба Дао о преследовании буддизма. Война с Тогоном.	

Годы	Китай	Зона контакта (Хунны и сяньби)	Срединная Азия
445			Умер жужаньский хан Уди. Тогонцы бежали на запад и взяли Хотан, потом вернулись на родину.
446	Восстание Уду против Тоба-Вэй по- давлено.	Уничтожение буддийских кумирен.	Окончательное завоевание Хэси табгачами.
447	Рейд сунских войск в долину р. Вэй.	Вторжение табгачей в империю Сун.	Посольство Юебани в Тоба-Вэй.
448	Сунцы отстояли крепость Хуи, вы- нудив табгачей отступить.	Табгачи дошли до Янцзы и отступили.	Поход табгачей на Жужань.
449	Сунцы взяли крепость Гаонао, вы- резали гарнизон и ушли.	Тоба Дао убит Цзун Аем; Цзун Ай убил Тоба Ю, но схвачен и казнен.	Персы потеснили кидаритов.
451		На престол возведен Тоба Сюнь; указ против буддизма отменен.	В Тогоне умер Му- линь, вступил на престол Шилунь, союзник Тоба-Вэй.
452			
453	Вэнь-ди убит; возведен Лю Цзюнь (посмертный титул Сяо У-ди).		Кидариты разбили персов.
454			Союз эфталитов с кидаритами против Индии и Ирана.
455			Табгачи заняли Хами.
456			Эфталиты изгнаны из Индии.

457			
458	Указ об ограничении прав буддийских монахов.	Закон о запрещении винокурения.	Эфталтская интервенция в Иран для подержки Пироза.
459			Поход табгачей на Жу-жань безрезультатен.
460			Поход эфталитов на абаров (в Семиречье).
461			Гаочан взят жужанями. Конец хуннов.
462			Абары потеснили саби-ров, сабиры — сарагу-ров, урогов и оногуров, которые заключили союз с Византией.
463			Сарагуры подчинили акациров.
464			Умер хан Жужани — Тухэжэнь, вступил на престол Юйчэн.
465	Сяо У-ди умер. Возведен и убит Лю Цзы-е; возведен Лю Юй (посмертный титул Мин-ди).	Умер Тоба Сюнь. Закон против винокурения отменен. Тоба Хун I возведен на престол.	Персы повели наступление на кидаритов.
466	Удачное восстание в Уду против табгачей.	Табгачи завоевали северный берег р. Хуай и соорудили гигантскую статуу Будды.	Последнее сопротивление гуннов (европейских) болгарам, византийцам и гепидам.
467			Окончательный разгром гуннов. Персы выгнали кидаритов в Индию.
468			

Годы	Китай	Зона контакта (Хунны и сяньби)	Срединная Азия
469	Крестьянское восстание в Чжэцзяне.	Табгачи завоевали Шаньдун.	
470		Табгачи разгромили жужаней и Тогон.	Жужани разграбили Хотан.
471		Отречение Тоба Хуна I в пользу пятiletнего сына Тоба Хуна II.	
472	Мин-ди умер. Возведен Лю Юй	Набег жужаней.	Эфгалиты выгнали хионитов из Согда, распространились до Каспийского моря и захватили северо-западную Индию.
473	(посмертный титул Цан У-ван или Хоу Фэй-ди).	Набег тогонцев.	Жужаньский хан Юй-чэн представил дань Тоба-Вэй.
474	Уду поддалась Тоба-Вэй. Союз Сун и Жужани.	Набег жужаней на Наньшань отбит.	
475		Запрещение приносить в жертву коней и быков.	
476		Отравлен отрехшийся царь Тоба Хун I.	
477	Хоу Фэй-ди убит. Возведен Лю Чжунь (посмертный титул Шуань-ди).	Восстание в Уду против Тоба-Вэй подавлено.	
478			Киданьский хан стал данником Тоба-Вэй.
479	Низвержение династии Сун и установление династии Ци (Сяо Дао-Чэн; посмертный титул Гао-ди).		
480	Царство Уду поддалось Ци.	Вторжение северян в долину р. Хуай отражено.	Татабы покорились Тоба-Вэй, приняты и поселены.

481		Умер тогонский царь Шэинь, на престол вступил Дунхоу и умер, передав престол Фуляньчоу.
482	Император Гао-ди умер.	Тоба Хун II впервые совершил церемонию поклонения предкам.
483	Вступил на престол Сяо Чжэ (посмертный титул — У-ди).	Налоговая реформа.
484		Указ, запрещающий магию, как противоречащую классическим книгам.
485	Крестьянское восстание в Чжэцзяне и Цзянсу.	Введение китайских мод при дворе.
486		Засуха, голод, эпидемии.
487		Телеуты захватили Гаочан, но изгнаны местными жителями.
		Победа эфталитов над Ираном; гибель Пероза.
		Умер хан Жужани Юйчэн, возведен на престол Доулунь.
		Тогонцы напали на тибетцев в Амдо.
		Телеуты восстали против Жужани. Переход их в долину Черного Иртыша.
488		Телеуты уничтожили Юебань.
489		Попытка телеутов заключить союз с Вэй против Жужани неудачна.
490		Телеуты разделились на северных и южных.
491		Смерть императрицы-регентши; Тоба Хун II принял власть.
		Религиозная реформа, запретившая даосизм.
		Вторжение в Жужань. Усмирение Тогона.

Годы	Китай	Зона контакта (Хунны и сяньби)	Срединная Азия
492			Хан Жужани Доулунь убит, возведен Нагай и умер, передав престол Футу.
493	У-ди умер. Возведен Сяо Чжао-я, который убит, и возведен на престол Сяо Чжао-вэнь, который убит, и возведен на престол Сяо Лунь (посмертный титул Мин-ди).	Война против империи Ци.	
494		Перенос столицы в Лоян. Неудачное вторжение в долину р. Хуай и отступление.	Эфталитская интервенция в Иране.
495		Запрещение сяньбийского языка, одежды и причёски (косы).	Эфталиты разгромили южных телеутов.
496		Успешно восстание татабов. Переименование династии в Юань-Вэй. Казнь наследника, противника реформы.	Эфталиты покорили северных телеутов.
497	Поход вэйских войск на Уду и поражение тангутов.	Война против Ци. Поход в долину р. Хань.	Эфталиты захватили Карашар. Гаочан поддался Жужани.
498	Мин-ди умер. Возведен на престол Сяо Бао-гуань.	Взятие г. Юань (в Хэнани). Мятеж иньшаньских телеутов и подавление его.	
499	Зверства императора Сяо Бао-гуаня.	Тоба Хун II умер, вступил на престол Тоба (Юань) Ко.	Война болгар против Византии началась.

500	Переворот в империи Ци; осада дворца.	Правитель северной окраины Ци передался империи Вэй.	Гаочан расторг союз с Жужанью.
501	Убийство Сяо Бао-гуаня.		
502	Конец династии Ци.		
503	Основание династии Лян.	Вторжение вэйских войск в долину р. Хуай.	
504	Сяо Янь (посмертный титул У-ди).		
505	Буддизм объявлен государственной религией.	Завоевание Ханьчжуна.	Жужаньский хан Футу просил мира у Юань-Вэй.
506		Покорение Уду.	
507		Вторжение вэйских войск в долину между р. Хуай и Янцзы отражено.	Телеуты разбили жужаней; хан Футу погиб.
508			Вступил на престол Цзуну.
509			Эфталиты проиграли войну в Индии.
510			Жужаньский хан Чэну обратился в буддизм.
511			
512			
513			
514			
515			
516	Нападение лянцев на вэйскую крепость Цзетун отбито.	Умер Юань (Тоба) Ко.	Жужани разбили телеутов.
517	Указы Лян У-ди в пользу буддизма.	Регентство императрицы Ху Ши.	Посольство эфталитов в Лян.
		Наступление вэйцев на юг удачно.	

Годы	Китай	Зона контакта (Хунны и сяньби)	Срединная Азия
518		Регентша Ху Ши объявила буддизм государственной религией.	Империя Юань-Вэй признала княжество Гаочан.
519 520		Арест регентши принцем Тоба И, взявшим власть.	Переворот в Жужани: Чэуну убит; распри братьев хана.
521			Жужани разбиты телеутами и бежали в империю Юань-Вэй.
522 523		Восстание Хань Ба-лина в северной Шаньси.	Жужани убежали из Китая.
524		Жужани разбили Ба-лина.	Жужани разбили телеутов.
525		Ху Ши вернула власть и казнила Тоба И. В Шаньси отложились «горные ху», вождь которых принял титул — хан.	Тогон отложился от империи Юань-Вэй.
526	Лянцы огня у Вэй г. Шоуян.	Восстание Гэ Жуна в Хэбэе.	
527		Эрчжу-Жун разбил Гэ Жуна.	
528		Ху Ши отравила сына и возвела на престол трехлетнего внука.	
		Эрчжу-Жун взял Лоян и утопил императрицу с внуком.	
		Казнены вельможи империи Юань-Вэй.	
		Возведен на престол Тоба Цзи-ю.	

529	Восстание принца Юань Хао разгромлено Эрчжу Жуном.	
530	Эрчжу Жун заманен во дворец и убит. Его брат Эрчжу Шилунь взял Лоян, казнил убийц и возвел на престол Тоба Хуа.	Вторжение двух болгарских ханов в Византию.
531	Эрчжу Шилунь сменил царя. Гао Хуань разбил Эрчжу Дао и провозгласил царем Тоба Лана.	
532	Гао Хуань взял Лоян и возвел на престол Тоба Сю.	
533	Гао Хуань казнил трех низложенных царей и истребил род Эрчжу. Тоба Сю бежал в Чангъань к Юйвэнь Таю.	Византия вернула Боспор. Война жужаней с телеутами.
534	Гао Хуань возвел на престол Тоба Шань-цзяня.	
	Разделение империи на Западную и Восточную Вэй. Юйвэнь Тай отравил Тоба Сю и возвел на престол Тоба Бао-цзюе.	
536—537	Война между Западной и Восточной Вэй.	Война жужаней с телеутами.
538	Голод, погубивший 80% населения Северного Китая.	
539		
540		
541		
542		Покорение телеутской державы жужанями.
543		
544		

Годы	Китай	Зона контакта (Хунны и сяньби)	Срединная Азия
545	Гао Хуань стеснил Юйвэнь Тая.	Жужань и Тогон — в союзе с Гао Хуанем.	Восстание телеутов. Покорение телеутов тюркютами.
546		Посольство тюркютов в Западную Вэй.	Посольство от эфталитов в Западную Вэй.
547	Гао Хуань умер. Восстание Хоу Цзина.	Хоу Цзин, передавшись Западной Вэй, изменил ей в пользу Лян.	Конфликт Бумына, князя тюркютов, с Анахуанем, ханом жужаней.
548			
549	Хоу Цзин предал Лян и сжег Цзянькан.		
550	Основание Бэй Ци; казнь членов рода Тоба.		
551			Брачный союз Бумына с царевной Западной Вэй.
552	Гибель Хоу Цзина. Возрождение Лян.		
553	Бэй Ци победили киданей.	Посольство от эфталитов в Западную Вэй.	Восстание тюркютов против жужаней. Бумын умер.
			Разгром жужаньского каганата.
554	Образование царства Младшая Лян, зависящего от Западной Вэй.	Вторжение войск Западной Вэй в Южный Китай для поддержки Младшей Лян.	Поход тюркютов на запад до Арала.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

Пролог

Степь и Китай 5

Река 9

Вода 11

Прошлое 15

Историографический
экскурс 19

Крушение древнего
Китая 21

Тление

Проблема этнического
контакта 25

Восточные хунны 26

У подножия Тибета 29

Сяньби 31

Юйвэнь 34

Дуань 35

Корея 35

Фуэй 37

Приамурье 38

Сибирь 40

Вспышка

Война князей 43

Война традиций 46

Война народов 53

Война племён 57

Война империй 58

Неизбежность 64

Костер

Гибель династии 67

Гибель единства 72

Гибель аристократии 76

Гибель демократии 79

А кто выиграл? 82

Отец и сыновья 84

Пожар

Значение метафоры 88

А было так 89

Смерч 95

Против ветра 100

Тайфун 102

Повод для размышлений 104

Накал

Дуновение древности 107

Весенние дожди 113

Ураган 117

Ясное небо 120

Вихрь 123

Опрокинутая империя 126

Полямя

Кто против кого? 130

Тибетцы против тангутов 133

Хунны против табгачей 135

Табгачи против муюнов 136

Муюны против табгачей 139

Китайцы и тибетцы 141

«Западнее реки» 143

Последний всплеск
пламени 146

Этнологический экскурс 148

Три цвета пламени

Угасание 153

Гибель Муюнов 155

Конец Южной Лян 156

Конец Младшей Цинь 158

Синее и красное 161

Конец Западной Лян 163

Желтое и красное 165

Желтое и синее 168

Конец Западной Цинь 171

Конец Ся 172

Конец Северной Янь 174

Зарево

Образование коалиций	176
Война за Хэси	178
Война за Уду	181
Война за Западный край	182

Огни гаснут

Плоды побед	185
Феодальные учреждения в империи Вэй	186
Воинствующий даосизм	191
Поход на Юг	194
Гибель тирана	196
Гибель хуннов	199

Угли остывают

Царь-монах	203
Царица-модница	206
Измена прошлому	209
Инерция побед	211
Север против Юга	213

Пепел

Загнивающий феодализм	216
Деформация химеры	220
Нежеланный спаситель родины	223
Агония	226
Века и люди	232
«Конец, и вновь начало»	234
Приложение. Синхронизи- стическая таблица	237
Указатели	259

Лев Николаевич Гумилев

ХУННЫ В КИТАЕ

Три века войны Китая
со степными народами
III—VI вв.

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *В. В. Кунин.*
Младший редактор *С. П. Какачикашвили.*
Художник *Н. В. Симоновская.*
Художественный редактор *И. Р. Бескин.*
Технический редактор *М. В. Погоскина.*
Корректор *А. В. Шандер*

Сдано в набор 16/VI 1973 г. Подписано к печати 25/II 1974 г. А 07945.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 2. Печ л. 8,5. Усл. п. л. 14,28. Уч. изд. л. 14,38.
Тираж 5300 экз. Изд. № 3149. Зак. № 948. Цена 1 р.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Полиграфическое объединение «Полиграфист»
Управления издательств полиграфии и книжной
торговли Мосгорисполкома.
Москва, ул. Макаренко, 5/16.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

Цена 1 р.